ГОЛУБЫЕ ДОРОГИ
ВИКТОР МИТРОШЕНКОВ
ГОЛУБЫЕ ДОРОГИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор — полковник авиации — посвящает свою книгу людям этой романтической профессии: летчикам, авиаконструкторам, космонавтам.

В книгу вошли очерки об Антоне Губенко, впервые в истории советской авиации совершившем воздушный таран, о творце первого реактивного самолета В. Ф. Болховитинове, летчике-испытателе Г. Я. Бахчиванджи и других известных и малоизвестных широкому читателю героях.

Значительное место занимают очерки о советских космонавтах В. Быковском, В. Шаталове, Г. Береговом, А. Леонове. Особый интерес представляет хроника последнего месяца жизни космонавта I — Юрия Гагарина.

- Виктор Митрошенков
  - Об авторе, о книге
  - Лейтенантские годы
  - Антон Губенко
  - Реактивный старт
  - И бомба, и стих!
  - Навстречу ветру
  - Юрий Гагарин
  - Есть упоение в бою
  - Покой нам только снится
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Виктор Митрошенков
Голубые дороги

Об авторе, о книге

Представлять читателям писателя всегда трудно. Книга, как бы она, по мнению автора, ни была совершенна, не может вызвать одинаковые читательские мнения. Потом, каждая написанная книга — уже прошедший этап творческой биографии писателя, а истинный писатель от книги к книге растет. Следовательно, всякая рецензия на книгу, всякое слово об авторе — это о его прошлом, о том, что уже создано.

Итак, Виктор Митрошенков — автор одной темы, вернее, магистрального направления его творчества. Завидная, непоколебимая стойкость. Все, что им написано, — а это очерки, новеллы, рассказы, повести, теле- и киносценарии — все посвящено нашей славной авиации.

Литература об авиации прочно занимает почетное место в нашей книжной индустрии. Подобно маринистам, писатели, работающие в авиационной теме, составляют довольно многочисленный актив в Союзе писателей СССР. Авиации еще нет и ста лет, но число книг об авиации и ее людях сравнительно велико.

Первые очерки Виктора Митрошенкова обратили внимание читателя, критики и привлекли своей свежестью, лиризмом,

нескрываемой симпатией к герою. В них он открывает забытые подвиги, малоизвестные страницы Фронтовой жизни, становится летописцем героической истории.

Он любит подвиг, подвиг вдохновляет его на творческую деятельность, в показе подвига он раскрывает человеческое обаяние, широту духовного мира героя.

Виктор Митрошенков написал много очерков, из них он составил несколько книг. Как естественная эволюция писателя — от очерка он переходит к документальной повести, более широкому охвату событий, к написанию целой галереи образов защитников нашей Родины.

Читатели с интересом прочитают повесть «Лейтенантские годы». Тогда, во время первых космических полетов, она не была первоочередной в планах автора. Но вот на пленуме Центрального Комитета комсомола встретились два однополчанина: офицер Виктор Митрошенков и летчик–космонавт Валерий Быковский. Разговоры, воспоминания и, наконец, обоюдное желание — поехать в полк. И вот они в родном гарнизоне у своих друзей, среди командиров, воспитавших их, с теми, с кем началась их юная лейтенантская пора.

Я почти уверен, что В. Митрошенков тогда не думал писать повесть. Встреча с юностью, самой памятной порой в жизни, взволновала его, а по–прежнему трогательная забота командиров напомнила прошлое. И тогда, вынашивая сюжет будущей повести, он вдруг обнаруживает, что не хватает материала. Начав нелегкий путь поиска, он, как машина, пущенная на полные обороты, не может остановиться. Он пишет новеллы, очерки, зарисовки как заготовки будущей повести. Пройдет еще несколько лет, прежде чем все они, написанные и опубликованные, станут ее главами.

Не риторический вопрос: о чем должна быть повесть? О себе, товарищах, о прославленном однополчанине? И об этом тоже. Но главное — полк, родной, обязательный на пути молодых лейтенантов. Полк — лучшая школа возмужания, военного роста, нравственного становления. И В. Митрошенков правильно находит пути раскрытия емкого понятия — коллектив, полк; с теплотой рассказывает автор о командире полка.

Он пишет: «…встреча с командиром полка поначалу разочаровала. Он принял нас утром. Невысокий, узкоплечий подполковник, тряхнув рыжей шевелюрой, усадил нас на старый диван и попросил подождать. Он разговаривал по селектору, потом кому-то звонил и все делал быстро, без солидной неторопливости, соответствующей, нашем понимании — его

должности. Я же всегда представлял командира полка совсем иначе. Он непременно имел большой рост, был плотным, с проседью в волосах, медлительным. Иначе за что же его называть Батей?..

Нашего командира Батей не звали. То ли солидностью не вышел… то ли недобрал мастерства. Восхищение мое померкло, и воображаемый образ командира потускнел».

А чуть ниже он снова возвращался к командиру.

«Командир всюду был с нами. Когда бы полеты ни проходили: днем ли, ночью ли, Холодов был на СКП или летал. Он был неутомим, заботлив, нераздражителен, весь гнев его, если и прорывался изредка, выливался в словах «елки–моталки».

Разве можно было забыть такого командира? Известно, талантливые летчики рождаются у талантливых воспитателей. А Холодов был талантливым человеком.

Виктор Митрошенков пришел в авиацию после Великой Отечественной войны, в период, когда она из поршневой становилась реактивной, сверхзвуковой. В Свердловской спецшколе ВВС, которую он окончил в 1951 году, окончательно сформировалось его поэтическое отношение к летной профессии, к своим товарищам. Там же, в спецшколе ВВС, он делает первые литературные пробы. Стихи, очерки о мальчишках, с неистовым упорством одержимых людей идущих в клан мужественных и непоколебимых. Тодда все, движимые мечтой о летной профессии, они не знали, что кто-то не станет летчиком, но это не будет измена идеалу, выбранному пути, а это новое, открывшееся в человеке, должно было все равно служить возвышению авиации. Они так думали, но так не всегда получалось. Курсант Борис Штоколов станет певцом, народным артистом СССР, курсант Сергей Гурзо — киноартистом, курсант Валентин Орел — поэтом и т. д. На формирование будущих летчиков оказывают влияние окружающие люди: командиры, воспитатели, преподаватели. Они не верстовые столбы в их стремительно идущей жизни. Каждый человек — характер, индивидуум, особенность. Наверное, в жизни так не бывает — все преотличные люди. Но тут как сказать: кто что ищет в людях.

Автор с пленительной нежностью относится к человеческим достоинствам, ищет в человеке благородство, мужество, простоту и откровенно восторгается этим.

Привязанность автора к документальной прозе, очевидно, исходит из того, что в жизни бывает так много невероятного, что выдумывать ничего больше не надо.

Виктору Митрошенкову свойственна черта показа положительных героев. Читатель вправе опросить: а как же

развивается действие, если нет борьбы передового и отживающего, нового со старым, что же, выходит, оно без конфликтов? Конфликт есть. Конфликт — это не только стержень произведения, это и борьба за передовые позиции жизни.

В творчестве Виктора Митрошенкова не все одинаково равно, не все удалось. К сожалению, бывают напряженные подъемы и неожиданные спуски. Митрошенков кадровый офицер, и, естественно, литература пока плод его жизненного увлечения, неистребимой привязанности, для которой он может выделить отпуск, праздник, выходной день.

Армейские писатели, к числу которых принадлежит В. Митрошенков, достойны похвалы, всеобщей поддержки, всеобщего внимания.

Виль Липатов

Лейтенантские годы

Годы стремительно уносят нас от юных лейтенантских лет.

Лейтенанты! Они встали под боевые стяги с неукротимым желанием быть полезными Родине, всегда готовыми выступить на ее защиту.

…В поездке по частям ВВС мы много раз встречались и беседовали с лейтенантами. И вспомнил я свои лейтенантские годы — годы поиска и становления. И решил написать о них и о своих командирах, о товарищах, с которыми начинал офицерскую службу…

*

До отхода поезда оставалось три часа. Собрались за столом. Пожелали друг другу удачи. Взгрустнулось. Каждый думал о чем-то своем, сокровенном.

Они так успели привыкнуть к нему, столько летали вместе, по ночам возвращались с аэродрома… Брели медленно, чтобы всласть налюбоваться восходом и нежными красками утра: не яркими, но такими щемяще родными… А теперь он уезжает от них. Хотя их неразрывно соединяют полеты и походы на рыбалку, и споры над книгами, и волейбол, и купание в реке, и всегдашняя «сиюминутная» готовность к любым самым трудным полетам. Сн уезжает, хотя их души слились в одну в те долгие вечера, когда они устраивали галдеж и до утра спорили о Ремарке, об инквизиции и лютеранстве, о загадочном Сент–Экзюпери и конструкторе Яковлеве. А разве это не вместе с ним по понедельникам они грустно думали о бесшабашно проведенном воскресенье, и каялись, и давали зарок…

Летать — это было золотой мечтой и смыслом жизни нашего поколения. Думали не о званиях, а о полетах, о новом самолете, контуры которого ни один конструктор еще не наносил даже «а кальку.

А теперь он от них уезжает…

Леонид Галаган искоса поглядывал на него, бычился, мял в пальцах хлебные шарики, но лицо было непроницаемо, славно все это его не касалось. Он не признавал сантименты и открытое проявление чувств.

Леонид Галаган был самым старшим по званию, положению, возрасту.

Молодые летчики тянутся к старым. Учатся у них летному

делу, перенимают житейский опыт. Они нашли в Галагане верного друга, отзывчивого товарища, а уж какой он был летчик!..

В 1952 году еще не было «спарок», учебных самолетов УТИ «МиГ-15». Летали на «Як-18» с приборной начинкой «МиГа». Летали много, каждый день осваивая поступивший на вооружение новый реактивный истребитель. В одном из полетов в самолет Галагана врезался шедший на посадку «Як-18». Это произошло на малой высоте. Сильный удар потряс округу. Присутствовавшие отвернулись, чтобы не видеть тяжелой катастрофы. Самолет Галагана разваливался на глазах, но Леонид выполнил замысловатый разворот и посадил машину на аэродром. После этого случая молодые летчики стали еще больше превозносить Галагана, он был их кумиром. Но сам он от этого не изменился: напротив, стал требовательней к себе, решил еще лучше изучить свой самолет.

Высокий худой Эдуард Геронтьев, склонив голову на плечо, рассеянным мечтательным взглядом смотрел на книжную полку.

Володя Роднев, по прозвищу Ара, все хотел что-то сказать, открывал рот, но они слышали только многозначительное покашливание: «Гм–м, кх–х…»

Как много говорило это общее молчание! Они чувствовали, что не только тот из них, который теперь уезжал, стоит на пороге. Оки все стояли на пороге, всех ждали перемены.

Эдуард Геронтьев в 1960 году уволится из армии, больно и тяжело переживая разлуку с авиацией.

Владимир Роднев окончит Военно–политическую академию имени В. И. Ленина, станет начальником политического отдела училища.

Но все это будет потом. А сейчас им кажется, что не расстанутся никогда с кабиной самолета.

— Значит, — сказал кто-то, — будешь испытателем парашютов?

Валерий Быковский пожал плечами.

— Может быть, новые самолеты доверят испытывать?

— Не знаю.

— А что, если в астронавты зачислят?

— Будет болтать. Это еще не скоро.

— Получишь орден — напиши. Поздравим.

— За что награждать? Ордена зря не дают.

— Из полка тоже зря не отзывают.

— И то верно.

— А в полк приедешь?

— Приеду!

— И тогда все мы пойдем на берег, встанем лицом к воде и

ответим на вопрос: а что ты сделал за эти годы для Родины?

Вечером бушевала пурга. Утром припущенная снегом земля выглядела обновленной, чистой и ровной, как накрахмаленная скатерть. Солнца еще не было, оно пряталось где-то за горизонтом, да и горизонт был неразличим в сизо–голубой дымке. Но непогода для военной авиации не помеха.

Взлет назначен на восемь утра. Вылетать будем с подмосковного аэродрома на транспортном самолете.

Из-за ангара показались Быковские. Подошли. Валерий Федорович представился:

— Подполковник Быковский.

Затем представил свою жену. Перезнакомился со всеми, в том числе и с экипажем, стоявшим в строю под правой плоскостью. С первой же минуты все чувствовали себя свободно и естественно.

В воздух поднялись быстро и легко. И сразу, как водится, все прильнули к иллюминаторам. Выкатилось солнце. Оно оказалось внизу, под нами. Небо, охватив землю, падало за горизонт. Неторопливо подминая километры, самолет нес нас в родной полк. А у людей, начинавших там свою офицерскую службу, одно лишь упоминание о нем вызывает душевный трепет.

Под нами четкие квадраты полей, дороги, отороченные кустарником, лес; каждая ель — царица лесов — хорошо видна, а на полях отчетливо различимы разные тени деревьев; и тут же стога сена, словно сахарные маковки, — .каждый в белоснежном берете. Земля уже совсем проснулась. Бегут автобусы, прошел поезд, на встречном курсе ниже пролетел самолет. Землю лучше наблюдать с тихоходного самолета — на большой скорости предметы стираются, а с ними — ощущение жизни… А вот село упряталось в ложбине. Дома уступами сбегают по пологому берегу. Темная полоса незамерзшей речки вьется между домами.

В самолете стало тепло. Да и вниз смотреть без дела быстро надоедает. Затеяли разговор.

— Честно говоря, — улыбнулся Быковский, — я давно хотел побывать у друзей, сдержать слово. Но не думал, что это будет так сложно и что доставлю этим столько хлопот.

Когда бы и где бы мы ни встречались, спрашивал его: когда приедешь в свой полк? В моей настойчивости не было и тени упрека. Ведь понятно — не все от него зависело. Он всегда был очень загружен. Но и не напомнить о приглашении я не мог. Тем более что постоянно об этом просили однополчане.

Решилось вдруг — на пленуме ЦК ВЛКСМ. Он проходил в Кремлевском театре. В президиуме — Юрий Гагарин и Валерий Быковский. Вижу, по рядам идет записка. Не читая, передаю ее дальше. Через несколько минут она возвращается ко мне. Хотел

передать ее снова, теперь уже вперед, а мне говорят: «Это тебе». Читаю: «В перерыве встретимся на втором этаже. Валерий». Тогда и договорились.

И вот мы в самолете. Разговоры, понятно, какие: о космосе, о космонавтах. И конечно же, щеголяя своей осведомленностью, говорим больше мы, а Быковский молча слушает да кивает головой, да посматривает вниз. Но его внимательные, все понимающие глаза говорят больше любых слов.

Многие считают, что самое худшее в жизни — это ждать и догонять. Быковскому приходилось ждать не раз.

Он ветеран отряда космонавтов, в числе первых был подготовлен к полетам. Но вот ушел в первый рейс к звездам Юрий Алексеевич Гагарин, уже намечался следующий полет, а Валерий — все дублер.

— Интересное это слово — «дублер», — говорил Валерий Федорович. — Это и не дубль и не дубликат. Совсем другое. В простом и даже несколько неблагозвучном, может быть, даже казенном слове заложен глубокий смысл.

Кому–кому, а космонавтам он близко знаком! Хорошо сказал поэт:

Глухая ночь.
Глубокий сон.
Два сердца
бьются в унисон.
Рассвет невозмутим и тих.
Горячий завтрак на двоих.
На два плеча ложится жгут.
Двоим, прощаясь, руку жмут.
Один —
переступил черту,
Другому —
следующий раз…

Быковский не просто прошел программы. Он изучил их, освоил, сжился с ними. И каждый раз — ожидание. И — вся жизнь перед глазами. Сергей Павлович Королев внимательно следил за его тренировками, а когда наступил решительный момент, по–командирски сказал:

— Следующий — вы.

А до этого, после очередного ожидания, Королев говорил ему:

— Полетите, обязательно полетите. Но по более сложной

программе.

Валерий был в высшей форме тренированности, когда состоялось решение, что он полетит в космос одновременно с Валентиной Терешковой.

Поэтесса Озерова писала:

…Был дублером Андрияна в августе,
Провожал Поповича в полет,
Разделял их горести и радости,
А теперь настал его черед…

Валерий не говорит о полете. Он задумчиво смотрит в иллюминатор. «Ли-2» накренился, и нам хорошо видно землю. Все под плотным панцирем снега, исключение — маленький кусочек, отвоеванный у снега: серая бетонка. Теряем высоту. Винты секут воздух, замедляя свой бег. Автомашина указывает нам путь. Как непривычно видеть на военном аэродроме так много людей сразу. Встретить космонавта пришли представители общественности города, командование гарнизона, товарищи. Среди встречающих — известные летчики, отважные герои.

Но среди отважных есть самые отважные. Я знаю таких. Один из них Николай Дмитриевич Гулаев.

В 1938 году Гулаев начал заниматься в Ростовском аэроклубе. Он был очень нетерпелив, хотел летать немедленно, тотчас же. Конструкцию самолета изучил, устройство двигателей знал не хуже заправского механика, сам готовил свой самолет к полетам.

В школу военных летчиков Гулаев был принят как «подающий большие надежды». Едва закончил ее — сразу был направлен на фронт. Шла война с белофиннами. Здесь совсем еще юный сокол получил первое боевое крещение, провел 40 боев. Гулаев был стремителен в атаках, верток, широко использовал вертикали. Не получив ни одного ранения, он приобрел опыт, который пригодился ему, когда началась Великая Отечественная война.

К войне с фашизмом наши летчики готовились тщательно. Гулаева послали учиться на курсы мастеров высшего пилотажа. А тут война. Гулаев стал рваться на фронт. Но как освободиться от курсов прежде времени? Бежать? Начальник курсов майор Корниенко, понимая желание лейтенанта и сочувствуя ему, не хотел бы докладывать начальству о его побеге на фронт, но приказ есть приказ… Выход все же нашли: Корниенко составил для Гулаева персональную программу проверки. Гулаев выполнил ее блестяще. Начальник курсов тут же откомандировал его.

Не было дня и ночи, зимы и лета. Время делилось на сон и полеты. Между полетами вынужденный отдых: короткий перерыв для подготовки к очередному вылету. На Сталинградском фронте Гулаев сбил одиннадцать самолетов врага, один самолет таранил. О нем стали писать, у него брали интервью, на него равнялись. Пришла настоящая боевая слава. Но на его человеческие качества это не повлияло. Он по–прежнему был застенчивым, душевным и чутким товарищем, не любил позы, громких слов.

В бою не было ему равных. Когда над аэродромом Грязное завязался воздушный бой, Гулаев ворвался в гущу кувыркающихся истребителей, норовя достать ведущего вражеской группы. Это ему удалось. Враг был уже в севке прицела, еще немного, какое-то мгновение — и свинцовые трассы понесутся в фашиста. И тут краем глаза он увидел, что над самолетом командира навис немецкий… Гулаев бросил свою машину наперерез. Фашист открыл огонь. Самолет Гулаева дрогнул, свалялся на левую плоскость и стал беспорядочно падать. Враг не мог не поверить в достоверность падения и отвалил в сторону, хотя Гулаев только имитировал падение машины. У земли он развернулся и снова ринулся в гущу боя.

В июле начались бои за освобождение Белгорода. А в небе разгорелась борьба за полное и безраздельное господство в воздухе. Летали наши непрерывно. Однажды колонна фашистских самолетов появилась в районе Гостинищево. Двенадцать советских истребителей, ведомых Гулаевым, вступили в бой. Двенадцать против двадцати пяти! Эта схватка длилась двенадцать минут. Пятнадцать самолетов сбили наши летчики. Из них четыре — Гулаев. Через несколько дней ему присвоили звание Героя Советского Союза.

Три года Гулаев воевал в составе 2–й воздушной армии. Менялись полки, дивизии, операции: Корсунь–Шевченковакая, Ясско–Кишиневская, Берлинская… Но незыблемой оставалась его неустрашимость, его товарищеская верность.

Когда я увидел желтые архивные листки с выцветшими чернилами, на меня пахнуло суровой действительностью войны, смертью, окопами. Там воину говорили только правду, только то, чего он стоит, ничего больше. Скупы и правдивы строки характеристики.

«Ищет боя и навязывает его противнику», — писал командир полка Валентин Фигичев. Но не писал Фигичев, как Гулаев прикрывал в бою своим самолетом командира полка.

Войну Гулаев закончил в Праге. Потом учился в академии. Стал генералом. Был делегатом многих съездов партии. Изучив новые самолеты — сверхзвуковые истребители, летает в любых

метеорологических условиях днем и ночью.

Среди встречавших Быковского был и Василий Игнатьевич Воронович — живая легенда нашей лейтенантской юности. Но перед тем как рассказывать о нем, несколько слов о другом выдающемся летчике, предшественнике Вороновича — нашем первом командире полка Иване Михайловиче Холодове.

Говорят, самая первая встреча помнится долго. Я этим не могу похвастать. Все получилось как-то буднично, неброско. Когда мы, лейтенанты, прибыли в полк, стоял тихий осенний вечер. Солнце разлило на горизонте золотисто–алый закат, и вся округа — низкий кустарник, лощины, буераки и река — все застыло в немом благоговейном оцепенении. Это не вязалось с тем, что мы ожидали увидеть.

И вдруг на землю легли громовые раскаты, откуда-то из-за одноэтажных домов, прочертив расцвеченный горизонт, выскочил истребитель и почти вертикально ушел ввысь. И еще долго слышался он в темно–серой пелене неба. Для меня, как и для моих товарищей, молодых лейтенантов, все было ново. В нас пробудилось романтическое чувство. Мы были, как говорится, на седьмом небе.

Но встреча с командирам полка поначалу разочаровала. Он принял нас утром. Невысокий узкоплечий подполковник, тряхнув рыжей шевелюрой, усадил нас на старый диван и попросил подождать. Он разговаривал по селектору, потом кому-то звонил и все делал быстро, без наигранной солидности, соответствовавшей — в нашем понимании — его должности. Я же представлял командира полка совсем иначе. Он непременно имел большой рост, был плотным, с проседью в волосах, медлительным. Иначе за что же его называть Батей?..

Нашего командира Батей не звали. «То ли солидностью не вышел, — размышлял я на том диване, — то ли недобрал мастерства». Восхищение мое померкло, и воображаемый образ командира потускнел.

Нам еще никто не успел рассказать о командире полка. Не знали мы, что пришел он в авиацию в 1934 году, прочитав о первых Героях Советского Союза. Николай Каманин стал его кумиром. Тогда комсомолец Холодов даже мечтать не смел, что жизнь сведет его с Каманиным; мало того — они станут друзьями.

Иван Михайлович. Так все звали командира. Мы еще не привыкли к этой авиационной упрощенности. Мы были «салагами» — новичками, и то, что создавалось годами, вырабатывалось суровой профессией, были бы рады поломать лишь потому, что это не отвечало нашим мальчишеским представлениям о полковой иерархии. Между авиаторами

существуют отношения искренней и крепкой дружбы. Они воюют в воздухе, но учатся не бросать в беде товарищей и «а земле.

В тот первый день подполковник Холодов рассказал нам об истории полка, его традициях, о наших будущих товарищах. Говорил тихо, просто, доверительно. В кожаной куртке без всяких знаков различия, он походил на велосипедиста.

Так мы начали службу. Сдача зачетов, полеты, полеты, полеты… Летчики не устают от полетов.

Командир всюду был с нами. Когда бы полеты ни проходили: днем ли, ночью ли, Холодов был а СКП[1] или летал. Он был неутомим, заботлив, нераздражителен; весь гаев его, если и прорывался изредка, выливался в словах «елки–моталки».

Как-то капитан Иван Вакуленко при посадке промазал, выкатился за полосу, погнул щитки на стойках шасси. Командир вызвал летчика к себе. Высокий упитанный Вакуленко, сгорбившись, стоял перед маленьким Холодовым. Всей своей фигурой Вакуленко показывал, как виноват и раскаивается. Командир молчал. Вакуленко переминался с ноги на ногу, нервно двигал плечами и изнывал от желания получить любое взыскание — только бы избежать этой пытки молчанием.

— Эх, Иван Романович! — больше Холодов ничего не сказал.

Чем больше мы узнавали командира, тем лучше понимали, почему его зовут просто Иван Михайлович. В этом было что-то от сыновнего отношения к нему: ведь мы только учились летать и жить, а этот человек стоял перед нами уже сформировавшимся в каком-то своеобразном совершенстве — отважный, сильный и добрый.

Была в характере Ивана Михайловича и еще одна замечательная черта. Где бы он ни служил — он всюду служил основательно. Приезжал не на время, а навсегда, приезжал не пожить, а обжить. Он все подчинял будущему. «После нас хоть потоп» — этого он не признавал. Зато был убежден, что те, кто приедет на это место после него, должны жить лучше. Он строил дома, прокладывал дороги, сажал деревья. Военные в своих командирах любят эту черту. А появилась она у него с войны, после разрушений, на которые он за эти годы насмотрелся.

На втором месяце войны полк, в котором служил Холодов, был поставлен на охрану неба Москвы. Дежурства, полеты, потери… Холодов сражался и наблюдал, думал. Ненависть, злость — этого еще мало для победы над врагом. Только мастерство могло принести победу. И Холодов учился.

4 марта 1942 года ему присвоили звание Героя Советского Союза. Обил Иван Михайлович 26 немецких самолетов. Стрелял из любого положения, чаще всего — в упор, таранил, пока была

возможность бить — бил врага нещадно.

Иван Михайлович стал нашим другом. Мы радовались такому наставнику, стремились чаще бывать с ним. Он умел чувствовать людей, угадывать в них талант. Например, много внимания он уделял летчику Любченко, помогал ему в трудные минуты. Слава Любченко прежде был механиком, но увлекся авиацией и поступил в летное училище. Летал он хорошо, имел, как говорят, свой почерк. Иван Михайлович пророчил ему большую дорогу в авиации и не ошибся. В 1967 году Вячеславу Сергеевичу Любченко, полковнику, летчику I класса присвоено звание «Заслуженный военный летчик СССР».

Год службы пролетел незаметно. Иван Михайлович был назначен с повышением. Вот так: жизнь еще состоит и из расставаний. К каждому имел дело Иван Михайлович, каждому сказал доброе слово. По старой традиции полк построили на ВПП[2]. Вышел Иван Михайлович вперед, снял папаху (он стал полковником), а оказать ничего не может — горло стиснуло. Обвел взглядом строй, самолеты, посмотрел на дымку, стелющуюся у реки. Так он смотрел, когда начинали полеты, словно и сегодня еще хотел летать. Долго стояли друг против друга Иван Михайлович и мы — летчики, техники, механики.

В авиации не плачут. Слезы там редки, потому они особенно уважаются. Слезы — не слабость. В данном случае — преданность. Полковник плакал, не стесняясь слез.

Командиром полка был назначен полковник Воронович. Высокий, подвижный, с лицом немолодым, в глубоких морщинах, он тоже стал другом и наставником молодых офицеров.

Из всех молодых летчиков Воронович сразу выделил Быковского. Произошло это вот как. Ни один вид спорта не был так популярен в полку, как футбол. Играли в футбол все. Однажды решили офицеры на свои деньги приобрести форму. Но — командир есть командир. Он должен отличаться от рядовых футболистов. Бутсы всем купили черные, а комполка, Василию Игнатьевичу, — желтые. Это дало своеобразный психологический эффект: он их не надевал. На стадион полковник приходил, неся бутсы в руке. Бережно ставил их на скамейку, а сам отдавался организаторской деятельности.

— Ребятки, — переходя от одного игрока к другому, говорил командир, — поддайте им хорошенько. Пусть знают, какие соколики в нашем полку! Плохо играть будете — сам выйду на поле. Стыдно будет. Где вратарь? Иди сюда, Валерий. Хорошо защищай ворота, ни одного гола не пропускай.

Вратарь, молодой летчик, молча и сосредоточенно слушал командира. Карие, с легким прищуром глаза внимательно

следили за игроками, которые разминались У противоположных ворот.

Неказист собою вратарь. Ключицы углами выпирают под голубой майкой. Острый подбородок, еще не знакомый с бритвой, плоская грудь. Выслушав полковника, он согласно кивал головой и не спеша, вразвалку направлялся к своим воротам. Подойдет, с силой ударит по стойке, будто определяя ее прочность, затем подпрыгнет к поперечной перекладине и повисит на руках. Соскочив на землю, поприседает за воротами, разомнется на жухлой траве.

Но вот начиналась игра — и неузнаваемо менялся этот человек. Плавно, быстро Валерий скользил от стойки к стойке, готовый в любую минуту взять мяч. Взгляд, устремленный из-под черного козырька кепки, неотступно следил за противником. Когда били по его воротам, он взметался за мячом, цепко хватал его и тотчас направлял в атаку. Но стоило игре переместиться на половину противника, как вратарь снова становился вялым, словно его обидела плохая игра, невнимание соперников к его воротам.

В команде Валерий был незаменимым вратарем. Так считал и Василий Игнатьевич. Однако стоило Валерию допустить ошибку, как Василий Игнатьевич вскакивал со своего места на центральной трибуне, размахивал руками и бежал к воротам, грозя отстранить вратаря от игры.

Случалось, конечно, и Валерию вынимать мяч из сетки своих ворот. Вратарь со свойственным ему спокойствием, даже с плутоватой ухмылкой, вытаскивал мяч и ногой посылал его на середину поля. Тогда Василий Игнатьевич обреченно опускался на землю, не в силах сказать ни слова. Лицо его становилось ожесточенным, кустистые брови ползли вверх.

Потом вдруг командир хватал новые, пахнущие кожей бутсы, расшнуровывал их и начинал вталкивать ногу, неразборчиво что-то бормоча. Одевание продолжалось долго. Игра подходила к концу. Команда «Сокол», ликвидировав прорыв, успешно финишировала. Василий Игнатьевич снимал бутсы, так и не ступив в них на поле.

В середине лета, накануне финального матча, игры были приостановлены: наступила горячая пора полетов. Эскадрильи летали посменно, каждый день. Отрабатывались групповые и одиночные перехваты, аэродромные маневры. Кажется, все забыли о футболе и кубковые страсти отошли куда-то на второй план.

Однажды ночью по сигналу боевой тревоги неожиданно начались учения. Приказано: отразить налет самолетов и

крылатых ракет «противника», следующих на разных высотах. Летчики, радуясь успешному ходу учений, работали в воздухе, как акробаты, — виртуозно и лихо. Но как-то на аэродроме случилось непредвиденное. Звено асов под командованием капитана Рыбалко не могло вылететь на перехват «противника»: один его экипаж не успел возвратиться с другого аэродрома. Рыбалко упросил командира разрешить вылет в составе звена летчику Быковскому. Через несколько минут истребитель, промчавшись по полосе, ушел в полет.

Василий Игнатьевич прибыл на СКП. Эфир был полон звуков. Отовсюду шли доклады, запрашивались разрешения. Командир тревожно поглядывал на небо: с северо–запада на аэродром надвигалась темно–сизая громада туч. Вот уже появились и всплески молний. Предгрозовое затишье сменилось ураганным ветром. Вихри столбом поднимали в небо пыль, щепки, ветошь.

— Сиваш, Сиваш! Я — Беркут, — запрашивала земля. — Приказываю всем срочно посадить самолеты.

Полковник взял микрофон и, сдерживая волнение, тихим охрипшим голосом проговорил:

— Сиваш, пять — двадцать семь! Я — Беркут, ноль — десять. Вам посадку производить на своем аэродроме.

Динамик на столе ответил:

— Беркут, ноль — десять. Я — Сиваш, пять — двадцать семь. Вас понял.

— Сиваш, Сиваш… Валерий, как самочувствие?

Динамик молчал. Командир плотно сжал губы. Уголки рта опустились, образовав лучики морщин. Густые выцветшие брови соединились в одну сплошную линию. Глаза отразили тревогу. Полковнику показалось, что прошло по крайней мере минут двадцать после того, как он запросил Быковского. Чего он только не передумал за это время! Он вообразил, как растерялся в воздухе молодой летчик, какие тяжелые последствия возможны. Ведь у Быковского всего лишь III класс.

— Беркут! — вдруг затрещал динамик. Полковник от неожиданности вздрогнул. — Я — Сиваш, пять — двадцать семь. Самочувствие отличное. Возвращаюсь на аэродром.

Рука командира стала влажной.

— Валера! — проговорил он, нарушая принятую форму радиообмена. — Ты должен посадить самолет хорошо. Посадку произведешь первым.

— Вас понял!

Василий Игнатьевич включил аэродромный селектор:

— Всем на аэродроме: убрать от полосы на двести метров людей и технику. Включить аэродромные огни. Санитарную

машину — к месту встречи самолетов. Пожарной — первая готовность.

Низкие тяжелые тучи стлались над самым полем.

— Валера, голубчик! — тихо, чтобы никто рядом не слышал, начал полковник. А затем уже в полный голос подсказывал в микрофон: — Не теряйся! Спокойно. Иди на дальний привод. Осмотрись. Щитки выпусти. Молодец! Дарю тебе свои бутсы! Теперь ты в них играть будешь. Все команды обыграете! Бутсы мои — особенные: желтые. Слышу твой самолет. Включи бортовые огни. Вижу, вижу тебя. Немножко ручку на себя. Молодец! Герой!

Самолет, вздымая мириады брызг, стремительно мчался по полосе. Вслед за ним на посадку заходили асы.

На финальной встрече вратарь команды «Сокол» вышел на поле в голубой майке и новых желтых бутсах.

И когда сейчас на аэродроме, обнимая Валерия, Василий Игнатьевич говорил что-то о том полете и желтых бутсах, все принимали это как должное. Он имел право на эту слабость.

Здесь же, у самолета, устроили импровизированный митинг. Шел снег, холодный ветер сек лицо, поземка стремительно заметала следы.

С аэродрома направились в кабинет командира. Быковский молча слушал, как предполагается распланировать его время здесь. Он ничего не отклонял, не вносил изменений. Правда, в какой-то момент он все же не удержался:

— Мне не совсем удобно. Уже сейчас видно, как поломаны планы вашей работы. А я ведь не артист, я летчик.

Когда его заверили, что этого не случится, он стал слушать дальше — и тут же возразил, когда ему предложили принять старых партизан.

— Что значит «принять»? — сказал Быковский, — Я сам к ним поеду.

С этой встречи и решено было начать. Она состоялась в городском комитете партии. Валерий рассказывал о своих товарищах, отвечал на вопросы.

— Были ли в космосе приключения?

— Были.

— Говорят, вы самый сильный?

— Неправда. Самый сильный Гагарин.

— Почему? .

— Потому что он первый. Первому всегда труднее.

— Самое памятное событие в полете?

— Известие, что я принят в ряды ленинской партии. Какое при этом я испытывал волнение — трудно передать.

— Валерий Федорович, в годы войны в нашем городе действовала подпольная партизанская группа. Недавно закончили строительство памятника в честь юных героев. Вы знаете об этом?

— О местной партизанской группе? Конечно, знаю. У нее тоже был позывной «Чайка», как и у Валентины Терешковой.

В тот же день космонавт Валерий Быковский побывал у гранитного обелиска. Здесь всегда много цветов. Среди других лег и букет от космонавтов. Склонив голову, стоял перед памятником Быковский. На живые цветы тихо падал снег.

Вечером состоялась встреча с общественностью города. Дом культуры завода был в праздничном убранстве.

— Я только летчик, — пожаловался Валерий Быковский первому секретарю городского комитета партии Александру Сергеевичу. — Очень неудобно, когда встречают, как знаменитость.

— Да, да, — легко согласился Александр Сергеевич и тут же объявил, что бюро горкома партии и горсовет приняли решение о присвоении Быковскому звания почетного гражданина города.

Опять записки. Как и везде — целая груда сразу.

— Расскажите о программе подготовки космонавтов. Действительно ли физическая форма играет большую роль при отборе?

— При подготовке человека к полету за пределы земной атмосферы действительно необходимо обратить внимание на физическую закалку…

— Кто полетит следующим?

— Космонавт помер…

В зале понимающе смеются, аплодируют.

Горожане хотели знать о Гагарине, Титове, Терешковой, Главном конструкторе и о том дне, когда можно будет всем летать в космос.

Время было далеко за полночь. Но никто не уходил. И гора записок с вопросами уменьшалась медленно.

Первым просыпался подполковник Рябцев. Чистенький и опрятный, он пробирался в холл и ждал пробуждения космонавта.

Михаил Евсеевич уже немолод. 4 июля 1943 года летчику Рябцеву исполнилось 20 лет. В ночь на это число произошло его боевое крещение: знаменитый удар по Сеще.

За несколько дней до того подполье сообщило: готовится массированный налет на Свердловск и Горький. Фашистам надо было нанести упреждающий удар. И вот сто одиннадцать бомбардировщиков «Пе-2» в сопровождении истребителей «Ла-5» пошли на северо–запад. Расчет был точен: атаковать перед самым взлетом немцев. Бить только по аэродрому.

Для Михаила Рябцева — первый боевой вылет. Каким-то он будет?

В 1940 году инструктор Минского аэроклуба Спижарный учил курсантов тактике воздушного боя. Спижарный любил говорить: «Знания не в тягость, обуза — пустота».

Плоскости тонут в темноте. Строгая дистанция, интервалы. Лететь надо без огня. Радио молчит — нельзя выдавать себя ничем. Ведь на земле, устремив жерла вверх, стерегут небо зенитки противника. Об этом помнят советские летчики. И знают, что ПВО сещинокого аэродрома усилена в три раза. Обычно уничтожение объекта начинается с подавления обороны. Но сегодня по-другому: все бомбы — на вражеские самолеты и офицерский пансионат, Сеща бурлила в праздничных огнях. Фашистское командование собиралось взять реванш за Сталинград. Определено: место — Курская дуга, время — лето 1943 года. А noiKa фашисты демонстрировали безнаказанность и мощь.

В Сеще сосредоточилась новая техника: модернизированный бомбардировщик «Хейнкель-111», новый истребитель «Фокке–Вульф-190А», штурмовик «Хеншель-129». Они ровными рядами стояли под лучами прожекторов, ожидая последнюю команду — «взлет».

Рябцев видел, как испуганно забегали фашисты по аэродрому, как один за другим стали гаснуть огни, как побежали по полосе два «фоккера».

Ведущий группы старший лейтенант Косолапов, чтобы не мешать работать бомбардировщикам, поднял истребители выше. Оттуда хорошо был виден весь аэродром и на нем горящие самолеты.

Косолапов оставил группу на старшего лейтенанта Пушкина и с ведомым Левченко устремился в атаку на «фоккеров». Через несколько секунд на земле горели еще два вражеских самолета.

Когда возвращались на свой аэродром, была все еще ночь. Потом было еще много боевых ночей и много боевых дней, приходилось бывать во всяких переделках, но ни одно впечатление не могло сравниться с тем, первым, когда он принял боевое крещение. Так и вела война молодого человека по нелегким своим дорогам. Второй вылет похож на сотый, сотый — на двухсотый; и так до последнего дня войны.

14 июня 1943 года Михаил Рябцев писал в дневнике: «Не вернулся на свой аэродром ведомый Бессолицина — Василий Балдук». Всего одна фраза. Место Василия занял другой летчик, и он должен был теперь так же бесстрашно прикрывать своего ведущего, как это делал Василий Балдук. А он действительно не

ведал страха. Когда у него в одном из боев опустели снарядные ящики, Василий развернул свой самолет и пошел на фашиста в лобовую атаку. Тот дрогнул, хотел увернуться, взмыть ввысь, но было поздно: два скоростных новейших истребителя столкнулись. «Фокке–Вульф-190А» рассыпался на куски. А дельта–древесный фюзеляж «Ла-5» только потрескался в нескольких местах. Выдумка? Нет, быль.

«Иван летает на бревне», — зашумела немецкая пропаганда, но больше ни один летчик рейха не рискнул испытывать мужество «Ивана».

Превосходство в воздухе. Как нелегко завоевывалось оно! Этапами к нему были действия советской авиации под Сталинградом, воздушные сражения на Кубани, операции по уничтожению авиации противника весной и летом 1943 года, ожесточенные бои на Курской дуге и над Днепром, мужество и смелость, преданность и вера в нашу победу.

Когда 5 августа 1943 года над Москвой впервые взметнулся победный салют войскам, освободившим Орел и Белгород, — это был салют и Михаилу Рябцеву.

После войны он окончил Военно–воздушную академию, освоил восемнадцать типов самолетов.

…Темнота рассеивается незаметно. В доме напротив зажигаются огни. Михаил Евсеевич, притулившись на диване, листает журнал. Шум в коридоре заставляет его встрепенуться, он бросается к двери. «Подумать только, — недовольно бормочет Рябцев, — космонавт спит, а они тут такое устроили…»

Дверь распахивается — на пороге румяный от мороза Быковский…

— Здравия желаю, товарищ подполковник! — Быковский смеется — такое искреннее изумление написано на лице Рябцева. — Вот не удержался, сходил на аэродром. Дорога до него как будто дорога в юность. Сколько по ней хожено!

План второго дня предусматривал встречи со школьниками. Быковский волновался. Он всегда с большим уважением относился к любой аудитории, но к школьникам — особенно.

Школа номер восемь. Она почти у самого военного городка. Гарнизон традиционно шефствует над нею. Часто там бывают офицеры, курсанты, солдаты. То концерт дадут, то военизированную игру проведут, то организуют работу военных кружков. Особенно много хлопот в школе летом.

Когда летчики заняты, к детям идут техники, авиационные механики. А когда заняты авиационные специалисты, идут летчики. И так все время. Дети хотят все знать, все услышать из уст бывалых людей. Любят ребята и мастеровых людей. Есть

такие специалисты у авиаторов — ремонтники.

Прежде много раз бывал в школе и Валерий Быковский. И вот он снова здесь, в знакомом актовом зале. Пионерская организация школы принимает его в почетные пионеры, лучший ученик повязывает галстук. Ко многому обязывает это звание: почетный пионер.

В тот же день Валерий Федорович Быковский посетил еще одну школу, техникум, ремесленное училище.

Встречи были долгими. Космонавт охотно отвечал на вопросы. Юноши и девушки — на пороге выхода в самостоятельную жизнь. Они хотели много знать, во многом разобраться.

— Зачем мы осваиваем космос?

— Что вы думаете о сегодняшней молодежи?

— Совместима ли высокая цивилизация и земные человеческие недостатки?

— Какое состояние вы больше всего любите?

Ответ на последний вопрос:

— Занятость.

Вечером друзья по полку — качинцы — Черкашин, Роднев, Бородкин и другие просили Валерия быть их гостем.

У каждого офицера есть родная часть. Родным я называю свой первый полк. Первая встреча с воинским коллективом после училища остается в памяти навсегда. Где бы ни носила тебя жизнь, где бы ты ни шел трудными военными дорогами, хочется побывать в своем родном полку, прикоснуться воспоминаниями к юным офицерским годам.

А сколько воспоминаний.

— А помнишь?

— Знаешь, а ведь тогда…

И так непрерывно, долго–долго мы вспоминали свою жизнь.

Молчит лишь Юрий. Он рад встрече, хотя внешне сдержан. В грустном кивке головы, печальных глазах — выстраданная боль. Ничто, кажется, не изменилось в нем. Но…

Произошло это несколько лет назад. Мы получили новый самолет и начали активное переучивание. Полеты шли непрерывно. Летчикам нравился маленький верший истребитель, все с интересом ждали очереди вылететь на новой «матчасти». Погода способствовала быстрому переучиванию, и скоро все летчики стали летать ночью. В полку дарил особенный подъем всеобщей радости. Это была наша победа.

В эти дни Юрий познакомился с Нелли. Пусть говорят, что нельзя полюбить с первого взгляда. Они полюбили друг друга. В маленьком городке люди на виду, скоро об их дружбе знали все.

Нелли была красива. Ее охотно приняли на офицерском вечере.

Встречались Юрий и Нелли каждый день. После полетов она ждала его. Старшие товарищи радовались за Юрия, а мы завидовали. Нелли была олицетворением совершенства, эталоном боевой подруги. Так мы думали. Но однажды…

Шли ночные полеты. Как правило, они заканчиваются на рассвете. Мы находились на старте, у самолетов, и еще не знали, что случилось несчастье.

Неожиданно взвилась красная ракета, вспорола на мгновение летнюю ночь, напблнила тревогой округу. Тотчас установилась тишина, обманчивая, недобрая.

Полеты были прекращены, один за другим самолеты возвращались на аэродром. Кавалькада аварийных машин с затемненными фарами неслась через летное поле к городу. После короткой дремы все пришло в движение.

В ту ночь военный городок не спал. На одной из улиц, распластавшись на брюхе, лежал истребитель. Весть летела от дома к дому, вспыхивал свет в окнах, многие полуодетые — кто что успел накинуть — бежали на шум. Вокруг самолета образовалась толпа, а люди все подходили и подходили.

Летчик был цел и невредим. Он ходил возле самолета, заглядывал во входные тоннели сопла.

Вдруг из задних рядов кто-то стал энергично проталкиваться вперед, к самолету. Люди расступились неохотно, некоторые даже сердились, но Нелли — это была она — ничего не слышала. Пробившись к кабине, она припала к ней, искала растерянно — где же летчик?.. Ее глаза были безумны.

— Юра, Юра, — бормотала она, наконец увидала летчика, поняла, что это другой, как-то сразу обмякла, а потом пошатнулась и упала.

Юрий пришел к ней утром. Она сидела на крыльце, задумчивая и какая-то отрешенная. Он сел рядом и привлек ее к себе.

Нелли заплакала.

— О господи, такая трагедия…

— Это даже не авария, Нелли.

— Это трагедия. Этот самолет… Нам надо уехать отсюда, Юра. Куда хочешь. Я люблю тебя, Юра, и если ты меня тоже любишь…

— Я военный — и не могу уехать.

— Но я люблю тебя!

— Я тоже тебя люблю.

— Самолеты падают с неба…

— Нелли! Костя совершил подвиг. В сопло его машины

попала птица, двигатель остановился. Но он не бросил самолет, спланировал и посадил на улицу.

— Ну и что с того? Я больше не могу так.

— Не торопись, Нелли, одумайся!

— Нет, нет, прощай…

Нелли ушла. А Юрий еще долго сидел на крыльце. Больше он ее не видел. Она уехала в тот же день. Мы никогда не говорили о Нелли. Мы хотели помочь Юрию, но как это сделать — не знали. В любви и горе советчиков нет.

Шли годы. Юрий окончил академию и вернулся в свой родной полк. Нас взволновала тогда его верность дружбе и нашему «союзу холостяков». Но мы знали, что и Нелли тоже была причиной его возвращения в полк и в эти места. Он не боялся встречи с прошлым. Нам казалось, что он все время чего-то ждет, находится в предчувствии чего-то.

…Виктор Черкашин занимался столом. Его жена Тамара вместе с другими женщинами хлопотала на кухне. А у нас разговор не клеился, хотя каждый был переполнен чувствами, каждому было что сказать, чем поделиться, напомнить. Кстати, я припомнил несколько занятных эпизодов и рассказал их друзьям.

Иногда Валерий приезжал ко мне на службу. Как-то летом, не предупредив меня, Быковский приехал в штаб.

Предъявив удостоверение, он хотел уже пройти, но часовой остановил его и учтиво попросил показать пропуск.

— Ведь я же показал вам свое удостоверение, — сказал Быковский.

— Простите, товарищ подполковник, но лучше, если вы закажете пропуск.

Через несколько минут, получив пропуск, Быковский вернулся к проходной. Часовой тщательно проверил документы, пропуск, приложил руку к козырьку и попросил разрешения обратиться. Часовой явно смущался и чувствовал себя неловко.

— Можно получить автограф? — краснея, сказал он.

— Конечно, можно. У меня есть хорошая открытка.

Быковский достал из бокового кармана открытку, подписал ее и подал часовому.

А вот еще случай.

Как-то Валерий ехал на встречу с молодежью одного предприятия. У него было несколько часов свободного времени, он позвонил мне, и мы решили покататься по весенней Москве. Был солнечный день, улицы запружены нарядно одетыми, медленно шествующими людьми.

Мы направились к центру. И тут я заметил вокруг нашей машины стаю «Волг», «Побед» и «Москвичей». Они норовили идти

почти вплотную, а пассажиры заглядывали в нашу машину. Мы видели их восторженные лица, слушали, о чем они говорят.

Быковский был невозмутим, словно все это его не касалось.

— Поедем вместе, — уговаривал он меня.

— В каком качестве? Ведь приглашали космонавта.

— А разве роль однополчанина невысока?

Свисток милиционера прервал разговор. Какой–то водитель, забыв о светофоре, выскочил на красный свет.

Милиционер подошел к нашей машине.

— Простите, Валерий Федорович, что задерживаю. Лихачат, норовят взглянуть на космонавта!

…На столе тем временем заполнялись пустующие прогалы. В квартиру входили жены летчиков. Они были нарядные, торжественные, обращались к Валерию на «вы», отчего он только конфузился. Он всячески старался показать, что нимало не изменился, остался все тем же В а–леркой, а такое почтительное обращение увеличивало разрыв, нарушало простоту. Благо, у меня в запасе имелось еще немало историй из нашей прежней полковой жизни, и я не ленился, выкладывал их одну за другой.

Рассказал я и про рыбалку.

По воскресеньям мы часто все вместе выезжали в лес и на озеро. Утром вездеход останавливался у домов. Протяжным сигналом водитель извещал: «Пора!» От подъездов тянулись заспанные рыболовы. Залезали в кузов, зябко жались друг к другу. Но потом, как цепная реакция, начиналось бурное пробуждение. Сыпались прибаутки, острословы упражнялись в юморе. Старший машины, капитан Николай Кузнецов, встав на подножку, пересчитывал прибывших, делал перекличку:

— Ничего не забыли? Быковский, хлеб взял?

— Взял!

— Аксенов, колбасу положил?

— Тут она.

— Олег, огурцов достал?

— Да!

— Горючего хватит?

— Хватит!

— Поехали!

— Командир, стой, удочку забыли!

— Обойдешься!..

Однажды повезло Быковскому. Он поймал большую щуку. Я широко развел руками и убежденно сказал:

— Килограммов пять с гаком будет, а то и…

Вспомнили еще и такую историю.

Как-то к нам приехал Крымский — художник военной студии

имени Грекова. Заложив руки за спину, он расхаживал по маленькой комнатушке, разместившейся под крышей старого, разрушенного войной Дома офицеров. Настроение у Крымского было преотвратительное. Его терзало беспокойство: сможет ли он здесь выполнить задание студии?

— Нет типичного лица, — рассуждал он вслух, — Перевелись асы! Где летуны? Такие, чтобы зрителю было приятно посмотреть: могучего сложения, с высоким крутым лбом, пышными вразлет бровями, гордой осанкой, твердыми волевыми губами?.. А здесь… не то все, типичное не то.

Насупившись, Крымский ждал, скрестив на груди руки, облокотись на обшарпанную, в зеленых пятнах стену. Наконец загремел телефон. Художник жадно схватил трубку, как будто только телефон мог принести ему облегчение.

Некоторое время он слушал молча. Лицо его мрачнело, брови сбегались к переносице, в нервном тике дергались губы, зло блестели глаза.

— Вы понимаете! — закричал он, не выдержав, в черную трубку. — Мне нужны не классы летные, а люди. Их лица — мужественные, суровые, героические! Кого вы мне подсовываете? Низкорослых, щупленьких мальчиков, стеснительных, как барышни из института благородных девиц! А где отчаянная схватка со стихией, врагом? Где железное самообладание, неподдельная решительность? Помогите мне! Вы комиссар, вы должны понимать, насколько ответственно задание студии. Пришлите настоящего аса. Лучшего молодого летчика полка… Ну, наконец-то! Сердечное вам спасибо.

Крымский засуетился. Печальные складки разгладились. Лицо стало приветливым, даже милым. По щекам прошелся румянец. Тут же на мольберт был взгроможден подрамник с чистым холстом, палитра укрепилась на большом пальце, правая рука играла кистью. Художник готовился к серьезной работе.

— Разрешите войти, — послышалось за легкой дощатой дверью.

— Да, да, — протянул художник на мотив опереточной песенки.

В комнату вошел старший лейтенант. Он был явно смущен. Крымский посмотрел на худенького остролицего летчика, отметил про себя: «Ни одной орденской ленточки. Лицо мальчишеское. И брови словно крылья стрижа. Это наверняка не он».

— Да вы не смущайтесь, — неожиданно предложил художник. — Решили посмотреть, как создаются картины? Посидите вот здесь. Не помешаете.

— Меня прислал замполит, — тихо проговорил старший лейтенант.

— Вас?! — С лица художника сползла беззаботность. Оно стало свирепым.

А спустя секунду Крымский бросился к телефону, выдохнул в трубку невнятную фразу. Затем вяло опустился на единственный стул. Скосив глаза, рассматривал старшего лейтенанта: смоляные блестящие волосы, острый мальчишеский подбородок, ссутулившиеся плечи, нагрудный золотой знак классного летчика, расслабленную спортивную стойку… В глазах летчика почудилось что-то задиристое, озорное, но художник отвел взгляд.

— Садитесь, товарищ… — только и сказал он.

— Быковский, — подсказал летчик.

— Да–да, товарищ Быковский.

Сеанс длился два часа. Холодно распрощавшись с летчиком, художник в тот же день выехал в Москву. В студии он сказал, что задание не выполнил.

После полета отважного летчика в космос в газете «Красная звезда» появился живописный портрет космонавта. На читателя смущенно смотрел своими пронзительными темными глазами худенький старший лейтенант.

И, наконец, напоследок не мог не рассказать еще один забавный эпизод.

Летом 1964 года я сдавал государственные выпускные экзамены в институте. Большая светлая аудитория была убрана цветами. За порогом толпилась группа студентов, они перешептывались и листали страницы учебников. Увидав председателя государственной экзаменационной комиссии, выпускники как-то сразу смолкли и растеклись в разные стороны коридора.

— Куда же вы? — обратился профессор Самойло к спешно удалявшимся студентам. — Смелее, друзья, смелее! Берите билеты.

Дверь захлопнулась, разделив студентов на две группы. По одну сторону остались томящиеся в мучительном ожидании, по другую — отважившиеся «перейти Рубикон». Но и тут, и там царила тягучая тишина.

Неожиданно дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель протиснулась голова.

— Простите, профессор, можно… — начала голова, но договорить ей так и не дали. Александр Сергеевич решительным жестом прервал речь и поманил в аудиторию.

— Знаю, знаю. Прошу. — И когда молодой человек вошел,

столь же решительно указал ему: — Берите билет и… вон за тот стол. Готовьтесь.

Молодой человек неуверенно подошел к столу. Он был явно смущен. Для чего-то по–военному одернул и без того безукоризненно сидевший на нем темно–синий костюм.

— Вы понимаете, я пришел…

— Ищите счастливый билет, он перед вами.

Последние слова прозвучали совершенно категорически: мол, пришли сдавать, так сдавайте. Молодой человек пожал плечами, потоптался на месте, растерянно кивнул сидевшему за первым столом студенту и… решительно вытянул билет. «Номер 16!»

Члены государственной комиссии, занятые делами, не вникли в суть происходившего. Не обратили они внимания и на то, как состроил удивленную гримасу и фыркнул, давясь от смеха, сидевший за первым столом студент. Дальше все шло своим чередом.

— Кто готов? — спросил председатель экзаменационной комиссии.

— Разрешите мне?

Профессор повернул голову.

— Вы? — Кажется, он удивился немного. — Пожалуйста.

Обладатель шестнадцатого билета четко подошел к столу и сказал:

— Разрешите отвечать?

Старший преподаватель Алла Владимировна Дубровская остановила взгляд на отвечавшем и нервозно заерзала на стуле: «Неужели?»

Молодой человек тем временем отвечал на первый вопрос. Профессор внимательно слушал, покачивал головой. Потом, посоветовавшись с членами комиссии, председательствующий сказал: «Достаточно. Переходите ко второму вопросу».

Экзаменуемый прочитал вопрос: «Воспитание воли и характера».

В аудитории воцарилась тишина. Проректор института Валентина Федоровна Шепилова, растерянная и озадаченная, тихонько прошла и присела на краешек стула. Александр Сергеевич скорее почувствовал, чем понял, что происходит что-то неладное. Без очков он плохо видел. Он ощущал на себе взгляды коллег, их волнение, напряженность. Но причины не понимал. Экзамен продолжался.

— Благодарю вас, молодой человек. Есть ли вопросы у членов комиссии? Нет. Ответ хороший. Очень удачны примеры из жизни космонавтов, — резюмировал профессор. — Неплохо знаете Макаренко. Простите, ваша фамилия?

— Быковский.

— Что?..

Руки плохо слушались профессора. Он достал очки, взгромоздил их на нос, только тогда увидел перед собой лицо, так хорошо знакомое всему миру. Да, это был космонавт, космический рекордсмен Валерий Федорович Быковский. На темно–синем пиджаке не была никаких знаков отличия: ни звезды Героя Советского Союза, ни знака летчика–космонавта СССР…

Александр Сергеевич все не мог прийти в себя.

Наконец, выговорил с трудом:

— Простите, Валерий Федорович…

— Это вы меня простите, профессор. Я зашел в институт поддержать однополчанина, а вот случилось самому сдавать экзамен…

— Вы его с честью выдержали. Поздравляю.

В аудитории захлопали, кто-то из членов комиссии заметил:

— Валерий Федорович, если решите поступить в наш институт, то педагогику сдавать уже не будете.

Из аудитории мы вышли вместе. Внизу была Валя Быковская. Она захотела познакомиться с институтом. Я рассказал ей все, что знал.

— Я хочу здесь учиться, — сказала Валентина.

И добилась своего. Летом этого же года она успешно прошла испытания и поступила в институт.

…В этот вечер мы вопоминали Качу. Качинокое училище — старейшая кузница летных кадров нашей страны. С его историей связано развитие нашей авиации. Среди воспитанников училища 250 Героев Советского Союза, 11 дважды Героев Советского Союза. Из стен этого Училища вышли главные маршалы авиации Вершинин К. А. и Жигарев П. Ф., маршалы авиации Руденко С. И., Судец В. А., С крип к о Н. С., Агальцов Ф. А., Астахов ф. А., Жаворонков С. Ф. и 150 генералов авиации.

Никогда нельзя забыть школу, училище и свой первый полк. — Мечтательность не свойственна Быковскому, скорее — задумчивость. Он может мгновенно выйти из разговора и углубиться в свои мысли. Может стать вдруг резким и так же внезапно вернуться к своей обычной вежливости; может часами читать, не выдавая своего присутствия в обществе. Иногда кажется, что он — дичок, необщителен, самовлюблен. Случалось, так иногда подумывали даже мы, его друзья.

Мы завидовали его памяти, его точным глубоким ответам на зачетах, но мы не знали, что за этим кроется огромный труд, непрерывное напряжение ума. Наблюдательный человек может понять по одним его глазам, как активно работает этот мозг.

…Еще одно утро.

«Ну уж теперь встану первым», — решил подполковник Рябдев. Чтобы не побеспокоить нас, он прошел мимо нашей комнаты на цыпочках, распахнул дверь в холл — и увидел Быковского за книгой.

— Валерий Федорович?! — Рябцев от удивления не знал, что говорить.

— Доброе утро, Михаил Евсеевич. Вот-за суетой дневных дел почти не осталось времени для чтения.

— А вы сегодня спали?

— Да.

Вошел полковник Подчерняев.

— Валерий Федорович, вас здесь слишком загрузили. Так нельзя. Надо что-то ломать.

— Алексей Николаевич, прошу вас, ничего не изменяйте в программе.

— К сожалению, придется. Смотрите сами. — Подчерняев достал лист бумаги, надел очки. — Восемь сорок пять — осмотр казармы и классных комнат. В десять ноль-ноль встреча с личным составом. А где время на завтрак?

Подчерняев перевернул лист бумаги, словно надеялся там найти ответ на вопрос. Но обратная сторона бумаги была чиста.

— Вчера не предусмотрели обед, сегодня забыли о завтраке, — по–стариковски бубнил Подчерняев. — От чего-то надо отказаться. Скажем, от полетов. Валерий Федорович, а что, если в самом деле вы не поедете на полеты?

— Нет. На полеты надо обязательно съездить.

Личный состав гарнизона собрался в солдатской столовой. Огромный зал с колоннадой полон до отказа. Тишина. Но стоило появиться космонавту, как все взорвалось ликованием, аплодисментами. Быковский обвел зал глазами. Сколько раз он бывал здесь! Проверял порядок, снимал пробу пищи, разрешая к выдаче. Сюда он приходил лейтенантом, потом старшим…

Бывают обстоятельства, при которых человеческое сознание перемалывает огромный поток информации, в тайниках мозга отыскиваются необходимые данные.

Сейчас Быковский должен рассказать своим однополчанам о своей жизни, боевой учебе. Рассказать… Все старое, прошлое становилось сейчас дорогим, принимало особую значимость. Заслуги последних лет остались там, за порогом; перед сотнями глаз, один на один с залом был не космонавт, в прошлом их однополчанин, а летчик этого полка.

В этот гарнизон он приехал лейтенантом. С маленьким чемоданчиком прошел мимо остова разрушенного Дома Красной

Армии, постоял возле его обгорелой коробки, задумчиво смотрел на следы снарядов и пуль.

Здесь прошла война. Гарнизон поднимался, отстраивался, залечивал раны.

В этом гарнизоне учили молодых летчиков искусству воевать Покрышкин и Холодов, Голубев и Воронович и Другие прославленные летчики страны. И полеты были главной школой формирования воздушных бойцов.

Самолеты с высокими килями, с бомбами под скошенными назад плоскостями, выстроенные на линии предварительного старта, не могут не вызвать восхищение.

Зеленая ракета, шипя, описывает дугу: «Дежурным самолетам — взлет». Закрутил антенну локатор, командные пункты приведены в боевую готовность. Там, где-то очень далеко, — цель. Противник идет в зону охраняемого объекта. Летчики в специальных костюмах, в тяжелых меховых ботинках исчезли в кабинах. Техники все еще на стремянках у самолетных бортов — помогают подготовиться к взлету.

На СКП за огромными аквариумными стеклами не слышно шума ревущих двигателей. Самолет побежал по ВПП и круто пошел вверх, буквально вонзился в лазурную высь. Через две минуты доклад:

— Я — пятьсот двадцатый, вышел на заданную высоту.

Самолет поднялся уже на несколько километров. Теперь, сопровождаемый локаторами, он пойдет в зону боевых действий. Здесь же, на СКП, за полетом каждого самолета следит руководитель полетов. На экране можно всегда отыскать местоположение машины.

На старте новый истребитель. Короткое «разрешаю» — и самолет уносится в небо. Руководитель полетов все выпускает и выпускает самолеты в воздух. Кажется, им там негде уже разместиться, они роятся где-то рядом, в опасной близости. Но так может подумать только человек несведущий. Это исключено в авиации, где существует высокая степень организованности.

Поступают первые доклады с полигона:

— Цель уничтожена!

— Объект поражен!

— Сооружение выведено из строя…

И так непрерывно. Командир части подполковник Рыбалко удовлетворенно потирает руки.

Бородкин вырулил самолет на ВПП, затормозил, двинул РУД[3] вперед. Пусть подышит. Самолет вдыхает тысячи кубометров воздуха и с силой громового удара выдыхает. Когда самолет устремляется вперед, его тонкопрофильные, с малым

размахом плоскости кажутся лишними, ненужными. Словно не самолет — ракета стартует. Он по прямой уходит в небо.

В зоне боевых действий появляется незаявленный самолет. Руководитель полетов ставит задачу: перехватить и уничтожить «врага». Самолет, направленный с земли, с огромной окоростью несется навстречу «противнику». Пусть сейчас это только игра. Но ведь для того и существует военная авиация, чтобы не было неожиданностей и случайностей. Она существует для войны. И летчики не строят иллюзий. Задача военного летчика — уметь драться с противником, используя все способы боя, вплоть до тарана.

В летной книжке Р. Бородкина — этапы его роста, боевого возмужания. Есть там и такая запись: «Летает в любых метеоусловиях». Чтобы овладеть сверхзвуковым ракетоносцем, летать в любых погодных условиях, требуется большой труд, опыт и воля. В неделю летчик совершает несколько вылетов. И как бы мы ни хотели представить их похожими, они неповторимы, они различны, и различить их может только летчик.

В авиации нельзя научиться чему-то раз и навсегда и жить этим вчерашним успехом. Чтобы не отстать, не потерять форму, чтобы стать уверенней, в авиации учатся каждый день. Вероятно, вот так и пианист, прекратив ежедневные занятия, теряет свою квалификацию. Летчик должен летать!

Как-то командование приняло решение о дальнем перелете. Маршрут проходил через сложные метеорологические участки, предстояла посадка на грунтовый аэродром. Такой перелет был трудным даже для бывалого летчика. Решили: полетят добровольцы. Первым изъявил желание коммунист Бородкин.

Лететь пришлось на разных высотах, часто — в облаках. Обледенение уменьшало скорость, но техника работала безотказно: обледенитель сбрасывал с поверхности самолета серебристую чешую льда, и, словно воспрянув духом, истребитель устремлялся вперед. Наконец — посадка. Посадить скоростную многотонную машину на грунт — не пустячное дело. Но это надо, пригодится на войне. И советские летчики успешно освоили грунтовые аэродромы. Задание было выполнено с оценкой «отлично».

. .После встречи с личным составом полка космонавт прибыл на аэродром. На СКП, в штабе полетов идет четкая размеренная работа. Руководитель полетов подполковник Рыбалко шлет в эфир команды краткие, как телеграммы:

— Двадцать седьмой, ваш эшелон — десятый.

— Тридцать девятый, противник слева по курсу.

Слева и сзади — дежурные, телефонисты, планшети–сты,

штурманы. Они поддерживают связь с наземными станциями.

Генерал Гулаев сосредоточенно смотрит на планшет — на карту воздушной обстановки. Руководитель полетов Должен знать уровень подготовки всех летчиков полка, их психологические особенности, возможности техники, помнить, где и какое задание в данный момент выполняет летчик. Он, руководитель, обязан быть готовым принять самолеты маневра, руководить службой наведения и системой посадки, поддерживать связь со штабами и т. п. И, конечно же, большое подспорье руководителю — техника. Она автоматически решает сложные задачи, выдает в кабину летчика необходимые сигналы.

Генерал наблюдает за действиями планшетистов. Ровная, как луч, лента тянется на север. Скорость огромна. Когда-то для авиации считалась недосягаемой окорость звука. Теперь это так далеко позади… Пройдет еще немного времени, и скорость звука нельзя будет брать за эквивалент скорости полета. Очевидно, потребуется другая мера, может быть — скорость света. Ведь работают же над фотонными двигателями!..

Может, именно над этим генерал и задумался? В одну летную жизнь авиация прошла путь, равный столетию технического прогресса. Это в XX веке. А чему будет равна одна летная жизнь в XXI веке? В XXII, XXV…

На полетах Валерий Быковский встретил Владимира Роднева — тоже воспитанника Качи, одноклассника, а потом и однополчанина. Володя провожал Валерия в отряд космонавтов. В день старта Быковского в космос Роднев был в дежурном домике.

В те минуты он стоял у распахнутой двери, подставив лицо ночной прохладе. Ветер, казалось, приносил с собой тонкий, еле уловимый запах высоты. Летчик улыбался. Вспомнились слова друга: «Воздух пахнет на высоте». Их любил повторять Быковский. Давно ли это было?..

Владимир Роднев считал себя везучим, счастливым человеком. Без особого напряжения он окончил истребительное авиационное училище, овладел новой машиной.

Стать!.. Даже страшно говорить, во всяком случае, непривычно: ему хотелось стать космонавтом. Написал письмо генералу Н. П. Каманину. Порой, сбиваясь от переполнивших его мыслей, упрашивал: возьмите в отряд космонавтов, не подведу!..

Внезапный хрип селектора прерывает воспоминания. Поступает команда: «Готовность номер один».

Роднев вбежал в домик, схватил шлемофон и бросился к самолету. Привычным движением защелкнул карабины парашюта, закрыл фонарь, включил тумблеры. На высоких свистящих нотах начала свою песнь турбина. Потом

стремительный разбег — и взлет. Громовые раскаты ложились на землю, самолет почти вертикально уходил ввысь. Долго еще слышался затихающий рокот, а истребитель давно уже растворился в темно–серой пелене.

Начинался новый день.

Роднев сосредоточенно осмотрел приборы. Глаза фиксировали положение стрелок, следили за горизонтом. Здесь, на высоте нескольких тысяч метров, уже был виден огромный диск солнца. Первые лучи бликами падали на плоскости и фонарь, сквозь сизую пелену облаков пробивались к земле.

Трудно искать «противника» при такой непрерывно меняющейся игре света. Глаза устают, начинают слезиться. Хорошо, что на борту есть всевидящее око — радиолокационный прицел. Владимир внимательно следит за его голубым экраном. Вот выплыл из нижнего угла и прочертил зигзаг зеленоватый всплеск…

Отметка от цели! Теперь локатор не выпустит «нарушителя» из своих невидимых щупальцев.

Самолет идет на сближение с целью. Еще немного, еще, еще… Наконец — пора. Палец топит кнопку на ручке управления. Пуск!

Перехватчик отворачивает в сторону и ложится на обратный курс.

Когда задание выполнено, можно дать себе передышку. Роднев выключил форсаж, расслабился. Незаметно летят минуты, мысли все какие-то приятные бродят, и вдруг… Что это? Почему стало тихо?

Один взгляд на тахометр: стрелка ползет к нулю. Самолет стремительно теряет высоту…

Рапорт на землю был телеграфно краток:

— Я — двадцать седьмой! Остановился двигатель.

Потом начался экзамен на мужество.

«Как поступить? Катапультироваться? Бросить самолет, спасая себя? Нет, об этом еще рано думать. Надо попытаться спасти самолет. Прежде всего — экономить энергию».

Роднев отключил почти все приборы. Работало только Радио. Торопливое движение, один поворот ручки — и в наушниках затрещало, потом через треск пробились ело–ва. Роднев прислушался. Голос показался удивительно знакомым!

— Дорога в космос началась для меня с авиации. Еще в училище мы вместе с Владимиром Родиевым и Виталием Черкашиным мечтали о больших скоростях и высотах, дальних трассах, сложных и героических полетах…

Так ведь это Валера!

А Быковский продолжал:

— Давно я не видел своих друзей. Но уверен, что на них и сейчас можно положиться всецело. Что бы ни случилось — выполнят любое задание.

Владимир откинулся назад. Щеки пылали. К горлу подступил комок.

— Двадцать седьмой! Двадцать седьмой! — настойчиво запрашивала земля. — Почему замолчали? Доложите обстановку.

— Все в порядке!

— Двигатель работает?

— Заработает. Заставлю работать.

Роднев медлил. Секунда, вторая, третья… Рука потянулась к тумблерам. Летчик начал запуск двигателя. Глаза впились в прибор. Застывшая стрелка вдруг шелохнулась и поползла вверх. Родневу хотелось кричать «ура», но он сдержался. В эфире прозвучало обычное:

— Я — двадцать седьмой! Прошу посадку!

Колеса чиркнули о бетонку, воздух над аэродромом наполнился могучим гулом. Владимир Роднев соскочил на землю, потянул ноздрями легкий ветерок. «Воздух пахнет на высоте», — вспомнились ему слова.

Полеты шли своим чередом.

…С СКП Валерий Быковский пошел к дежурному домику, с которым у него тоже было связано много теплых воспоминаний. Оттуда, по узенькой стежке через кустарник, — к стоянкам самолетов. И там… Там среди других стоял его самолет…

Все было как прежде, как в те давние годы. Быковского встретил авиационный техник Анатолий Ульяненко, который когда-то служил в его экипаже.

— Товарищ командир, самолет к полету готов, — доложил Ульяненко.

Это был тщательно и любовно подготовленный сюрприз, Валерий обнял техника. Потом осмотрел самолет, забрался в кабину и долго сидел в ней, ласково водя рукой по холодному металлу. Все вспоминал.

Самолет! К нему летчик привыкает, привязывается душой, мыслями. Ему он доверяется в полете. Доверяет свою жизнь.

Когда 14 июня 1963 года радио принесло весть: в космосе Валерий Быковский, командир полка в эти минуты был в полете, на той самой машине, в которой сейчас сидел космонавт. Рыбалко послал телеграмму: «Валерий! Вместе с тобой на больших высотах! Поздравляем, радуемся, гордимся! Приземлиться тебе у «Т»!

Твои однополчане. Подполковник Рыбалко».

Космонавт получил поздравление однополчан. И среди вороха сообщений, которые он слал на землю — обязательных и непредвиденных, срочных и научных, — была телеграмма однополчанам, короткая, вполне в характере Быковского:

«Спасибо, друзья! Всегда ваш Валерий».

…Вечереет. Фосфоресцирующе поблескивает снег. Вспыхивают огни в окнах: желтые, оранжевые, сиреневые, зеленые. От них к нашим ногам пролегают цветные дорожки.

Последний вечер в родном полку.

Быковский уже поездил по свету, многое повидал. Побывал в Индии, Индонезии, Бирме, Непале, на Цейлоне, в Болгарии, Польше. И о каждой стране он рассказывал интересные факты.

…И вот остается всего несколько часов — и Быковский улетит из родного полка. Когда еще представится случай побывать здесь снова… Невольно в сердце закрадывалась грусть. Хотелось сказать что-то особенное, душевное…

— Когда-то, очень давно, — тихо сказал он, — командир подарил мне свои бутсы. Я долго играл в них в футбол. Я и сейчас храню их. Я прошу Василия Игнатьевича принять от меня подарок — бутсы. Они тоже желтые, того же размера, что и те. Большое спасибо, Василий Игнатьевич, за все!

Полковник Воронович встает, подходит к Валерию. По мере того, как говорил космонавт, лицо Василия Игнатьевича преображалось. Заморгали глаза, заходили желваки, переломались губы. Какое сердце не дрогнет в такую минуту? А может быть, он думал о том, как все связано, как иногда незначительный факт приобретает большое значение. В воспитании нет мелочей. В словах и действиях командира все должно быть значительным.

Вспоминал ли командир полка о том, что он когда-то подарил летчику бутсы? Может быть, только иногда, случайно. Но о них постоянно думал летчик. Даже став космонавтом!

Лейтенанты… В жизни каждого из нас были лейтенанты, которых мы любили и которых избрали себе в пример.

Помню, как учился в спецшколе ВВС. Это было в послевоенные годы. Расквартированы мы были в Свердловске. Летом после окончания учебного года уезжали в лагерь.

Далеко от города, в глухом сосновом бору, стояли наши деревянные домики. Мы изучали историю военного искусства, боевую технику, купались, загорали, совершали походы, дежурили на пожарных вышках. Мы использовали всякую возможность, чтобы лучше узнать этот таежНый край. Но далеко нас не пускали, а все, что было в радиусе пяти–шести километров, мы уже успели обследовать.

Но вот однажды жители села Монетки пригласили нас на праздник. Хотя мы знали, что поедут не все, радости не было предела.

Командование разрешило выехать самодеятельности и духовому оркестру. Старшим был назначен лейтенант, прибывший к нам из истребительной авиации.

Легко сказать: выехать. А на чем? Машин у нас не было. В два часа дня, растянувшись длинной цепочкой, мы двинулись в тайгу. Двадцать шесть километров! Начало концерта в. двадцать ноль–ноль.

Стоял знойный июль. Солнце пекло нещадно. Нам приходилось то спускаться в дышащие прохладой овраги, то подниматься вверх, с трудом карабкаясь по судорожно вцепившимся в каменистую почву корням хвойных великанов. Не стало слышно веселых песен. Послышались колючие, раздраженные реплики. Но лейтенант шел впереди, не зная усталости, только очень часто уточнял направление по компасу.

В десятом часу вечера мы пришли в село. И сразу же начался концерт.

Лейтенант куда-то исчез. Объявив очередной номер, я пошел искать его, чтобы узнать, останемся ли мы здесь ночевать. Поднялся на второй этаж, открыл дверь в узкую полутемную комнату — и увидел лейтенанта. С искаженным от боли лицом он лежал на диване. Я взглянул на его ноги. Они были забинтованы.

Увидев меня, лейтенант встал и через силу улыбнулся.

— Виноват, товарищ лейтенант! — сказал я.

— Заходи, заходи.

Прихрамывая, он прошелся по комнате, остановился у окна.

— Война, старые раны мучают. Ну, ничего… Слушаю вас.

— Разрешите узнать, когда двинемся в обратный путь. Концерт может затянуться.

— Ночевать здесь не останемся. Но программу обязательно покажем всю.

— Слушаюсь! Может быть, — заговорил я неуверенно, — мы понесем вас или достанем лошадь?

— Не смейте даже думать об этом!

В три часа ночи. мы вышли в обратный путь. Лейтенант снова был впереди, шутил, подбадривал уставших.

С тех пор минуло много лет. После окончания школы я больше не встречал лейтенанта, не помню даже его фамилию. Но я всегда и во всем стараюсь быть похожим на него.

В самолете Валерий Быковский долго молчит, смотрит в иллюминатор, узнавая запорошенные снегом места, где летал, где начинал свою лейтенантскую службу. Три дня, проведенные в

родном полку, всколыхнули память о той поре.

Быковский встрепенулся, мечтательно посмотрел на нас, сказал:

— А знаете…

И стал вспоминать.

Антон Губенко

«Моя самостоятельная жизнь, хотя я с детства мечтал о небе, началась с необычной профессии — охотника за дельфинами. Вместе с артелью рыбаков я выезжал на захудалом катеришке в море. Дельфины кувыркались в синей воде, раскрывая свои зубастые морды, как громадные птичьи клювы.

Матрос–боец, рыжий парень с узловатыми мускулами, сидел на корме и водил дулом по горизонту, высматривая добычу. Я лежал рядом, готовый в любую минуту прыгнуть в море. Моей задачей было не дать подбитому дельфину опуститься на дно. Едва раздавался выстрел, я нырял за тонущим зверем в воду, хватал его рукой за острый скользкий нос и вытаскивал на поверхность. Так я держался с ним на волнах, пока не подходил катер…»

Шесть месяцев Антон отдал морю. Но однажды, сняв матросскую робу, он подошел к капитану катера и сказал:

— Уезжаю. Спасибо за работу. Больше не могу уничтожать этих животных.

Антон возвращается в Мариуполь — город, где учился в профтехшколе, которую неожиданно покинул в поисках романтики. Поступает подручным слесаря, вступает в комсомол. Он активно занимается общественной работой, спортом и готовится к осуществлению своей мечты — летать.

В мае 1927 года Антон пришел в райком комсомола с заявлением: «Прошу направить меня в школу военных летчиков. Обязуюсь ничем не осрамить чести комсомола». В тот же вечер он написал матери: «Я не могу без неба, без трудных и опасных дорог, которые меня ожидают… Я хочу покорить небо, сделать его обжитым, как наша земля».

Антон пишет также старшей сестре, которая была для него и всех его многочисленных братишек и сестренок дорогим и близким человеком — няней и воспитательницей:

«Мама–Таня!

Час назад я официально признан военным летчиком! Я являюсь частичкой нашего огромного и могучего Красного Воздушного флота и несу ответственность за охрану созидательного труда советского народа. Как красный командир я принял решение поехать служить туда, где вероятнее всего может быть нападение на нашу страну. Командование удовлетворило мою просьбу. Я еду на Дальний Восток. Да–да, Таня, я счастлив. Я чувствую потребность в моих силах, знаниях. В тех суровых условиях я пройду настоящую закалку и получу необходимый

боевой опыт».

I

И вот полет! Ощущение неба, простора, волнующее чувство силы и способности совершить нечто необыкновенное…

Еще не остывший от пережитых чувств, Антон Губенко отрапортовал командиру отряда о результатах полета. Тот, глядя мимо него, коротко бросил:

— Двое суток ареста!

Командир отряда был человек неплохой, но упрямый и резкий, как и сам Губенко.

— Есть двое суток! Разрешите узнать — за что?

— За все, что вы творили в воздухе.

— Я хотел испробовать машину. Всего две лишних фигуры!..

— Воздушная акробатика не входит в нашу программу. Вы не циркач, а военный летчик. Вас на бис никто не вызывал, понятно? Получите двое суток ареста…

Антон воспринял наказание внешне спокойно. На его взгляд, оно явилось результатом неких противоречий, разрешить которые не в силах ни командир отряда, ни он, Антон Губенко.

Командир прав — налицо нарушение инструкции. Но прав и он — «воздушная акробатика» не самоцель, а путь к профессиональному мастерству. Впрочем, то же самое он пытался доказывать и в школе, но результат был тот же — наказание за нарушение.

Губенко попросил разрешение покинуть аэродром. Вечером к нему пришли товарищи.

— Брось, Антоха, не унывай, — сказал летчик Стригунов. Человек он спокойный, уравновешенный, но тяжелый, как говорят, на подъем. — Не то еще будет в жизни.

Разговор опять же зашел о полетах и инструкциях.

— Нас хотят втиснуть в рамки наставления, но они тесны нам! Мне хочется смотреть вперед, жить будущим, а не повторять пройденное.

— Не было у нас умного человека, а теперь есть. Вот — Антон Алексеевич Губенко! Полюбуйтесь, — пошутил Иван Фролов, затем продолжал серьезно: — Мы у тебя, Антон, вовсе не потому, что ты получил взыскание и тебя надо развлечь. Ты прав: нам надо больше летать, надо усложнять программу, больше вводить боевых элементов. На Дальнем Востоке неспокойно, война может разразиться в любую минуту…

— Правильно, Иван Константинович, — подхватывает

Губенко. — Мы должны летать в любую погоду, в любых условиях, в любое время суток. А мы боимся ночи, как кисейные барышни. Ведь ночь — это гарантия успеха! Но тут есть, на мой взгляд, необходимое условие — уметь летать на бреющем. Поэтому совсем не для эффекта избрал я бреющие полеты! Но чтобы хорошо летать у самой земли, нам нужна «воздушная акробатика». Рискованная фигура у земли получится тогда, когда прочувствуешь ее на высоте.

В этот вечер Антон Губенко пришел к убеждению: необходимо научиться летать ночью! Одержимый безграничной любовью к небу, он доверял не поверхностной интуиции, не хлесткому бесшабашию, а глубоким знаниям, постоянным тренажам, упорству и трудолюбию…

К Губенко росло уважение, росло и недоверие. А Антон жаждал «боя». Ну что ж, решил командир эскадрильи, получай!

Командир эскадрильи Бирбуц, старый опытный летчик, суровый характером, отличался грубоватым бесстрашием и презрением к мелочам. Он даже летал всегда без защитных очков, считая это излишней нежностью. Бирбуц, прежде чем разрешить ночные полеты настырному летчику, лично «свозил» его на короткую ночную прогулку как пассажира.

И вот самостоятельный вылет — тот момент, к которому упорно стремился Губенко! Линия взлета обозначена кострами. Мотор набирает обороты, вдруг брызжет целым каскадом искр! Сердце невольно вздрагивает. Хотя такие хвосты искр — явление обычное, только днем оно проходит не так заметно.

Самолет пролетел костры и попал в совершенную тьму. Ничего, кроме освещенной кабины. Потом на земле стали появляться огоньки. Мысленно представляя карту местности, Антон отмечал: вокзал, дорога. Затем огоньки исчезают, и снова темнота. Черное небо, яркие звезды, как в театре на темном заднике. Для пилота небо неразрывно связано с землей. Он уносит ее с собой и чувствует, ощущает каждую минуту. Горы, леса, строения. Все это поглотила ночь, все, но все это существует, живет в воображении. Иначе нельзя: может возникнуть клаустрофобия — боязнь одиночества, недоверие ощущениям, восприятию. Мозг должен работать на полную нагрузку…

Легкий крен. Прекрасно! Антон с радостью убеждается, что машина слушается хорошо. А теперь маленькую бочечку. Ура! Какая ночь! Можно позволить чуть–чуть акробатики — и никто не увидит.

Уже первый ночной полет принес Губенко известность. Дал право добиваться новых исключений из инструкции. Однако он

принес и неприятности. Об этом Антон никому не говорил. А произошло вот что. Снижаясь на малом газу, находясь уже в освещаемой полосе, Губенко вдруг Увидел темный силуэт самолета, который шел поперечным курсом, и где-то у посадочного знака «Т» они должны были столкнуться. Что за диковина? Кто может ночью заходить на посадку поперек полосы? Срабатывает молнии–носная реакция: уходи в сторону! Но выполнить такой маневр у самой земли не просто! Надо резко увеличить обороты мотора. Пришлось сделать фантастический разворот, который в другой, спокойной обстановке, имея время на раздумья, он просто не рискнул бы сделать. Машина с невообразимым стоном, едва не касаясь крылом земли, медленно ушла в сторону.

Так как это происходило над аэродромом, присутствующие на полетах летчики, техники, мотористы приняли это замысловатое акробатическое па за очередную выходку Антона. В то время слыть воздушным лихачом было не так уж зазорно. О лихачах слагали небылицы, их окружали ореолом славы, им подражали, они становились кумирами молодежи. Среди таких летчиков, проявивших удивительное мужество и мастерство, было немало любителей сенсационной популярности, бесшабашной лихости и неблагоразумного риска. Антон Губенко не относился к числу таких людей. Он был новатором, экспериментатором, человеком поиска, стремившимся соединить технические возможности самолета с тактической необходимостью боя. Он тоже рисковал, во многом был первым, но каждый свой новый полет он готовил так же тщательно, как ученик очередную контрольную работу.

Губенко не был воздушным лихачом, но он еще и не постиг всех тайн летного мастерства, хотя непостижимый его разворот был встречен восклицаниями. Антона поздравляли, называли «лихачом первого класса», «циркачом», «акробатом» и еще как-то. Никто даже не подозревал истинной причины происшествия: Губенко испугался тени собственного самолета! Даже Бирбуц, который незамедлительно явился и крепко отругал за лихачество.

Летное мастерство лейтенанта Губенко росло. На учениях, показательных полетах он продемонстрировал высокую подготовку, мастерское владение самолетом, снайперскую стрельбу. О нем писали в газетах Дальневосточного военного округа, он был отмечен в приказе командующего, как лучший летчик части. Но и простить ему не могли многого.

II

Командир звена старший лейтенант Челишев в годовой аттестации на младшего летчика авиационной эскадрильи лейтенанта Губенко Антона Алексеевича пишет:

«Обладает силой воли, решителен, упрям, впечатлителен. Как в воздухе, так и на земле недостаточно дисциплинирован… К работе относится легкомысленно и в ней не аккуратен, что объясняется не вполне сложившимся характером… Летает с большим желанием, но полетная втянутость недостаточная. В строю играет машиной (резок в управлении). Расчет на посадку хороший, но техника посадки не отработана. Стрелковая подготовка: стрельба по конусу выше удовлетворительного».

Командир второго отряда старший лейтенант Ковалев соглашается с аттестацией и приходит к выводу: не может быть из Губенко хорошего летчика–истребителя.

Но Антон не хотел отступать от задуманного. Его доводы об усилении летной нагрузки были убедительны и аргументированы. Товарищи верили ему, увлекались его идеями. «Если можно добиться высокого класса пилотирования одного самолета, значит, можно добиться того же и на двух», — решил Губенко и стал тренироваться в совместных полетах с Иваном Фроловым. Это было их тайной, они оберегали ее от всех.

Гарнизонная жизнь приносила Антону свои радости. Он полюбил суровую природу Дальнего Востока. Часто бродил по окрестностям, ходил на рыбалку и на охоту. Все здесь вызывало радость: пологие сопки, чистые реки, тонкоствольные ивы, терпкий багульник.

Гарнизон находился в обособленном, удаленном от жилья месте, и о комфорте или развлечениях можно было только мечтать. Но трудности скрепляли дружбу. Авиаторы своими силами благоустроили гарнизон. Посадили деревья, улучшили дороги, оборудовали гарнизонный клуб. Они были горды тем, что здесь, в глухой тайге, они представляют свою Родину.

Этот день был одним из самых обыкновенных, хотя закончился он для Антона самым неожиданным образом. После дневных полетов в клубе чествовали ударников гарнизона. Лучшие летчики, техники, мотористы получали книжки ударника, почетные грамоты, премии.

Губенко поймал себя на том, что ждет, когда назовут его фамилию, и, почувствовав неловкость, поспешно вышел из зала. Постоял в пустом фойе, поднялся по боковой лестнице на второй этаж, остановился перед первой попавшейся на глаза картиной с одним желанием — успокоиться, понять то, что происходит в душе. Обычная зависть, желание быть первым? Или стремление постичь все тайны пилотажа, подчинить себе небо, как мечтал

еще в детстве?.. Антон не слышал шагов, резко обернулся на знакомый голос.

— А ведь вы, Губенко, тоже ударник. Настоящий, я бы сказал, артист в воздухе. Только вам мешает одно…

Перед Антоном стоял командир эскадрильи майор Иванов.

— Это говорите вы? — спросил Губенко, еще не осознав — радоваться этому или печалиться. — Что же мне мешает?

— Вы летаете для самого себя, вот что, — сказал Иванов. — Вы и дисциплину рассматриваете как балласт опять же для себя. А ведь кругом вас люди. Кругом товарищи, для которых ваш пример может оказаться гибельным. Скажите мне, в чем дело? Хотите больше пилотировать — я разрешу, только так, чтобы не смущать других. Хотите показать себя — дадим вам. задания посложнее. Только возьмите себя в руки, помните, что вы в Красной Армии… — Иванов посмотрел на часы. — Скоро перерыв. Садитесь. Вы часто слышите: берегите самолет. Да, мы не можем без нужды рисковать самолетом, тем более не в праве рисковать жизнью летчика. Летчик создается годами. Он впитывает в себя лучшие достижения науки, культуры, техники. Когда мы начинали революцию, у нас не было своих самолетов, теперь они у нас есть. Разве думал я, командир эскадрона, менять коня на самолет? Но меня послали комиссаром в авиационную часть. Мог ли я отказаться? Я большевик. Партия ставит задачей создать первоклассный воздушный флот, и мы, коммунисты, должны быть впереди…

Иванов вдруг повернулся к выходящим из зала, окликнул негромко:

— Анечка!

Когда к нему подошла девушка, представил Антону:

— Анечка, это Губенко. Займите его, а у меня дело. Простите.

— Здравствуйте, товарищ Губенко, — сказала Аня, подавая руку.

— Здравствуйте. — Губенко встал. — Антон, Антон Губенко.

— Я слышала о вас. О вас много говорят — и хорошего, и плохого. О людях посредственных, ординарных не сплетничают. Вы, говорят, талантливый летчик.

— Ну, что вы, Аня! Это зря.

— Может быть. Ведь я вас не знаю. Так о вас говорят. Я очень люблю талантливых людей.

— Значит, их у вас много?

— Нет, мало. Пожалуй, вы первый.

Девушка вела себя свободно: возможно потому, что была красива. А он терялся, не знал, о чем говорить. Аня так

неожиданно появилась перед ним, и главное — она понравилась ему.

Аня смотрела на него чуточку капризно.

— Вы мне что-нибудь расскажете из своих тайн?

— Да, со временем.

— Ну, я хочу сегодня, сейчас.

— Сейчас не могу.

— Не можете?

— Не хочу.

— Но почему?

— Я должен подумать. С вами надо быть осторожным, — пошутил Антон.

Губенко думал над словами командира. Пытался оценить их, сделать выводы. Может, он действительно летает для себя? Нет! Но так можно расценить его поступки, потому что он рвется вперед. Конечно, у него есть и самолюбие, и гордость и… черт знает еще что!.. Надо доложить командиру о своих планах. Поддержит? Антон вспомнил, как недавно он пошел на вынужденную посадку из-за того, что техник перекрыл кран бензобака. Топливо, оставшееся в карбюраторе и амортизационном бачке, израсходовалось, и мотор заглох. Обошлось без поломок, причину установили, и Антон в тот день все-таки летал, но на разборе Иванов за небрежность и халатность, не принимая в расчет отличные результаты полетов, объявил ему арест…

«И все-таки командир прав», — думал Антон, припоминая, что иногда тяготится приказаниями, поступившими неожиданно, изменениями по погодным условиям в распорядке дня. При таких обстоятельствах он становится несдержанным, грубым. Почему? Он был занят своими делами, реализацией своих планов, и что-то помешало их осуществлению. Нужно все менять! Учиться летать — основная программа года.

Однако жизнь неожиданно внесла свои коррективы. Антона вызвал командир эскадрильи. Разговор начался с того, о чем Губенко не мог даже предполагать.

— Анна Дмитриевна, — сказал Иванов, — все время спрашивает о вас. Что знаю — говорю, но, вероятно, вам лучше самому рассказать о себе.

— Вероятно, товарищ командир. Но я… решил не встречаться с Анной Дмитриевной.

— Это ваше право, но все-таки почему?

— Она очень красива.

— Так это хорошо.

— Нет, это плохо. Я ведь не очень красив.

Иванов весело рассмеялся.

— Ну–ну, действуйте. Боритесь. А в общем-то никуда вы не денетесь от нее. Она действительно красива. Я хотел вам сказать, что, между прочим, у нее нелегкая судьба. Она родилась в большой многодетной семье. Отец — железнодорожник, в прошлом партизан, заслуженный и храбрейший человек. Знаком я с ним, Дмитрием Карповичем, по партизанским делам. Они коренные дальневосточники, люди работящие, крепкие.

Антон думал об Ане. Он полюбил ее, хотя не признавался в этом даже себе. Он избегал с ней встреч. Но, как говорят, судьбе было угодно снова свести их. Встретились они случайно в городе.

— Антон?! — воскликнула Анна, искренне радуясь встрече. — Я вас не видела целый месяц.

Воскресный день они провели вместе. Через месяц поженились.

III

Осенью 1931 года как лучший летчик Антон Губенко демонстрировал свое пилотажное мастерство на окружных соревнованиях. Там он познакомился с Анатолием Серовым. Эта встреча положила начало большой дружбе. За достижения в боевой учебе его назначают командиром звена. Аттестуя Губенко, командир отряда капитан Фирсов писал:

«По характеру упрям, самолюбив и впечатлителен. Обладает хорошей силой воли. В действиях решителен. Много и успешно работает по воспитанию звена, о своих подчиненных проявляет большую заботу. В воздухе не замечено ни одного случая недисциплинированности, что было частым явлением раньше. Хорошо подготовлен теоретически по моторам и самолетам. Звено по огневой подготовке имеет оценку «отлично». Сам является прекрасным примером в технике пилотирования и огневой подготовке. Инструктор парашютного дела. Занимаемой должности командира звена вполне соответствует. Может быть выдвинут на должность командира отряда в очередном порядке».

Казалось, все складывалось хорошо, и вдруг…

Произошла авария самолета Ивана Фролова. Виновником ее назвали командира звена старшего лейтенанта Губенко.

На комсомольском собрании разбирали персональное дело комсомольца Антона Губенко.

Разговор был нелицеприятный. Кто-то внес предложение об исключении из комсомола. Снова жаркие споры, убедительные доказательства «за» и «против».

Антон слушает, опустив голову, не веря, что это о нем, что решается его судьба.

— Губенко зазнался. Ведет себя высокомерно с товарищами, груб с начальниками. Он не желает считаться с утвержденными планами по боевой и политической подготовке. Он стремился навязать свой особый план, сбить привычный нам темп, а этим самым помешать росту летного мастерства, повышению боевой готовности. Вряд ли надо говорить о положении на Дальнем Востоке, недавний конфликт на КВЖД призывает нас к бдительности.

Следующим выступает Пекарский:

— Мы давно хотели поговорить о моральном облике Губенко. Нельзя сказать, что все у него плохо и что он состоит из одних недостатков. У него имеются положительные качества, которые комсомол сумел, несмотря, видимо, на его внутреннее сопротивление, ему привить. Но сейчас идет речь о недостатках, которые мешают ему и нам.

Губенко — нелюдим, замкнут. Иногда эти чудачества он объясняет своей личной загруженностью, самостоятельной работой над собой. У него нет друзей, есть лишь небольшой круг единомышленников. В него он вовлек и нашего дорогого Ивана Фролова, чуть–чуть не ставшего жертвой правонарушений Губенко. А не покажется ли вам странным еще и такой факт: он женат на самой красивой и самой уважаемой женщине нашего города. Почему вдруг она избрала его, явно недостойного себе? Он подло обманул ее, создал условия, при которых она была вынуждена выйти за него. Он добивался этого особенно усердно, когда узнал, что она является родственницей нашего командира Иванова. Кстати, ее бывшая фамилия тоже Иванова…

С задних рядов резко крикнул Петренко:

— Я не прошу, я беру слово. — Петренко сильно волновался. Громадный, он шагал через весь зал, всей своей мощью демонстрируя воинственность. — Мне чудится, что дело тут липовое, организованное недругом либо дураком. Тихо! Я защищаю не Губенко, не его честь, она, кстати, не замарана, я защищаю советскую авиацию, право летчика на эксперимент, на безграничную перспективу в боевом отношении. Он, Губенко, борется не за себя. Он великий летчик. Он еще это докажет не раз, его узнает вся наша страна.

Тут говорили: Губенко мешает боевой работе. Мешает? Если он лучше всех нас летает — значит, мешает! Не понимаю, вот убейте, не понимаю я. В чем же тогда суть ударнического движения, что же значит быть лучшим летчиком? Губенко защищал честь нашей части на окружном соревновании и занял

второе место, уступив уже признанному мастеру воздушных атак Серову.

Губенко первым у нас освоил технику пилотирования на малых высотах. Разве он кому-нибудь отказал в помощи? У нас тут ходили слухи, что чем больше скорость истребителя, тем труднее летать. Губенко первым разбил это вредное утверждение. Еще недавно кони могли обогнать аэроплан… Антон хочет обогнать птицу, а потом уж и звук…

Поднялся шум: «Молодец!..», «Опять прожектерство»…

Петренко выждал, поднял руку:

— А теперь о женщинах. Тут Пекарский утверждает свое право судить о жене Губенко. Она, видите ли, предпочла ему Губенко. Это также говорит в пользу Антона. Теперь о фамилии нашего командира. Да, наш командир состоит в родстве с Ивановыми. И вот почему. Люто дрались наши партизаны с японскими самураями на Дальнем Востоке. В одном бою был ранен молодой хлопчик. Ранен тяжело, смертельно, можно сказать. Никто спасти не может, доктора в отряде нет. И вот тогда машинист паровоза Дмитрий Карпович Иванов увозит мальца на паровозе в город, занятый японцами, подвергая свою большую семью опасности — у него было восемь детей, — и размещает у себя дома. Выхаживали его пять месяцев и выходили. Вошел в строй человек, дрался на фронте, стал комиссаром и командиром. Это был наш командир. Взял командир фамилию Иванова в знак благодарности за спасение, обещал ее не посрамить. И не посрамил. Очень гордился Дмитрий Карпович своим подопечным. Но вот беда, два часа назад от ран гражданской войны Дмитрий Карпович скончался…

— Пусть Губенко говорит! — закричали с мест.

Антон встал. Бывают же такие дни, когда жизнь сваливает в кучу все беды и печали многих месяцев. На него все смотрят, он чувствует их взгляды. Ему никак нельзя поддаваться слабости.

— Мне, — тихо сказал Антон, — видимо, не пристало отрицать недостатки, мне приписываемые. Легче признать их, согласиться с ними. Но я комсомолец, я люблю свою Родину, верю в безграничные возможности нашей авиации, поэтому не признаю критику справедливой. До тех пор, пока моя рука сможет удерживать штурвал, я буду в авиации, я буду совершенствовать ее тактику…

Через несколько месяцев он был отозван в Москву.

1934 год, май. Командир звена старший лейтенант Губенко приступил к службе в авиаэскадрилье. Первые дни и первые отзывы о тех днях, сохранившиеся в архивах.

«Наш новый командир Антон Алексеевич Губенко оказался

человеком на редкость спокойным и уравновешенным. Чувствовалась внутренняя собранность, твердая воля. Мы еще не видели, как он летает, но уже слышали о его мастерстве.

Началась проверка техники пилотирования. С каждым полетом мы мрачнели, чувствуя, как этот дальневосточник превращает нас в учеников–приготовишек, несмотря на то что мы были летчиками второго года службы. Губенко взялся за нас с подлинным творческим энтузиазмом. Б. Смирнов, Герой Советского Союза».

IV

Новый, 1935 год Губенко встречал вместе со своим наставником, известным стране летчиком капитаном Серовым. В большом двухэтажном доме собрались летчики и конструкторы, испытатели, экспериментаторы. Эти люди были гордостью советской авиации, ее цветом, надеждой, и они делали все, чтобы повысить боевую мощь советского воздушного флота.

Здесь Губенко впервые услышал о том, что в стране идут научные изыскания в области создания реактивных двигателей. Антон любил свои самолеты «И-4», «И-5», гордился ими, а тут говорили о том, что это вчерашнее слово авиации, так сказать, технический анахронизм, что есть истребители со скоростью 500 и даже более километров в час… Разговор касался тяжелых машин с двумя–четырьмя моторами, способных поднимать в воздух тонны груза. Антон восхищен и взбудоражен. С усмешкой думает о своем исследовании боевых возможностей истребителей. Кустарь–одиночка! А тут… Тут целый институт с огромным штатом, с деловыми и каждодневными связями с конструкторами, конструкторскими бюро, заводами, наркоматами. Они проводят комплексные исследования, устанавливают боевые нормативы, они по–настоящему творят будущее авиации.

Здесь же впервые Губенко услышал о самолете Поли–Карпова «И-16», который войдет в его жизнь, выведет его в плеяду прославленных авиаторов. А пока Антон был в роли активного слушателя, сидел на диване, с жадностью ловил каждое слово.

Ждали Валерия Павловича Чкалова…

Чкалов недавно перешел из института на авиационный завод. Испытывал самолеты Поликарпова. Валерий Павлович пользовался всеобщей любовью и уважением, был широко известен, он олицетворял собой все лучшее в авиации. По непредвиденным обстоятельствам Чкалов не приехал.

Прошло несколько дней. Губенко все еще жил тем, что довелось ему слышать новогодним вечером. Неожиданно к нему приехал Серов.

— Чкалов проводит испытания «И-16», — сказал он. — Самолет превосходный. Он пойдет в серию, будет принят на вооружение. Потребуются войсковые испытания. Я хочу рекомендовать тебя. Если Чкалов поддержит, все будет в порядке. А сейчаседем со мной.

В машине он сказал Губенко:

— Едем к Валерию Павловичу домой!

Чкалова дома не оказалось. Его жена Ольга Эразмовна сообщила, что Валерий Павлович может заехать к Алексею Максимовичу Горькому в редакцию журнала «Наши достижения». Но лучше ждать его дома.

Серов поблагодарил Ольгу Эразмовну и увлек Губенко за собой.

— Поедем, Антоша. Время. Главное — выиграть время. Время — это скорость, с которой ты приближаешься к новому аппарату. Стране нужны новые скоростные машины. «И-16» гениальное творение Поликарпова и нашей промышленности.

Чкалова не было в журнале, он уехал несколько минут назад. Они направились к выходу, когда Серова окликнули:

— Анатолий Константинович!

— Алексей Николаевич, — обрадованно воскликнул Серов, узнав писателя, который шел к ним по коридору. — Вот заехал за Валерием Павловичем, да не застал его.

— Был, был. Собственной персоной, — говорил со своим особенным произношением Толстой, — Одержимый, не укротимый, буйный, огонь. Ярчайшая личность. Колоритный персонаж. У евреев есть такая пословица: «Не смотри на кувшин, а на то, что в нем есть». Так вот у Чкалова — глубочайшая душа. Мыслитель, философ. Глыба. А что же вы меня, старика, забыли?

— Авиация не может забыть того, кому она обязана бессмертием.

— Лукавите, голубчик. Но люблю людей находчивых. А кто же будет этот гордый сокол? — Толстой указал тростью в сторону Губенко.

— Могу сказать по секрету: выдающийся летчик. Чкалов нашего времени. Не верите? Сейчас убедитесь. Антон Алексеевич!

Смущаясь, подошел Антон.

— Здравствуйте, Алексей Николаевич. Антон Губенко.

— Здравствуйте, здравствуйте. Мне сказали, что вы Чкалов нашего времени. Два Чкалова — это много! Достаточно, что у нас два Толстых. Первое — всегда великое явление, второе выглядит

подражанием, жалким фарсом. Будьте вы Губенко. Губенко! Великолепно звучит. Вот тут недалеко, друзья мои, есть харчевня. Маленькая, славная такая, с настоящим русским чаем. Отведаем, а?..

За столом Толстой умолк. Теперь он с огромным интересом слушал летчиков, изредка вставляя то или другое слово, иногда задавал вопросы. Он хотел, чтобы говорил этот молодой незнакомый ему старший лейтенант, который привлек его, который нравился ему.

— Великолепно! — воскликнул Толстой, слушая рассказ о том, как Антон садился на вынужденную. — Ну, а дальше…

— А что дальше: летчику надо летать. Летчику нужны новые машины да свободные голубые дороги. Я с трудом привыкаю к новым аппаратам. А потом ничего. Начинаю крутить. Все чаще и чаще меня охватывает чувство слитности с машиной. Крылья — это мои крылья. Мотор — это кипит моя энергия. Я сросся с самолетом.

— Батенька мой! Анатолий Константинович, а вправду ли вы сказали — летчик ли он? Не писатель ли? — воскликнул Толстой. Антон счастливо смеялся.

Первого мая 1935 года Валерий Чкалов пилотировал «И-16» над Красной площадью. После парада руководители партии и правительства приехали на аэродром. Они беседовали с Чкаловым. Он отвечал на все вопросы спокойно, толково, хотя очень волновался. Им были довольны. Он умел очаровывать своим острым умом, оригинальными суждениями. Пятого мая «Правда» опубликовала Указ о награждении Чкалова орденом Ленина.

В конце мая Чкалов и Серов приехали к Губенко.

Хозяева не ждали гостей — Антон читал, Аня гуляла с четырехлетней Кирой. Чкалов хозяйски обошел квартиру, внимательно осмотрел книги, долго стоял перед портретом Петра Нестерова. Потом повернулся, посмотрел на Губенко. В его быстром взгляде Антон почувствовал одобрение.

— Я понимаю вас, — сказал Чкалов. — И рекомендую вам основательно заняться. Самолеты Николая Николаевича Поликарпова особенные, и сам он человек особенный — великий… и легкоранимый. На днях вы с ним познакомитесь.

Губенко еще не видел конструктора и не знал о той борьбе, которая шла вокруг его новой машины. Чкалов в совершенстве знал истребитель, боролся за него. Когда он услышал, что профессор Журавченко забраковал машину, он явился в комиссию и отстоял самолет. Журавченко сдался. Самолет вступил в последнюю стадию испытаний. Своеобразный по форме крыльев,

фюзеляжа и хвостового оперения, стремительный «ястребок» побил своей скоростью и маневренностью всех соперников в небе. В последнем варианте с мотором М-62 он развивал скорость до 480 километров в час. На высоту 5000 метров самолет поднимался за 6 минут и достигал потолка в 9200 метров. Это был первый в мире истребитель, имевший на вооружении, кроме пулеметов и пушек, еще две 100–килограммовые бомбы. Спину летчика защищала броневая плита.

О таком истребителе в те годы можно было только мечтать.

Войсковые испытания состояли из множества сложных упражнений. Помимо всего комплекса боевого применения, на каждом самолете требовалось выполнить шестьсот фигур высшего пилотажа и двести посадок.

Летчик Борис Смирнов из отряда Антона Губенко о тех днях писал:

«В воздухе Губенко. Набрана необходимая высота. Самолет пикирует, идет на петлю. Мы считаем: одна, вторая, третья… После десятой петли Нестерова самолет вышел в горизонтальный полет. Минута отдыха, а затем от границы аэродрома вдоль линии старта завертелись бочки. Самолет приземляется и, пробежав несколько десятков метров по посадочной полосе, вновь устремляется в воздух, не заруливая на стоянку. Так начался конвейер взлетов и посадок, позволивший значительно ускорить ход испытаний…»

Однажды летом на аэродром, на котором проходили испытания, приехал Николай Николаевич Поликарпов. Он познакомился с Губенко, другими летчиками его отряда, посмотрел полеты «И-16», остался доволен.

Пройдя все сложные испытания, машина получила самые высокие показатели и была рекомендована в серию. Успех работы отряда был грандиозным. Но не меньшей была усталость людей. А тут — всеармейские маневры. Получил учебное–боевое задание и отряд Губенко. Десять дней испытательных полетов принесли не только успех части, но позволили отряд Губенко определить как лучший в Московском округе.

Начальник политического управления Московского военного округа армейский комиссар 2–го ранга Векличев затребовал характеристику на старшего лейтенанта Губенко для внесения его в книгу Почета Военно–Воздушных Сил. Командование Военно–Воздушных Сил РККА обратилось к наркому обороны Союза ССР маршалу К. Е. Ворошилову с ходатайством о представлении А. Губенко к правительственной награде. К. Е. Ворошилов написал: «Согласен. Вносите предложения».

В это время организуются демонстрационные полеты «И-16».

Скоростной истребитель вызвал восхищение, недоверие, недоумение и зависть. Вновь всплыла подброшенная кем-то идея: на больших скоростях летать нельзя, самолет затягивает в штопор. Антон Губенко с группой летчиков своего отряда совершает перелет Москва — Горький — Ленинград — Москва, демонстрируя прекрасные летно–тактические данные. По пути следования экипаж встречался с личным составом авиационных частей, школ, аэроклубов.

…Бурный, стремительный, ошеломляющий 1935 год, принесший старшему лейтенанту Губенко столько достижений, радости, подходит к концу. Аттестуя Губенко, командир–комиссар авиационной эскадрильи Курдубов пишет:

«Тов. Губенко второй год работает врид. командира отряда. В настоящее время командует отрядом, производящим войсковые испытания самолетов «И-16». Отряд слетан хорошо. Сам отличный истребитель, он умело прививает эти качества подчиненным. Отличный парашютист. Энергичный, смелый, любит экспериментальную летно–парашютную работу. Способен на выполнение самых ответственных, сложных и рискованных заданий в воздухе.

Зачислить кандидатом в списки на экспериментальную работу по летному и парашютному делу. Особенно для работы на больших высотах.

Подлежит утверждению в занимаемой должности командира отряда. Учитывая особую любовь к экспериментальной летной работе, может быть использован летчиком научно–исследовательского института ВВС».

Москва. Ощущение приподнятости, взволнованности не покидает Антона. Он бродит по городу, паркам, катается по Моокве–реке. И пишет восторженные письма домой, сестрам и братьям, рассказывает о Москве, о бурном строительстве, о счастливой и прекрасной жизни.

Антон много занимается, читает. В беседе с начальником политотдела бригады Котовым он говорит о желании вступить в ряды ВКП(б) и поехать учиться. Котов гордится своим воспитанником, он сообщает Губенко о приезде корреспондента Е. Цитовича, цель которого — написать очерк о лучшем летчике бригады. Командир бригады, начальник политотдела считают его, Губенко, лучшим летчиком.

Цитович приехал через три дня.

« — Меня направил к вам Алексей Николаевич Толстой, — сказал он, предваряя возможный отказ. — Вы ра–ботайте, летайте — словом, делайте то, что считаете нужным. Я же буду ходить, наблюдать, писать.

Журналист Цитович ходит, наблюдает — и не пишет. Он ошеломлен виртуозными полетами Губенко, восхищен его эрудицией, но совершенно запутан его противоречиями, его бесконечными идеями и, как ему кажется, прожектерскими рассуждениями. Цитович отказывается писать. Алексей Толстой рассержен непониманием журналиста роли и значения авиации, огромного авторитета Губенко и…

— Вы послушайте, Валерий Павлович, — волнуется Толстой, обращаясь к Чкалову, — что сей отрок глаголет. Не может! Нам нужны личности яркие, выдающиеся. Мы должны воспитать тысячи таких, как Валерий Павлович. И они уже есть. Сегодня они рекордсмены, а завтра бойцы. Фашизм уже утвердился в Европе. Как знать, эта ползучая тварь не захочет ли завтра чего другого…

— Право, Алексей Николаевич, — вступился за Цитовича Чкалов, — вы так его разносите, за что, может быть, его похвалить надо. Он реально оценивает свои силы и, понимая невозможность исполнения, отказывается.

Цитович снова в бригаде.

Ходит, наблюдает — и не пишет.

Просит разрешения у Толстого приехать вечером, объясниться. Неожиданно для себя слышит теплое слово.

— Это хорошо, что вы позвонили, приезжайте немедленно, — просит Алексей Николаевич.

Толстой приветлив, радушен. Он не сердится, не возмущается, он все понял.

— Говорил о вашей работе с Алексеем Максимовичем, — сердечно говорит Толстой, — весьма заинтересовал его. Обещает опубликовать в «Наших достижениях». Готовьте. А начать… Знаете что, заставьте его говорить. Рассказчик он, должен вам сказать, превосходный…

v

Май, 1936 год. Обычный день, обычные полеты. Техник звена Костюченко, увидев идущий на посадку самолет Губенко, побежал на рулежную дорожку.

— Товарищ командир! — кричал он, стараясь перекри чать работающий двигатель. — Передали по радио о награждении вас орденом Ленина. Поздравляю!

Антон смотрит немигающими глазами на Костюченко, не понимал смысла его слов. Наградили высшим орденом. За что? Не совершил никакого героического подвига, не летал на полюс, не спасал челюскинцев. За что?

Антон снова поднял самолет в небо: дневное задание было незакончено. И там дал волю чувствам! Выписывал такие акробатические па, которые не позволял в самые озорные дни начала летной карьеры. Так вышло, что небо и самолет были первыми, с кем он поделился своей радостью.

Поздравления шли отовсюду: из Качи, родного села, с Дальнего Востока. Их слали убежденные поклонники, безгранично поверившие в летный талант Антона, и те, кто не понимал мятежной и ищущей души его.

Серов, Чкалов, Коккинаки, Лактионов, Стефановский, Бахчиванджи побывали у него в гостях. Не стало отбоя от корреспондентов. Антон отказывался от встреч, бесед, интервью, но не мог отказать он только Цитовичу. Цитович заслужил внимания своим долготерпением, желанием глубже познать жизнь авиаторов.

Состоялась их первая беседа.

Губенко предложил:

— Вы спрашиваете — я отвечаю. Так? Но ведь вам трудно спрашивать. Давайте так: я рассказываю — вы переспрашиваете.

Антон припоминал все, забирался в самые дебри своей родословной, вросшей, как дуб, в землю России, но, точимый невзгодами и питаемый горькими соками, он преждевременно осыпал листья, дряхлел…

Деревня Ново–Апостоловка, где он родился, входила в систему солдатских хуторов и была образована в конце XIX века из отставных солдат царской России. Самодержец Российский милостиво разрешал поселяться на землях Новороссии, осваивать их и заводить семьи. Поселился здесь и бывший рядовой Прокофий Губенко. От него и пошел род Губенко, которому суждено было принести своему отечеству и пользу, и славу.

К тому дню, когда Алексею, сыну Прокофия, настало время отделиться, был у них дом, лошадь, корова, соха. Потом навалился голод и погнал Прокофия в Таврию на заработки. Там он надорвался, вернулся больной, обреченный. Клочок земли и скудное хозяйство перешло к сыну Алексею. Он, как и отец, отдавал всю силу земле, чтоб иметь достаток. Но достаток не шел в семью. Обиженный и мрачный, Алексей Прокофьевич срывал зло на жене, на детях. Так и шел по жизни, не поднимая головы. Не верил он и в свои силы, не верил и в своих детей.

Жена Наталья Пантелеймоновна была работящая и добрая, она умела понять своих детей, заглянуть в душу и своим тихим спокойным голосом могла заставить поверить в свои силы. Но еще больше верила она в них сама, в их счастье, в их лучшую жизнь. Она не пристегивала ребят к земле, хотя уважала землю не

меньше Алексея Прокофьевича, она говорила: «Глаз видит близкое, ухо слышит далекое». Слышала она новую жизнь, потому и отпускала детей в город, в новую, неведомую ей жизнь…

Так ушла Татьяна и стала учительницей. Так ушел и Антон…

— Мне было лет четырнадцать, — рассказывал Губенко, — когда в сельской школе я услышал о школе летчиков. Тайком от всех я написал письмо председателю ЦИК Украины товарищу Петровскому, заклиная принять меня в такую школу. Теперь-то мне этот поступок кажется дерзким, но тогда я не думал о таком пустяке, — смеется Антон. — И вот через несколько недель меня вызвали в сельсовет и торжественно, в присутствии притихших сельчан, вручили письмо от Петровского. Я побежал с ним к сестре, читая и перечитывая на ходу. Письмо призывало меня к терпению. Я узнал, что меня еще долго не примут в летную школу по малолетству, но что в Советской стране нет ни одной дороги, которая была бы закрыта для крестьянской молодежи. Пока что нужно воспитывать себя в школе и в комсомоле. Все будет в свое время. Это письмо я долго носил с собой, как талисман, никому не показывая, кроме самых близких друзей…

Беседы продолжались ежедневно. Точнее, Цитович приходил, садился на старый скрипучий диван, доставал блокнот, ручку и ждал. Антон расхаживал по комнате, опустив голову, думал, вспоминал, отбирал, на его взгляд, важное.

— Хорошо помню свой первый полет. Это, знаете, бессонная ночь, накануне полная растерянность, когда ви–дишь — вот она, пилотская ручка, мечта жизни, и забываешь, что с ней делать.

«Готовьтесь, — говорит инструктор в переговорную трубку. — Передаю ручку! Держите нос самолета по горизонту. Спокойно. Выдержка. Мягче движения. Не так, не так, не раздражайте машину…»

А она раздражалась! Нос, который я должен был держать на уровне горизонта, то задирался в небо, то тыкался вниз. Машина клевала, вихляла, дергалась, и чем крепче я сжимал ручку, стараясь ее выправить, тем упрямее дергался самолет.

«Резко работаете! — продолжал инструктор. — Дайте машине время, пусть придет в себя. Мягче, плавнее! Вы слишком упрямы!»

«Это я-то упрям?! Я, а не машина?!»

«Да она не идет, — кричал я, забывая, что инструктор все равно меня не слышит. — Она же прыгает, як скаженный черт».

Полет превратился в пытку. Вести по прямой — чего проще? Позор! Я сгорал от стыда. Вылезал из машины весь красный, готовый к суровому приговору. Но, вопреки ожиданию, инструктор глядел приветливо.

— Ну что же, неплохо. Вам все-таки удалось сделать что-то

вроде прямой…

В один из дней работа не состоялась. Цитович, привыкший к высокой точности, собранности и организованности Антона Алексеевича, терялся в догадках. Ничего не могла сказать и Анна. Она ходила по комнате, кутаясь в шаль, и беспрестанно говорила: «Пожалуйста, не волнуйтесь, подождите, сейчас придет». Но сама она волновалась больше его.

— Вы знаете, — говорила она, плохо понимая, что говорит. — Я очень счастливая женщина. Быть женой летчика трудно, но Антон… Я хорошо знаю, что он любит меня, нашу Кирюшку, свою маму–большую, маму–маленькую…

— Я пойду, — не выдержал Цитович.

Цитович не знал, что в тот день командир–комиссар Курдубов написал аттестацию на военного летчика Губенко и, как положено по приказу, объявил ее.

«Тов. Губенко со своим отрядом отлично провел войсковые испытания самолета «И-16». Отряд т. Губенко, которым он командовал во время войсковых испытаний, был стахановским и по всем видам боевой подготовки занимал первое место в эскадрилье. -За высокие достижения в учебно–боевой подготовке т. Губенко награжден орденом Ленина и три пилота из его отряда получили орден «Знак Почета». Отряд Губенко, вновь сформированный из летчиков, переучившихся из разведчиков на истребителей, к концу учебного года занял в эскадрилье второе место.

Сам отличный летчик–истребитель и умело воспитывает эти качества в подчиненных, но слабо дисциплинирован сам. Замечаниями старших начальников пренебрегает.

Отличный парашютист. Любит экспериментальную работу и все время к ней стремится. Имеет много предложений экспериментального порядка. В воздухе способен на выполнение самых ответственных и сложных заданий на самолете и с парашютом.

Личные оценки: по технике пилотирования — отлично, по теории авиации — хорошо, воздушному бою и воздушно–стрелковой подготовке — отлично. Наставление и уставы — отлично, матчасть самолета и мотора — отлично.

По характеру болезненно впечатлителен и самолюбив, поэтому бывают случаи невыдержанности и нетактичности по отношению командованию эскадрильи и заносчивости перед товарищами по работе. 19.10.36 г. проявил воздушное хулиганство, случайно не закончившееся катастрофой. При этом заявил о своем уходе из эскадрильи.

Вывод: должности к–ра отряда вполне соответствует. По

выслуге лет, по подготовке и опыту работы достоин присвоения воинского звания «капитан». Учитывая высокие летные качества и большое стремление к экспериментальной работе, целесообразно использовать на летной и парашютно–десантной работе в НИИ ВВС, но требует особого наблюдения за дисциплиной в воздухе».

Командир бригады майор Викуленков, прочитав аттестацию, написал:

«С оценкой командира эскадрильи согласиться нельзя. Тов. Губенко сильно восприимчив и впечатлителен. Требует по отношению к себе более гибкого и умелого подхода в руководстве, но это не всегда учитывает комэск».

Цитович не знал о переживаниях Губенко, о том, что произошло в его жизни. Цитович не пишет, сидит дома, не подходит к телефону, а вдруг… Неужели разбился? Он едет к Губенко.

Ему открывает дверь Антон Алексеевич. Они снова работают.

В феврале 1937 года Антон Губенко написал письмо комдиву Бергольцу, в котором убедительно объяснял свои взаимоотношения с командиром эскадрильи, основанные на личной неприязни со стороны Курдубова, и изложил вопросы, которые, на его взгляд, тормозят летную работу эскадрильи. Губенко вручил это письмо лично комдиву и просил вызвать для объяснения.

На следующий день приехал Цитович с рукописью. Антон читал вслух, ему нравился очерк, он хвалил Цитовича. Но когда перевернул последнюю страницу, увидел свою фамилию.

— Что это? — спросил Антон.

— Подпись автора.

— Но автор не я, а вы.

— Я не могу быть автором, так как я практически ничего не сделал. Это записи вашего рассказа.

— Не надо со мною ссориться. Ведь я могу вам еще пригодиться. Вы автор.

— Антон Алексеевич!.. Моя честь…

— А моя честь! Я летчик, я военный летчик. Вы удостоили меня чести, написав обо мне и… Аня, почему у нас ничего нет на столе? Наконец, я могу когда-нибудь выпить?! К тому же повод какой! Понимаешь ли, товарищ Цитович, какое большое дело сделал! Авиация вам будет очень благодарна.

Утром следующего дня Цитович положил рукопись на стол Алексея Толстого. Прочитав очерк, он одобрительно посмотрел на нервного Цитовича и собственноручно написал: «А. Губенко, Е. Цитович».

— Спасибо, голубчик, не обманули ожидания. Как жаль, что

Алексей Максимович не узнает о выполнении его наказа.

VI

Полеты по неизвестным причинам были отменены. Начальник штаба зачитал по списку несколько фамилий и просил тотчас прибыть в штаб. В классе предварительной подготовки собрались летчики, военетехники, переговаривались вполголоса: почему такая торопливость — отменены полеты, почему такая секретность — проверили у всех документы?

Вошел незнакомый полковник в сопровождении Курдубова и начальника штаба.

— Товарищи командиры, — сказал полковник, — мне поручено объявить вам о том, что Советское правительство приняло решение оказать помощь народу Китая в борьбе с японскими захватчиками. Мы поставим китайской армии самолеты, танки, автомобили, пулеметы, винтовки. Мы получили разрешение направить в Китай летчиков, военетехников, мотористов, которые добровольно изъявят желание поехать. Я обращаюсь к присутствующим…

Капитан Губенко встал первым.

— Прошу записать меня!

— Не торопитесь, Губенко, — ласково сказал Курдубов. — Посоветуйтесь дома. Утром скажете.

— Свое мнение я уже сказал, — твердо, как обычно, сказал Губенко.

Убеждать никого, не приходилось. Все летчики давно знали, что китайский народ ведет освободительную войну с японскими захватчиками, что Советский Союз, верный своему интернациональному долгу, оказывает бескорыстную помощь Китаю.

— Хорошо, Антон Алексеевич, — хмурясь, сказал командир. — Без желания отпускаю. Но препятствовать не могу…

Три дня на сборы. Ведь это так много! Но когда едешь в далекую незнакомую страну, где идет война, тогда это мало. Что за чертовщина, из головы не выходит Курдубов? Теперь ему будет легко: непослушный командир отряда уехал. Курдубов же думал о Губенко иначе. Незаурядный летчик, одержимый человек этот Губенко. Целеустремленный, но несформировавшийся. Курдубов, пожалуй, первым понял, кто есть Антон Губенко. Понял и сохранил свое непримиримое отношение к его возвеличиванию. Он, как скульптор, делал из Антона произведение, которым будут восторгаться поколения, века. Теперь, когда Курдубов наконец

осознал, что завтра Антона не будет на утренней поверке, не придет он и на полеты, он снова пожалел, что не задержал его. Губенко своими творческими поисками, бесстрашием, неукротимым желанием летать увлекал за собой людей, вселял уверенность в новую технику.

…Анна встретила известие внешне спокойно. Что она могла поделать с ним? Он рвался в Испанию, теперь собирается в Китай.

— Моим, Аннушка, ничего не пишу, — говорил Антон, расхаживая по квартире. — Письма я не люблю писать, они знают. Для Кирюшки ничего не жалей. Себе прикупи нарядов. На лето поезжай к маме.

— О чем ты говоришь, Антон? — воскликнула Анна. — Какие наряды? Ты уезжаешь воевать, а я — наряды…

— Не воевать, а помогать, обучать.

— Не все ли равно, как назвать это. Суть одна: в вас будут стрелять.

— Со мной ничего не случится. Я верю в себя, в свой самолет. Я вернусь невредимым…

Утром, встретив Губенко в штабе, Курдубов сказал:

— Береги время. Рассчитываться не надо. Ты в списках эскадрильи навсегда. Вернешься — видно будет.

— Спасибо. Думаю, что вернусь обязательно.

По пути в Москву Антон заехал в исполком городского Совета. Председатель горсовета принял его тотчас. Объяснив причину своего приезда, он сказал, что как депутат горсовета не сможет некоторое время присутствовать на сессиях ввиду отъезда в правительственную командировку.

…Уезжали днем. Предстоял долгий путь до Алма–Аты, а затем перелет на военных самолетах до китайского города Ханькоу.

Днем раньше в Алма–Ату выехали командиры — руководители новой авиационной группы летчиков–добровольцев в Китае. Им предстояло согласовать свои действия с Залевоким, начальником авиационной линии, а также с начальником автомобильной трассы. Самолеты типа «ТБ» и «СБ» шли из Алма–Аты в Китай своим ходом, а истребители «И-15», «И-16» ехали в контейнерах на автомобилях. И воздушные, и наземные трассы были новыми, трудными, неосвоенными. В суровых условиях советские люди, проявляя мужество и героизм, стремясь оказать помощь братскому китайскому народу, проложили эти пути и начали их. эксплуатацию.

…Была весна. Солнце стронуло снег, пела капель. Поезд, отстукивая километры, шел на юг нашей страны.

В поезде продолжалась информационная работа,

добровольцев знакомили с обстановкой в Китае, историей советско–китайских отношений.

С октября 1937 года в Китае находилась авиационная эскадрилья «СБ» Советских Военно–Воздушных Сил и 153 военнослужащих. В декабре 1937 года между Советским и Китайским правительствами была достигнута договоренность об увеличении помощи. В январе — феврале 1938 года Советское правительство, верное обязательствам, направило в Китай 295 самолетов для вооружения китайской армии. Для оказания помощи в обучении китайских летчиков и переучивании на новые самолеты в Китай вместо находящейся авиационной эскадрильи выехала новая группа добровольцев из всех родов авиации. В Китае создавалась авиационная группировка. Эскадрильями скоростных бомбардировщиков командовали капитан Благовещенский, капитан Якушин, капитан Лысухин, эскадрильями, вооруженными самолетами «И-16», — капитан Николаенко, старший лейтенант Елагин и лейтенант Жарников. Капитан Губенко был назначен в эскадрилью капитана Благовещенского.

Вместе с летчиками в поезде едет сотрудник Наркомата иностранных дел. Он, проживший много лет в Китае, объясняет обстановку в этой большой азиатской стране. Волонтерам все надо знать. Губенко слышит трудно запоминающиеся фамилии, города, да и вся политическая обстановка в Китае не кажется ему легкой…

Выдающийся китайский революционер Сун Ят–сен в лице Советского Союза видел надежного и верного друга китайского народа и всемерно способствовал установлению контактов между странами. О победе Октябрьской революции в России Сун Ят–сен узнает в Шанхае после возвращения из похода на Север. Он следит за газетами, ловит каждое сообщение о событиях в России. Может быть, в ней происходит то, к чему он, Сун Ят–сен, давно призывает китайский народ?

На V съезде Советов 4 июля 1918 года народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин заявил:

«Мы уведомили Китай, что отказываемся от захватов царского правительства в Маньчжурии и восстанавливаем суверенные права Китая… Мы готовы отказаться от тех контрибуций, которые под разными предлогами были наложены на народы Китая, Монголии и Персии прежним русским правительством…»

Из Шанхая Сун Ят–сен отправляет телеграмму В. И. Ленину: «Революционная партия Китая выражает глубокое восхищение тяжелой борьбой, которую ведет революционная партия вашей

страны, и выражает надежду, что революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы».

По поручению В. И. Ленина 1 августа 1918 года Г. В. Чичерин сообщает Сун Ят–сену: «Мы тоже, как и вы, сами сталкиваемся с беспримерными трудностями на нашем пути. Окруженные стальным кольцом штыков империалистических правительств, наемников буржуазии, чехословацких орд и русской буржуазии, стремящейся восстановить монархию в России, мы отрезаны от наших друзей, южнокитайского пролетариата. В течение двух месяцев связь с вами была прервана. На Дальнем Востоке распространяются лживые слухи нашими общими врагами через прессу, развращенную банками и капиталистами, слухи, цель которых — скрыть от китайского народа правду, что рабоче–крестьянское правительство живет й ведет мощную и неустанную борьбу теперь, как и прежде, неся знамя победы пролетариата над мировой буржуазией и европейскими ворами и грабителями».

15 ноября 1918 года в журнале «Синь циннянь» Сун Ят–сен читает статью «Победа большевизма»: «Большевики признают войну мирового пролетариата против мировой буржуазии. Они против войны, но не боятся ее…»

Автор статьи Ли Да–чжао.

Сун Ят–сену эта фамилия ничего не говорит. Что же он напишет дальше? «Русская революция предвещает перемены на земле. Хотя большевизм создан русскими, однако он отражает пробуждение всего человечества 20 века».

Прекрасно! В мае 1919 года пекинские студенты начинают борьбу против кабальных для Китая решений Парижской мирной конференции. Газеты сообщают подробности студенческих манифестаций. Среди руководителей Сун Ят–сен находит фамилию Ли Да–чжао! По просьбе Сун Ят–сена его знакомят с преподавателем Пекинского университета Ли Да–чжао. Сун Ят–сен предлагает ему стать корреспондентом издаваемого журнала «Цзяньшэ» («Строительство»), принять участие в революционной борьбе. Ли Да–чжао дает согласие. С этого времени журнал печатает или перепечатывает многие его статьи. В апреле 1921 года парламент единогласно избирает доктора Сун Ят–сена президентом Китайской республики.

В ноябре 1922 года глава советской дипломатической миссии А. И. Иоффе встретился с доктором Сун Ят–сеном и имел продолжительную беседу. Доктора интересует все: союзники большевиков в революции, структура власти, соотношения государственных и партийных органов, организация армии. И сам в свою очередь рассказывает советскому гостю о желании реорганизовать Гоминдан по образцу русских, иметь союзников в

лице крестьян и рабочих, о намерении послать в Москву военно–политическую делегацию, договориться о помощи китайской революции.

— Наши взоры устремлены на Россию, — говорит Сун Ят–сен. — Отныне, если не следовать примеру России, революция не сможет быть успешной… Мы должны учиться у русских. Если наша партия не будет учиться у русских, она не добьется победы.

В октябре 1923 года в Кантон прибыл Б. А. Бородин, назначенный по просьбе Сун Ят–сена политическим советником Гоминдана. Чтобы продолжать революцию, нужна политическая партия, тесно связанная с народом.

20 января 1924 года в Кантоне открывается историче ский съезд Гоминдана. Не все хотят сотрудничества со Страной Советов, с китайскими коммунистами. Но Сун Ят–сен настаивает, использует свой авторитет, выступает по нескольку раз на заседаниях. Его поддерживает Ли Да–чжао.

В мае 1924 года военным советником президента прибывает комкор Павел Андреевич Павлов — талантливый советский полководец, беззаветно храбрый, высокообразованный человек, знавший пять иностранных языков. Павлов разработал мероприятия по реорганизации армии, помог создать Совет обороны. В июле 1924 года состоялось первое заседание Совета обороны, обсудившее предложения Павлова. Без всяких поправок предложения Павлова принимаются. Сун Ят–сен доволен его помощью. Павлов становится личным другом президента, но вскоре погибает.

…Антону открывались неизвестные страницы истории китайского народа, удивительные факты и судьбы. И вот он прикоснется ко всему этому, станет участником грандиозной битвы за национальную независимость китайского народа.

В Ханькоу — пункте назначения — советских летчиков встречают военный атташе полковник Жигарев, а также представители китайских военных и местных органов. Короткий митинг, торжественный обед, отдых.

Работа началась на следующий день. Были составлены боевые расчеты, спланирована учеба, военная подготовка.

Благовещенский, будучи опытным летчиком, имея высокую подготовку, блистательно зная авиацию зарубежных стран, с первого же дня вошел в роль командира эскадрильи. Он почти ежедневно летал, ошеломлял новыми тактическими приемами, дерзкими и оригинальными. Активным своим помощником считал Антона Губенко, с ним советовался при разработке каждого замысла и непременно включал его в ударную группу.

В этот день Благовещенский повел истребители навстречу

бомбардировщикам противника. Японцы привыкли к безнаказанным полетам в глубокий тыл китайских войск. У них и тактика стала шаблонная, никакой оперативной перестановки; они даже не вели регулярной воздушной разведки. Не предполагало японское командование, что китайские войска будут так быстро готовы к боевым действиям.

Итак, большая группа японских бомбардировщиков под прикрытием истребителей шла бомбить один из китайских городов. Неожиданно со многих направлений на них налетели истребители. Истребители сопровождения были оттеснены и, позабыв о прикрытии бомбардировщиков, испуганно и ошалело защищались.

Еще две группы истребителей незаметно подошли к бомбардировщикам. Загруженные до предела бомбами, тяжелые многомоторные самолеты, не приспособленные к самозащите, стали спешно сбрасывать бомбы на головы своих же войск, уходить на базы.

Наши летчики, преследуя их, продолжали бой. Большинство из них не имело опыта воздушных сражений, тем не менее все дрались ловко, умело строя боевой маневр. Прекрасные качества воздушного бойца показал в этом сражении командир Алексей Благовещенский. Он вступил в бой с лидером японских истребителей. Вдоль фюзеляжа самолета самурайского аса тянулись красные полосы, на которые Благовещенский сразу же обратил внимание. Не раздумывая, он атаковал размалеванного хищника. Однако тот сумел сманеврировать, уклониться от прицельной очереди пулемета. Сделал разворот и сам пошел в атаку. Ему, видимо, хотелось ударить по истребителю сзади. Но Благовещенский был начеку. Выполнив крутой вираж, он точно вышел в хвост флагману. Позиция оказалась благоприятной. Короткая очередь вспорола обшивку неприятельского истребителя, но он продолжал держаться в воздухе. Японские летчики, заметив, что их ведущий в беде, кинулись на помощь. Теперь пришлось защищаться Благовещенскому и на время отступить от полосатой машины. Двое наших товарищей отсекли огнем японцев, теснивших командира.

— Такая меня досада взяла, — рассказывал потом Благовещенский, — что я готов был винтом рубануть полосатого дьявола. Дважды по нему стрелял, а он живой. Улучив момент, когда мы снова оказались один на один, я бросился на лидера сверху, сбоку и выпустил весь оставшийся боезапас.

На следующий день в японских газетах в траурной рамке был опубликован портрет сбитого аса и подробное описание его былых заслуг.

На земле Благовещенский узнал о том, что два наших летчика не вернулись. Некоторые китайские руководители не понимали, почему так переживает русский командир: ведь сбили пятнадцать японских бомбардировщиков и четыре истребителя!

Последним прилетел Губенко. Благовещенский был рад возвращению Антона, обнимал и неистово ругал за то, что тот остался один без боекомплекта в окружении вражеских истребителей.

— Меня они не тронут, — смеялся Губенко. — Скоро они меня и без патронов бояться будут.

Вечером пришел в свою часть старший лейтенант Кравченко. Он сумел посадить искалеченный самолет на болото.

Японцы перестали появляться в небе когда вздумается. Тем временем советские летчики активно обучали китайских. Переводчиков не хватало, объяснялись жестами, но дело все-таки продвигалось. Авторитет русских летчиков был чрезвычайно высок. Но особым уважением они окружили Павла Рычагова, Алексея Благовещенского и потом Антона Губенко.

У китайцев чинопочитание развито весьма высоко. Но Алексей Благовещенский был очень прост в обращении, не разрешал в своем присутствии китайским офицерам бить солдат, охотно делился с ними всем, что у него было: мыло, лезвия для бритвы, книги, значки. А китайских детей одаривал шоколадом. Они Благовещенского быстро полюбили и, увидев, бежали к нему, радостно приветствуя. Он их обучал русскому языку.

После того воздушного боя китайское военное руководство оказывало Благовещенскому особые знаки внимания. Неоднократно приезжал на аэродром и старший сын Чан Кай–ши. Он недавно вернулся из Советского Союза, где прожил десять лет, посещал Борисоглебскую школу летчиков, окончил институт, женился на русской девушке. На Наньчанеком аэродроме он устраивал банкеты в честь новых побед над японскими войсками, старался заручиться дружбой ведущих летчиков.

Японская авиация бездействовала. За событиями в Китае следил весь мир. В апреле 1938 года в газете «Дейли экспресс» появилось сообщение о том, что между СССР и Китаем заключено соглашение о продаже в кредит на 4 года 120 бомбардировщиков, 60 истребителей, 80 тяжелых и 200 легких танков. 300 советских летчиков записались добровольцами.

В китайских кругах к этому сообщению отнеслись по-разному, выявились разные позиции, проявились классовые точки зрения. И в печати, и в выступлениях перед личным составом китайские офицеры пытались сдерживать растущий авторитет советской техники, превозносили американские и английские

самолеты. Советские летчики не вмешивались в эти споры. Дискуссия приняла совершенно неожиданный оборот: было принято решение провести соревнование советских и английских самолетов. Участвовали в них только китайские летчики — на советских «И-16» и «И-15» и английском «Гладиаторе».

Интерес к соревнованиям возрастал с каждым днем. Была разработана и широко обсуждена единая программа для всех самолетов. Конечно, среди многотысячной толпы, собравшейся в Ханькоу, было немало тех, кто хотел поражения советским самолетам, но основная масса, особенно простые люди, были на нашей стороне.

Итоги соревнования были ошеломляющими. Китайские газеты на следующий день писали: «Русские победили с огромным счетом. Перевес русских над западной техникой непреодолим. Скорость «И-16» на 95 км больше, чем у английского «Гладиатора». Пилотаж «И-16» прошел исключительно хорошо и продемонстрировал превосходство, лидерство технического прогресса…»

Соревнования прочно утвердили приоритет советских самолетов, и больше никто не пытался оспаривать их преимуществ. У китайских летчиков появилась уверенность, возрос моральный дух, командование стало готовить наступательные операции.

Советское военное руководство понимало, что к большим операциям китайская армия не подготовлена. Но сдерживать наступательный дух не имело смысла. Длительное время китайские части отступали, сдавали свои территории, много потеряли убитыми, ранеными, оставили на поле боя технику. Сейчас шла перегруппировка сил, сосредоточение войск на главном направлении, подготовка к большим сражениям. Японская армия в Китае увеличилась до 750 тысяч, Маньчжурская группировка превысила 300 тысяч.

Главному военному советнику Чан Кай–ши М. И. Дратвину, сменившему на этом посту В. К. Блюхера, удается убедить военного министра Китая Хо Ин–Цина в необходимости тщательной подготовки войск. Создается сеть аэродромов, организуется снабжение частей топливом, фуражом, обмундированием, продовольствием. Всего этого не было раньше. Советские советники помогали наладить воздушную разведку. Первые данные позволили нанести на карты обстановку.

Готовятся к сражениям и японцы. На аэродроме Наньюань принимают., второй смешанный авиационный полк. На аэродром Дачген прибыл сводный отряд из пятнадцати самолетов. На Нанкинском аэродроме сосредоточилось сто самолетов, на

Шанхайском — пятьдесят.

Второго апреля китайская авиация нанесла бомбовый удар по японской авиационной базе Датуп и уничтожила девять самолетов противника, сотни солдат и офицеров.

Победа! Первая за многие месяцы победа. Чан Кайши устраивает по этому случаю банкеты, дает интервью газетам, произносит пышные речи.

Пусть знают, как щедр Чан, их вождь, их генералиссимус.

Китайцы любят доктора Сун Ят–сена, называют его своим учителем. Сун — эталон политического лидера в Китае. Раз так угодно народу, Чан будет новым Су–ном! Ему доверяли русские, они называли его товарищем. Пусть будет, как они хотят. Пока Чан многолик.

Первого сентября 1917 года чрезвычайная сессия парламента утвердила Сун Ят–сена генералиссимусом всех военно–морских и сухопутных военных сил Китайской республики. Чан Кай–ши собирает чрезвычайное заседание Гоминдана и добивается утверждения себя в звании генералиссимуса.

В 1919 году китайцы, проживающие в Канаде, узнав о мытарствах отца китайской революции, купили ему на собранные деньги небольшой двухэтажный дом в Шанхае. В доме пять комнат. Дом открыт для всех.

Утвердившись на всех высших постах в Китае, Чан Кай–ши приобретает в Ханькоу двухэтажный дом. Правда, в нем двенадцать комнат, но он только четыре отводит под личные апартаменты, остальные: приемные, охрана, секретариат.

Жена Сун Ят–сена — умная, красивая Сун Цин–лин, его боевая помощница, участница всех съездов и заседаний Гомдндана.

Жена Чан Кай–ши — Сун Мей–лин негласно опекает армию, вмешивается в военно–торговые закупки, является фактическим руководителем Военно–авиационного комитета. Она позволяет себе иногда лишь советоваться с его председателем Цянь Да–цзюнем.

Чан и внешне похож на Суна. Он худ, не курит, не пьет, одевается просто, быстро устанавливает контакты с людьми, не носит никаких отличительных знаков. Много работает. Большим усилием воли сдерживает нервные вспышки, постоянно находится в напряжении.

Сегодня на банкете он великодушно объявляет о награждании советских волонтеров орденами. Чан психолог. Он доверительно (люди слабы, любят секреты!) сообщает о награждении китайскими орденами товарища Сталина, товарища Ворошилова, товарища Блюхера. Да, он, Чан Кай–ши, называет

советских лидеров товарищами. Война войной, -но ему нужна власть. Он умеет ценить и своих людей. Он награждает и Цянь Да–цзюня, начальника Военно–авиационного комитета. Русские доверяют Цянь Да–цзюню, он действительно верен русским, считает их надежными союзниками. Он настаивает на новом заказе советских самолетов. Чану пока нужен такой человек. Он награждает его орденами, а потом уберет… Чан хочет объявить, что награждает орденом и командующего авиацией Мао Бан–чуна, он поднимает вверх худую желтую руку, устало вскидывает к небу глаза, но передумывает: слишком много сразу, так можно лишиться доверия! Мао Бан–чун, военный летчик, несколько лет провел в СССР, хорошо знает три принципа доктора Суна, активно их пропагандирует, призывает учиться у русских. Да, пока хватит.

Двадцать пятого апреля 1938 года на конгрессе Гоминдана рассматривается вопрос о взаимоотношениях партии и правительства.

Взаимоотношения между правительством и Гоминданом решены в следующих формулировках: в центре контролирует правительство, в провинции партия и правительство сотрудничают (председатель партийного комитета провинции входит в состав провинциального правительства), в уездах партия и правительство сливаются.

Это новый политический маневр, это большой стратегический ход. Коммунисты расширяют свое влияние, захватывают провинцию за провинцией, требуют усиления в ЦИКе Гоминдана. Конгресс ответил на вопрос — кто власть?.. В будущей борьбе могут пригодиться и японцы. Правда, многие настаивают вести войну до победы. Но Чан знает, что делать. Война — это политика. Сун был политиком — стал военным. Чан, военный, политиком становится поневоле.

Он приказывает в кинотеатрах перед демонстрацией фильма показывать портрет Суна. Люди не глупые. Скоро они увидят живого Суна, им является Чан!

В Китае много политических партий и группировок. Среди отдельных партий сильно прояпонское настроение. Но есть и настроенные антияпонски. Поддерживать никого нельзя: их надо натравить друг на друга. Он поддержит сильную партию, но только тогда, когда она победит. И снова отвлекающий маневр: Чан приказывает расстрелять командующего войсками провинции Шаньдун и генерала Хань Фу–цю за связь с японской армией. Большая птица не кормится зернышками! Так говорили предки.

Теперь в указе гения нуждается армия, а гений — Чан. Военный министр Хо Ин–цин верный ему человек. С русскими не

общается, скрытен, хитер. Если сторонники русских победят, он уберет его. Ему нужны такие, неопределенные, люди! Вне политики, вне армии. Да, Хо не занимается армией, ему нравится снабжать ее: там есть чем поживиться. Чан доволен собой. Через десять минут после беседы с Хо объявляется о решении созвать Совет обороны. На совете Чан скажет:

— Страна разрушена. У нас нет промышленности. Для победы нам необходимо увеличить армию, приобрести военную технику…

Слова и дела Чана не расходятся.

Он просит Дратвина получить соответствующую санкцию, все наставления и инструкции ВВС СССР перевести на китайский язык. Через посла СССР в Китае Луганец-Орельского Чан направляет письмо Сталину и Ворошилову с просьбой о дополнительной поставке вооружения, он просит срочно дать 60 истребителей.

В Китае объявляется всенародный сбор средств на укрепление армии. Жена Сун Ят–сена продает свой дом за 50 тысяч долларов и вносит всю сумму. Чан не ожидал этого. Он взбешен. Сун Цин–лин преподносит личные вещи доктора бойцам Красной Армии, открыто признает марксизм. Чан устраивает на нее гонение (погорячился!). Народ встает на ее защиту. А через несколько лет она станет заместителем председателя Китайской Народной Республики, членом Всемирного Совета Мира, лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Чан, наделав ошибок в политике, снова возвращается к военным вопросам. Необходимо закупить за рубежом 1200 самолетов, 600 — в СССР. О них широко подать в печати, остальные 600 в других странах. Пусть это будет Америка, фирма «Белянка» уже предложила 200.

Чан жаждет военных действий, боевых подвигов.

На встрече с советскими волонтерами он объявляет о том, что в китайской армии сформировано двадцать новых дивизий. Война, заявляет Чан, превратила Китай в современное государство, при мирном развитии для которого потребовались бы десятилетия. Война, нужна война!

Неприятельские самолеты не появлялись над аэродромом. Уже много дней было тихо. Летчики, молодые и нетерпеливые ребята, с утра располагались у пруда на краю аэродрома и с тоской глядели на сигнальную мачту, от всей души желая, чтобы на ней сию же минуту взвился сигнальный флаг…

Сигнал как будто вырывается из-под земли, разметывается по всему аэродрому:

— Тревога!

В ту же минуту звено капитана Губенко оторвалось от земли. Еще шумела, бурно кружилась по траве вода, расхлестанная машинами, а три самолета уже разрезали облака.

Из-за туч выскользнули шесть вражеских машин. Начался бой. Антон «прицелился» к хвосту вражеского самолета. Извернувшись, противник делает отчаянную попытку ринуться в лобовую атаку, но вдруг замирает. Губенко длинной очередью прошил самолет, и вражеская машина с задранными колесами падает «а землю…

В воздух поднимается звено Кравченко, так как в небе неожиданно появилась целая армада самолетов противника. Тридцать против семи советских!

В ту же секунду, когда сбитый самолет упал на землю, Кравченко увидел пять истребителей, которые заходили ему в хвост. И тут он заметил Антона, который спешил на помощь. В одно мгновение Губенко вознесся над вражеской пятеркой, зашел в тыл — и пятерка рассыпалась. Путь свободен! Капитан Губенко выручил друга, но сам тотчас попал под яростный огонь.

Кравченко ринулся к другу, но было поздно: с перевернутыми вверх колесами машина падала. Губенко прыгнул. Едва раскрылся парашют, три вражеских самолета открыли по нему огонь.

С ревом, словно предостерегая врагов, самолет Кравченко бросился в атаку. Между тем Антон, подтянув стропы, камнем падал на землю. Кравченко кружил над ним, стрелял из пулеметов, не подпуская врага. Когда капитан оказался на земле, самолет Кравченко взвился в небо…

Японское командование в день рождения императора (29 апреля 1938 г.) решило произвести массированный налет на аэродром Ханькоу — базу китайской авиации. Было направлено 33 бомбардировщика под прикрытием 21 истребителя. Японских бомбардировщиков встретили 60 истребителей. Завязались бои на большом пространстве, по масштабам, еще невиданным в китайском небе. В схватке японцы потеряли 21 самолет.

Операция, которая должна была быть подарком императору, превратилась в панихиду. Японцы решили взять реванш. 31 мая 1938 года они произвели налет на Ханькоу в составе 18 бомбардировщиков под прикрытием уже 36 истребителей. Но и здесь их постигла неудача, они потеряли 15 самолетов.

В этом бою Антон Губенко совершил таран — первый после знаменитого тарана Нестерова в истории воздушных сражений.

После боя Антон рассказывал:

— Я уже успел израсходовать весь боекомплект, пулеметы не стучали. А тут подвернулся какой-то из их шайки, отставший от

своей группы. Вдруг мелькнула мысль: принудить его к посадке. Хотелось, чтобы наши авиационные конструкторы могли по косточкам изучить весьма неплохой японский истребитель.

Японец заметил мое приближение в самый последний момент. Зто позволило мне пристроиться к нему вплотную, как на параде. Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Его глаза впились в меня. Я ему показываю рукой, чтобы разворачивался на нашу территорию. В ответ на приглашение японец показал кулак и метнулся от меня в сторону переворотом через крыло. Такой резкий маневр следовало ожидать, но скорость японского самолета немного меньше, чем у нашего, тем более на пикирования.

Сделав еще несколько бесполезных «вензелей», японец вывел машину в горизонтальный полет. Я снова повторил свое требование. Черные усики дрогнули в злой усмешке. Самурай догадался, что у меня нет патронов, и спокойно продолжал уходить восвояси. Вот тут пришлось подумать, что делать дальше. Отпустить его с миром? Нет, это слишком рискованно: японец тоже оказался не лыком шитый, он ждал, когда я развернусь обратно на свою территорию, чтобы пустить мне в спину несколько пулеметных очередей. И я решил осторожно тронуть его крыло своим винтом. В этот момент все мои нервы сжались в комок. Нужно было сделать короткий рывок вперед, и так, чтобы японец не успел глазом моргнуть. Удар пришелся по элерону правого крыла. Потеряв управление, вражеская машина завинтила к земле. А я чуть погнул лопасть винта.

Таран Антона Губенко вызвал многочисленные разговоры. Жена Чан Кай–ши, ставшая фактической правительницей в авиационном комитете, тотчас прибыла на аэродром и поздравила капитана с награждением орденом. Вечером на банкете в честь победы она вручила всем советским летчикам, принимавшим участие в операции, китайские ордена. Антон Губенко был удостоен высшей почести — сидеть рядом с Сун Мей–лин. Она оказывала ему всяческие знаки внимания.

На следующий день китайское командование выразило неудовлетворение авиационной эскадрилье американских ВВС, приглашенных для участия в борьбе с японскими захватчиками, ежедневно демонстрирующей виртуозный пилотаж над аэродромом, но ни разу не вступившей в бой. Ее командир американский ас Винсент Шмидт, собрав своих пилотов, укатил в Гонконг на многодневный отдых «после боевых действий».

О таране Губенко узнали в Японии. Император потребовал полное досье на русского «камикадзе».

Камикадзе — японские летчики–смертники, подготовленные

для выполнения лишь одного боевого задания, люди, одурманенные божественной силой своего императора, не совершили ни одного воздушного тарана!

VII

Антон проснулся рано. Открыл глаза, осмотрелся: все на месте, та же обстановка, будто и не уезжал. Сквозь тюлевые шторы видны розовеющий горизонт, теплое голубое небо. Мирное небо… Антон встал, надел пижаму, сокрушенно покачал головой: во что люди рядятся — полосатое рубище! Бесшумно ступая шлепанцами, он пошел в другую комнату. Семилетняя Кира спала в большой кровати — так она хотела, чтобы папа видел, как она выросла, — крепко обнимая многочисленные подарки. Антон постоял, улыбаясь, вернулся в комнату и, убедившись, что Аня еще спит, вышел в коридор. Ему хотелось движений. Его обуревала жажда деятельности… Поискав форму, он махнул рукой, потихоньку отворил двери. Возле дома неожиданно увидел красноармейца. Молоденький боец сидел на скамейке, поеживаясь от утренней прохлады. Сперва Антону показалось странным, что красноармеец сидит здесь в столь ранний час, затем явилось желание поговорить. Такое чудесное утро, тебе тридцать лет, война позади, и ты вернулся домой. Можно сказать, что жизнь прекрасна.

— Доброе утро, товарищ боец, — весело говорит Губенко.

— Здрасте, — нехотя отвечает красноармеец.

— Что же вы так рано? Или пост тут выставили?

— Нет. Приказали телефон поставить. Жду, когда проснется полковник Губенко.

Антон от неожиданности замирает.

Потом сует руки в карманы пижамы.

— Как полковник?!

Боец с удивлением глядит на него.

— Что вы, полковника не знаете? Из семнадцатой квартиры. Вот жду, когда можно ставить аппарат.

— Не жди, — улыбается Антон. — Он проснулся. Иди ставь.

— Есть!

Боец, подхватив сумку, идет в подъезд. Антон глядит ему вслед.

«Полковник!» Он никогда не терялся в боевой обстановке, всегда находил нужный тактический прием, а тут! «Полковник»… Вдруг вспоминает, что жена еще спит, бросается за красноармейцем…

Звонит телефон. Первые телефонные звонки всегда радостны. Они не раздражают. Аня берет трубку.

— Тебя, Антон.

— Меня? — почему-то переспросил Антон и, сдерживая волнение, ответил: — Капитан Губенко слушает.

— Здравствуй, Антон. — Голос был очень знакомым. — Поздравляю, полковник Губенко. — Голос «плавал», человек говорил из большого помещения. — Быстро одевайся. Через несколько минут машина будет у тебя. Забирай семейство — и ко мне.

— Анатолий Константинович? Здравия желаю! — радостно закричал Губенко, узнав наконец Серова. — Спасибо за поздравление. Мне трудно поверить. Увидимся, все расскажу.

Как упоминалось, они познакомились на Дальнем Востоке, на совещании летного состава округа. Там лейтенант Серов выступил со своей теорией о роли истребительной авиации.

— Я утверждаю, — говорил он, — что истребители, как и бомбардировщики, могут наносить бомбовые удары, атаковывать наземные войска и объекты. И отводить им роль только вспомогательную, как сопровождение и прикрытие, — глубоко ошибочно. На стороне истребителя скорость и маневренность, поэтому его боевые возможности безграничны.

Анатолий Серов ровесник Антона, но он был уже командиром звена, новатором, широко известным в округе летчиком. Встреча была знаменательной для каждого. С той встречи началась их дружба.

Теперь Серов стал Героем Советского Союза и получил звание комбрига, а Губенко стал полковником.

В квартире Серова гости. Как всегда, много летчиков, артистов и писателей.

— Анюта! — радостно воскликнул Серов, приветствуя семью Губенко. — Везет же Антону. Все хохлы везучи. И Кравченко тоже… Кирюха, это тебе, — сказал он девочке, подавая плюшевого медведя.

Серов мог балагурить и тут же говорить весьма важные и деловые вещи. С шутками и смехом он увлек Антона в небольшую комнату, усадил в кресло рядом с книжными полками.

— Антон, — сказал он уже серьезно, — в правительстве рассматривался вопрос о направлении всех летчиков, имеющих боевой опыт, в войска. Главные направления: запад и восток. Сейчас вы получите отпуска, путевки в санатории с семьями. Да. Обстановка напряженная. Чем быстрее ты вернешься и приступишь к работе, тем будет лучше. Пока отдыхаешь, должность будет подобрана.

— Я понял, Анатолий Константинович! — Антон встал. — Готов выехать к новому месту сейчас.

— Сиди. Не торопись, — Серов улыбнулся. — Знаю, хочешь учиться. Академия от тебя не уйдет. Потом. Фашизм подбирается к нашим границам. Сегодня вас примет нарком обороны маршал Ворошилов. Не исключено, что приедет на встречу Сталин. Кстати, поздравь Григория Кравченко. Ему присвоили майора.

Дверь отворилась, и без стука вошла Анна.

— Простите, но ваше уединение подозрительно. Если это заговор против жен, то это не ново, а если вы снова собираетесь куда-то лететь, то нам-то положено знать, чтобы собрать в дорогу.

Серов засмеялся.

— На сей раз это заговор и против жен, и против врагов.

— Опять лететь? — не скрывая испуга, спросила Анна.

— Да! — серьезно сказал Серов. — Лететь. В Крым на отдых.

Но Аня грустно улыбнулась.

— Антон, правда, ничего такого...

— Неправда, Аня, — бесхитростно сказал он. — Будет новое назначение. Но куда, я пока не знаю.

— Толя, я прошу сказать… — начала Анна.

Серов помотал головой и развел руками.

Анна заключила:

— Впрочем, какая разница, где служить. Только, пожалуйста, посылайте вместе.

Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов принимал летчиков в Центральном Доме Красной Армии. В президиуме Губенко видел известных советских военачальников, летчиков–рекордсменов. После выступления К. Е. Ворошилова состоялся концерт. На ужине, устроенном в честь военлетов, снова выступал нарком обороны.

Аня весь вечер сидела притихшая, непривычная к такому торжественному приему, немного испуганная и рассеянная. Новое звание, новое назначение. Надо все понять, осмыслить, вжиться…

…Восемнадцатого августа состоялся воздушный парад. На Тушинском поле собралось около миллиона зрителей. Воздушные парады стали традиционными и проводились ежегодно, начиная с 1933 года. Год — небольшой срок для создания значительных технических новинок, и все-таки ежегодно в московском небе появлялись новые самолеты. Страна демонстрировала свою растущую мощь.

В тот же день руководители Коммунистической партии и Советского правительства приняли в Кремле участников парада и летчиков–добровольцев.

До отъезда на юг оставалось еще несколько дней. Они

заполнены встречами на предприятиях, докладами в управлении Военно–Воздушных Сил. Серов опекает Губенко, возит на встречи с трудящимися, студентами. Накануне отъезда в Крым они вместе с Чкаловым выступают в клубе мастеров искусств, где царит культ красоты, остроумия, где особо ценят мужество…

Губенко на отдыхе пробыл две недели. В управлении ВВС ему сообщили о назначении заместителем командующего авиации Белорусского военного округа.

Антон написал письмо родным:

> «Мама! Твой непутевый сын сообщает, что он жив и здоров, повышен в воинском звании, получил новое назначение. Служить буду в Смоленске. Пожалуйста, приезжай ко мне в гости. Анюта стала еще краше, свой строптивый характер оставила за порогом тридцатилетия. На всех встречах и приемах ведет себя хорошо и всех очаровывает. Она умница. Вчера снова объяснились с ней в любви. Может быть, иногда нужны расставания, долгие командировки. Как знать! Кирюша выросла, стала большой, научилась читать. Ей так хочется быть постоянно со мной. А у меня работа, работа…»

Старшей сестре, «маме–Тане», писал, что закрутился в делах, после Китая еще не успел как следует оглядеться, тоскует по Дальнему Востоку и по глубокой балке в родной деревне; сообщал о встрече в Кремле, о разговоре с Чкаловым, который настойчиво рекомендует вступать в партию большевиков, и о том, что он сам теперь чувствует себя созревшим для такого ответственного шага.

В начале сентября Губенко выезжает к новому месту службы. Поезд отошел ночью. Антон, волнуясь, ходил по коридору. Как встретят, как начнется служба на новом месте на столь высоком посту — заместитель командующего авиацией округа. Да, он имеет боевой опыт. Да, он летает на всех типах истребителей. Но это ли главное?.. Вспомнил, как однажды сгоряча оказал командиру бригады: «Мне пора командовать хотя бы эскадрильей!..» Рубанул впопыхах. А сейчас получил право командовать не только эскадрильями, но и полками. Как это говорят? Вода мягка, пока вы о нее сильно не ударились! Афоризм из книги Ассена Джорданова «Ваши крылья». И еще афоризм: «Побороть страх можно или пренебрежением опасности, или с помощью знаний, как правило, последний путь является лучшим…» Итак, знания. Достаточно ли их?

…Поезд подходил к Смоленску. Было тихое прохладное утро.

Белесое небо подернуто дымкой, в сонной неподвижности застыли деревья. Осень, казалось, вошла в город нежданно, бросила свои цветастые отпечатки на парки, на пологие холмы, затуманила бирюзовое небо…

На вокзале сутолока, покрикивают носильщики, спешат пассажиры. Губенко встречает группа командиров.

Здесь военный комиссар Чикурин, майор Худяков, старший лейтенант Теньков.

— Командующий просил передать, — глухим простуженным голосом говорит Чикурин, — чтобы вы устраивались, отдыхали, а послезавтра в девять ноль–ноль он представит вам командиров и политработников управления авиации округа. В двенадцать десять вас примет командующий войсками округа комкор Ковалев.

— Спасибо, товарищ военком. Но я хотел бы сразу поехать в штаб, представиться и за работу…

— Значит, вы не возражаете, если вашу семью на квартиру доставлю я? — Чикурин поднял широкую ладонь, — Согласен. Но в новую квартиру первым надо входить хозяину. Так, Сергей Александрович? — обратился о«к майору Худякову.

— Вы правы, товарищ военком, — сказал Худяков с приятным кавказским акцентом. — Но квартира полковника Губенко на пути в штаб. У нас на Кавказе говорят: «Войти в дом твое дело, но выйти — дело хозяина».

Губенко смеется. Он боялся первых минут, первых часов на новом месте, всю ночь не сомкнул глаз, а здесь такие люди! Они понимают шутку, знают ей цену. «Юмор есть остроумие глубокого чувства», — писал Достоевский. И это очень подходило к людям, радушно встретившим его в Смоленске.

Через час Губенко был в штабе, представился командующему ВВС округа комдиву Гусеву — боевому и опытному командиру.

— Антон Алексеевич, не навязываю вам никакого плана. Осмотритесь, почитайте документы, приказы, — сказал Гусев, радуясь заместителю.

— Разрешите побывать в частях, познакомиться с обстановкой?

Комдив согласился.

Антон сразу ушел в работу. Часто улетал в другие гарнизоны и задерживался по нескольку дней. В частях округа шла напряженная боевая деятельность: личный состав переучивался на новую авиационную технику, менялась структура, совершенствовалось управление. В гарнизоны прибывали молодые летчики, необходимо было их принять, разместить, определить место в боевом расчете, спланировать ввод в строй.

Бесстрашные, полные энтузиазма, несокрушимой веры в силу и надежность своего самолета, все они имели малый налет и никакого боевого опыта.

Изучив обстановку, Губенко пришел к командующему. Полковник подробно изложил свои выводы: в некоторых частях наблюдается атмосфера благодушия, недооценка опасности войны, нечеткое оперативное руководство полетами, неумение работать с запасных аэродромов, плохое устройство быта. Предлагалось провести сборы командиров частей, дать им подробную информацию о боеспособности авиации вероятного противника (Германия, Польша, Румыния), ввести боевые дежурства. Комдив принял решение донести обо всех предложениях начальнику ВВС РККА командарму 2–го ранга Лактионову, КОМіКору Ковалеву.

Словно упреждая мероприятия, выработанные в управлении авиации Белорусского военного округа, в штаб пришло постановление Главного военного Совета РККА о дальнейшем развитии авиации, повышении ее роли в боевой обстановке. Это был глубокий, всесторонне подготовленный план, рассчитанный на многие годы. Именно об этом говорил полковник Губенко, именно этого он добивался в частях авиации: сказывался боевой опыт.

В октябре 1938 года части ВВС Белорусского военного округа подверглись всесторонней проверке комиссией ВВС РККА. А через несколько дней после отъезда инспекции Москва запросила характеристику на Губенко.

Военком Чикурин писал:

«За короткое пребывание в должности зам. командующего ВВС БВО показал себя хорошим организатором, требовательным и настойчивым командиром. Политически развит хорошо, морально устойчив».

Москва заинтересовалась Антоном Губенко, снова запросила аттестацию.

«Беспартийный большевик, преданный делу партии и социалистической Родине, свою преданность доказал делом. Хорошо развит всесторонне и имеет боевой опыт как командир–истребитель. Показал себя способным, энергичным и требовательным командиром, знающим свое дело и умеющим организовать работу частей», — писал комдив Гусев.

Командующий ВВС РККА в свою очередь писал:

> «Способный, энергичный, всесторонне развитый командир. Имеет большие организаторские способности. За выдающиеся успехи в личной боевой подготовке и

умелое руководство боевой и политической подготовкой подразделения в 1936 году награжден орденом Ленина».

Обо всем этом Антон, естественно, ничего не знал. Но вот пришло письмо от Серова.

«Антошка, молодец. Радуюсь за тебя. Работай больше, не жалей себя… От нас очень многое зависит — научить молодых, передать наш боевой опыт. Скоро будет повод встречаться».

Повод встречаться? Какой, что же должно произойти?..

Не мог предполагать Антон, что в Президиум Верховного Совета СССР поступил документ такого содержания:

> «Тов. Губенко является одним из выдающихся летчиков–истребителей, находившихся в Зет[4]. За время боевой работы на фронте проявил себя как исключительно смелый, отважный и храбрый летчик. В бою 31.5.38 года при отказе пулеметов винтом таранил самолет противника, сбил его и благополучно произвел посадку на свой аэродром. 26.6 в первом бою сбил японский истребитель, а во втором неравном бою в тот же день был сбит сам, но спасся на парашюте. В бою 29 июля один дрался с тремя японскими истребителями и этим спас от гибели нашего бомбардировщика. 18 июля, выручая товарищей, дрался с шестью истребителями противника. Сбив одного из них, невредимым вышел из боя.
>
> Несмотря на болезненное состояние после прыжка с парашютом, т. Губенко сражался во всех последующих боях до вызова его на Родину.
>
> Тов. Губенко лично сбил семь японских истребителей.
>
> По своим деловым, боевым и политическим качествам достоин присвоения звания Героя Советского Союза…»

Пришла телеграмма. Полковника Губенко вызывали в Москву, в Кремль. Михаил Иванович Калинин, щурясь, всматривался в лица летчиков, присмиревших, в новых костюмах, находил знакомых, часто–часто, по–стариковски, кивал головой, протягивал руку, дружески тряс.

— Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Губенко. — Михаил Иванович пожимал ему руку, а он, крепкий, невысокий, с короткой прической, стыдился своей известности. За мужество и отвагу, проявленную в боях при выполнении интернационального долга, полковник Губенко был награжден орденом Красного

Знамени.

Его друг майор Григорий Кравченко также был награжден орденом Красного Знамени. В тот же день Губенко встретился с Серовым. Анатолий Константинович был хмур, неразговорчив, рассеян.

— Думаете, друзья, отчего Серов такой прибитый сегодня? — Анатолий грустно улыбнулся, подошел к окну. С минуту смотрел на серый асфальт, на туманную дымку, поднимавшуюся с площади Свердлова, на расписные стены Политехнического музея. — Скажу. Хочу вернуться на испытательную работу. Мало летать стал, скучно. Заседания, совещания, бумаги, а мне самолет нужен. И уйти не могу. Обстановка накаляется. Мы должны очень многое успеть сделать. Нам нужны самолеты скоростные, высотные, дальние. Нам их нужно много…

Поздно вечером Губенко выехал в Смоленск. Несмотря на тяжелый разговор с комбригом Серовым, который, по мнению Антона, не сказал главного, настроение было приподнятое, радостное: вторая награда, боевая, пахнущая порохом!

Дома без него скучали. Кира завладела фуражкой, куклой, предусмотрительно купленной Серовым, а затем и папиной спиной. Ей нужны были движения. Действием она выражала свое настроение, свое отношение к миру, свою привязанность.

В приказе начальника ВВС РККА, подводившего итоги за год, значительное место отводилось задачам на ближайший период. Повышение боеготовности всех частей авиации объявлялось задачей номер один. Приказывалось сосредоточить внимание на высотной подготовке летчиков, организации внеаэродромных полетов, полетов на полный радиус, поэтапном проведении летно–тактических учений. Каждому командиру вменялось в обязанность глубоко изучить вероятного противника.

Авиационные части жили напряженной жизнью. Летчики видели, как проходила подготовка командиров запаса, наполнялись склады «НЗ», проводился учет боекомплектов, пополнялись склады горюче–смазочных материалов…

Пришел приказ: всю секретную переписку вести по условным наименованиям частей. На аэродромах ввели боевое дежурство. Дежурным экипажам предписывалось:

«Вылетать навстречу воздушному противнику с целью сбить, если самолеты иностранного происхождения, посадить, если самолеты наши, или сбить, если не подчинятся приказу».

Организуя выполнение приказа, полковник Губенко летает по гарнизонам, учит командиров, выступает перед личным составом. Он говорит о значении высокой боевой готовности, умении правильно построить атаку, рассказывает о своих товарищах, о

таране… Особое внимание он уделяет работе с полковниками Фалалеевым, Белецким. Им нужна самостоятельность в принятии решений, умение действовать изолированно. Это обязательное требование военного времени.

…Незаметно подбиралась зима. Погода установилась ясная. Полки получили возможность продолжать полеты днем и ночью.

В один из таких дней полковник Губенко прилетел на своем «И-16», поблагодарил механика и направился в штаб.

Дежурный представился как-то вяло, небрежно, с заспанными то ли больными глазами. Хотел остановиться, сделать внушение, но передумал, решил поговорить с Худяковым. Начальник авиатыла майор Худяков нравился ему подтянутостью, исполнительностью, особой командирской корректностью.

Полковник Губенко снял реглан с меховой подстежкой, наскоро пригладил волосы, хотел войти, но двери неожиданно отворились.

— Сергей Александрович, — радостно приветствовал Худякова Губенко, — а я к вам.

Худяков никак не реагировал на шутку, чем немало удивил его.

Печальное лицо Худякова озадачило Антона.

— Товарищ полковник. Только что получено сообщение… Погиб Валерий Павлович… Погиб Чкалов…

Когда Худяков справился с собой и поднял глаза, Губенко уже не было. Губенко был у командующего.

— Я хорошо понимаю вас, — говорил комдив, — пожалуйста, поезжайте, но самолет дать не могу.

— Почему?

— Антон Алексеевич, поймите меня, мы несем ответственность за вас. Вы предельно взволнованы. В таком состоянии за рулем автомашины опасно быть, а в кабине самолета… Поезжайте поездом… постарайтесь взять себя в руки… утром будете в столице.

Из Москвы Губенко вернулся через пять дней. Он похудел, стал замкнутым, сторонился людей. Смерть Чкалова глубоко потрясла его. Командующий ВВС пока не разрешал ему летать.

Новый, 1939 год встречали в Доме Красной Армии. В этот вечер Губенко сказал Худякову:

— Я много думал эти дни. И часто вспоминал Дальний Восток. Как жаль, что вам не пришлось там служить.

— Ваше пожелание, Антон Алексеевич, я воспринимаю как приказ.

Губенко улыбнулся: жаль, что его не так понимают.

— В авиации, Сергей Александрович, должны летать все.

В ту новогоднюю ночь никто из них не мог предположить, что «пожелания» Губенко сбудутся: через несколько лет маршал авиации Худяков станет во главе 12–й воздушной армии и примет участие в разгроме японских войск в Китае.

В январе Худяков сделал первый вылет. В условленный день Губенко приехал на аэродром, чтобы наблюдать самостоятельные полеты майора Худякова. После третьего полета полковник сказал:

— Вы же настоящий летчик, Сергей Александрович!

Когда самолет вновь был готов, Губенко полетел сам.

То, что увидел Худяков, превзошло все границы его представления. Губенко с изяществом, виртуозным мастерством выписывал фигуры высшего пилотажа. И Худяков подумал, что ему никогда не сделать ничего подобного…

Пришло письмо от Серова.

«Антон! Как дела? — писал он. — Много ли ты летаешь? Летай! Нам останавливаться нельзя. Авиация развивается стремительно. Сейчас готовится новый, весьма великолепный самолет в ЦАГИ. Я обратился к наркому с просьбой разрешить мне летать на нем. Ворошилов вызвал меня к себе, долго беседовал. В обращении к правительству он написал: «Охотников среди летчиков летать на этом типе самолета много, но тов. Серов нам более подходящий…» Серов сообщал, что А. Тамара, А. Дубровский, М. Гордиенко решили выполнить беспосадочный перелет Москва — Австрия, который посвящают памяти Чкалова.

Письмо заканчивалось уверенностью: «Скоро ты будешь в Москве, встретимся…»

В середине февраля полковник Губенко действительно был вызван в Москву. Комбриг Серов принял его в штабе, расцеловал:

— Поздравляю.

— С чем?

— Со званием Героя Советского Союза.

— Меня?

Антон почувствовал, как закружилась голова. Такое трудно было вот так, с ходу, воспринять… Герой!..

Вечером в квартире Серова собрались летчики. Была среди них женщина, незнакомая Антону, но покорившая его как пилота одержимостью и упорством. Она горячо доказывала, что женщины имеют право участвовать в развитии авиации наравне с мужчинами.

— Я написала товарищу Сталину письмо, — говорила она взволнованно. — Прошу разрешить женскому экипажу перелет в Америку через Северный полюс. Нам нужен международный женский рекорд дальности. Мы докажем всему миру наши силы и

возможности.

Это была Полина Осипенко.

Серов и Осипенко работали на новых машинах. Позднее Антон узнал, что Осипенко была принята маршалом Ворошиловым и он, поддерживая ее идею, убедил перенести перелет на 1940 год. Но перелет в 1940 году уже не мог состояться: в мае 1939 года Осипенко трагически погибла…

В Смоленске Антона Губенко встретили с огромными почестями. На митинге в его честь он сказал:

— Я испытываю огромное желание работать. Мне много надо сделать, чтобы оправдать это высокое звание…

Он собирался очень многое сделать. Но небо изменило ему, воздух, на который он опирался столько лет, не удержал его на этот раз.

«31 марта 1939 года, — вспоминает Степан Киреев, — полковник Губенко отдал приказание подготовить его самолет к полету со стрельбой.

Дул сильный северо–западный ветер. Вдруг потемнело, и пошел снег. Мы закрыли моторы чехлами, чтобы они не остыли, примерно через полчаса снегопад прекратился, и небо снова стало ясным. Губенко взлетел. Стал выполнять фигуры высшего пилотажа, затем сделал заход на мишени, но не стрелял, а лишь предупреждающе покачал крыльями, давая сигнал, чтобы все покинули опасную зону. Затем пошел на второй заход и дал короткую очередь по мишеням…

При третьем заходе самолет вышел из пике лишь у самой земли и тут же плашмя ударился о землю, два раза перевернулся и загорелся. Я и еще три моториста бросились к самолету и вытащили из него Антона Губенко. Он был мертв».

В мае 1971 года в канун Дня Победы в смоленскую газету «Рабочий путь» пришло такое письмо.

«На Польском кладбище города Смоленска, — писали учащиеся школы, — мы обнаружили могилу со скромным памятником, на котором с трудом удалось прочесть: «1908–1939, Герой Советского Союза полковник Губенко Антон Алексеевич».

Кто же он, этот человек, еще до войны удостоенный высокого звания Героя, как он погиб, почему похоронен в Смоленске?

Газета обратилась к горвоенкому Д. И. Серову, ветеранам Советской Армии, старожилам города: напишите, сообщите.

Начался поиск.

Капитан запаса Николай Зайцев писал:

«В 1938 году к нам в отряд управления ВВС БВО прибыл энергичный молодой человек с орденом Ленина

и Красного Знамени. В то время людей с боевыми наградами приходилось видеть не часто, поэтому он сразу же вызвал у всех нас большой интерес. Вскоре мы узнали, что это А. А. Губенко, новый заместитель командующего ВВС округа…»

Полковник Дмитрий Копытов вспоминал: «Мы служили с Антоном Алексеевичем на Дальнем Востоке. Он приехал в наш полк в 1929 году. Это действительно был выдающийся летчик».

Писем приходило много. Писали те, кто знал Антона Губенко, и те, кто не знал, но которых взволновала его судьба. При редакции образовался совет по розыскам материалов, касающихся жизни Героя.

Областной комитет КПСС, учитывая выдающиеся заслуги А. А. Губенко перед Родиной, идя навстречу пожеланиям трудящихся, принял решение об увековечении памяти Героя, о перенесении праха с Польского кладбища в Кутузовский садик к стене Героев.

13 августа 1971 года город Смоленск замер в торжественно–траурной тишине.

Медленно движется бронетранспортер, на платформе которого в бесчисленных гирляндах цветов гроб с прахом Героя. Слева и справа платформы, чеканя шаг, идет почетный воинский эскорт. Музыка Шопена, Баха, Моцарта сливается с шелестом листвы.

В траурной процессии идут родственники, друзья и сослуживцы Антона Губенко, воины гарнизона, представители партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций города и области, студенты, пионеры, юные летчики и космонавты, как преемники боевой славы.

Отдавая последние почести праху выдающегося советского летчика, приспущено воинское знамя с черной креповой лентой на древке.

Траурная колонна останавливается у Крепостной стены — священного места города, навсегда запечатлевшего славу и доблесть русского оружия. Открытыми бойницами смотрят неприступные и непокоренные стены смоленской крепости, на гранитном постаменте — герои Отечественной войны 1812 года.

Им, как и Антону Губенко, суждено бессмертие.

Реактивный старт

Невыполненное задание

Тогда, весной 1963 года, направляясь по заданию газеты «Вечерняя Москва» в старинный дом на тихой московской улочке, я не знал, что стану обладателем редчайшей информации, но не смогу выполнить данное мне поручение. О будущем герое своего очерка я знал очень мало. Есть такие люди, дела которых до поры до времени скрыты от глаз людских. Они первооткрыватели, они творцы нового, люди пытливой творческой мысли, сумевшие обогнать время.

Ученый Виктор Федорович Болховитинов был, конечно, известен, имел огромный авторитет среди авиаторов, но его не знали люди других профессий. О нем не было написано ни одной книги, но он помог создать повести о своих помощниках. Он имел свою научную школу, вырастил академиков, но сам стал лишь доктором технических наук. Он безгранично любил авиацию и своей фанатической приверженностью к ней заражал других. Он создал несколько планеров, авиеток, самолетов, каждый из которых являлся новым этапом в отечественном самолетостроении.

Научный подвиг Болховитинова отмечен многими выдающимися трудами по актуальным проблемам современной авиации, созданием оригинальных проектов, реализацией дерзновенных замыслов.

О встрече мы условились накануне. Виктор Федорович радушно предлагает войти, помогает раздеться, приглашает в большую, светлую комнату. Книги, кресла, полки с моделями самолетов, спутников. И среди них деревянная модель самолета «БИ». Вот он — первый реактивный самолет. Много зелени, цветов: тюльпаны, верба, фиалки стоят на окне, у книг, на низеньком столике. Хозяин не торопится начать беседу, дает возможность осмотреться, привыкнуть. Хочется сразу спросить о самолете «БИ» — легендарном истребителе, но, памятуя о цели визита, задаю первый и самый главный вопрос.

— Виктор Федорович, расскажите о себе?

Болховитинов смущается, лицо рдеет, оттеняя седину пышных волос, глаза настораживаются.

— О. себе рассказывать сложно. Самолет создает коллектив.

Начинаю снова с наводящих, но точных вопросов.

— Товарищ генерал, в марте 1940 года КБ приступило к

созданию самолета «БИ», в марте 1941 года были окончены работы по его проектированию, сейчас тоже март, есть что-то символическое в этом времени года.

— Я люблю весну. Конечно, март как первый весенний месяц приносит много обновлений: солнце, хорошее настроение, желание трудиться. Но март приносил мне и неприятности. В марте 1943 года на самолете «БИ» погиб Григорий Яковлевич Бахчиванджи, один из выдающихся советских летчиков. Действительно, в марте мы приступили к созданию самолета с жидкостным ракетным двигателем, но готовились к этому мы давно. Мы базировались на сумме тех открытий, которые были сделаны в разных странах, на знаниях, общетехническом уровне наших инженерно–технических специалистов. Мы знали, что перед нами стоят очень трудные задачи, могут быть неудачи, срывы, ошибки, уходы в сторону. Нам еще нужны были и энтузиасты этого нового трудного дела. И они нашлись…

Виктор Федорович называет фамилии известных и безвестных ученых, инженеров, техников, летчиков, руководителей ведомств и наркоматов, НИИ, которые участвовали, помогали в создании первой крылатой ракеты. Конструкторское бюро, которое возглавил В. Ф. Болховитинов, пополнялось из НИИ, авиационных предприятий, академии им. Н. Е. Жуковского.

— В марте 1941 года, — тихим грудным голосом продолжает Болховитинов, — мы закончили работу по проектированию самолета. Надвигалась война. ЦК партии и Советское правительство поручили конструкторам боевой техники запустить в производство лучшие образцы вооружения. Мы считали, что наш самолет может быть в их числе. На вооружении армий передовых капиталистических стран пока не было самолета такого типа, со скоростью 800 км/час.

В Италии конструкторы Капрони и Кампини создали и испытали в 1940 году самолет «КК-1» с реактивным двигателем. Успешно работала группа Уиттла в Англии по проектированию реактивного самолета. В годы войны рабочие чертежи двигателя Уиттла были переданы в США.

Особенно интенсивно велись поиски больших скоростей в фашистской Германии. В 1938–1939 годах фирма «Хейнкель» строит истребители «Хе-176», «Хе-180».

Успешно проектирует реактивный истребитель фирма «Мессершмитт». В ходе второй мировой войны эти самолеты появились на фронте, не оказав существенного влияния на ход войны. Видимо, верхушка нацистской Германии не понимала возможностей и перспектив развития реактивной авиации.

— Профессор, вы употребили выражение: «Мы базировались

на сумме тех открытий, которые были сделаны в разных странах…» А не могли бы вы сказать о работах, проводимых в этом направлении в нашей стране?

— Я как раз к этому подошел. К. Э. Циолковский является основоположником ракетной техники. Его гениальные труды помогли ученым нашей страны научные предвиденья воплотить в реальность. В 1930 году инженер–изобретатель Фридрих Артурович Цандер создает первый ракетный двигатель. Он сплотил вокруг себя в ГИРДе группу лучших ученых–новаторов, среди которых был и Сергей Павлович Королев. Это он завершил строительство ОР-2 (опытный ракетный), испытал его в то время, когда Цандер был тяжело болен. После его смерти Королев стал во главе ГИРДа. Работал Сергей Павлович без устали. На долю его выпало много суровых испытаний, но воля, целеустремленность, недюжинное здоровье помогли ему в достижении, большой цели. Сергей Павлович строил двигатели, самолеты, ракеты. Любовь к авиации была у него особенной. Кстати, на этой почве мы и познакомились…

Все, что говорит генерал Болховитинов, я стремлюсь записать в свой маленький блокнот, который держу на правом колене. Виктор Федорович с настораживающим вниманием смотрит на мою ручку, умолкает и, неожиданно встрепенувшись, говорит:

— Вы хотите об этом написать?

— Так точно, написать.

— Вот и прекрасно — пишите. Напишите о Бахчиванджи.

Лицо профессора расплывается в просящей улыбке, он нетерпеливо и напряженно ждет.

— Извините, Виктор Федорович, я не могу о нем написать.

— Но почему? — громко спрашивает генерал и свои могучие мускулистые руки энергично подбрасывает вверх, выражая недоумение, и обреченно опускает на изогнутые ручки кресла. — Пишут же сейчас о космонавтах? Поймите, товарищи журналисты, как бы велики достижения ученых и конструкторов ни были, мы не подвергаем свою жизнь опасности, а испытатели — постоянно. И чем сложнее мы создаем аппарат, тем риск больше. Григорий Яковлевич Бахчиванджи только по случайному стечению обстоятельств не стал Героем Советского Союза. Но верю — будет.

Весной 1962 года журнал «Авиация и космонавтика» опубликовал статью заслуженного деятеля науки и техники генерал–лейтенанта ИТС В. Пышнова «На первом реактивном». Он писал: «Самолет «БИ-1» был по существу пилотируемой крылатой ракетой, и первый его полет весьма напоминал полет ракеты, хотя запас импульса был еще невелик. Имя энтузиаста ракетного

полета летчика Григория Яковлевича Бахчиванджи занимает достойное место в истории как предшественника наших замечательных космонавтов Юрия Алексеевича Гагарина и Германа Степановича Титова».

Пройдет несколько лет, и мысль ученого, председателя Государственной комиссии на испытаниях «БИ-1» В. Пышнова подтвердит Юрий Алексеевич Гагарин: «Если бы не было Григория Бахчиванджи, может быть, не было бы и 12 апреля 1961 года».

По–гагарински лаконично и точно.

— Да, я обязательно займусь сбором материала о Бахчиванджи, — решаю я и говорю об этом Болховитинову. — Но читателям интересно знать и о человеке, который создал летательный аппарат, испытанный летчиком, и это цель сегодняшнего к вам прихода.

Виктор Федорович, весь погруженный в себя, задумчиво смотрит в окно. Беседа затормаживается, нет, буксует, как автомобиль на скользком подъеме. Усилий много, а результата нет. Завидная тишина свидетельствует о «несовместимости» присутствующих. Наконец, наше молчание нарушается вопросом хозяина.

— Вы знакомы с Петром Михайловичем Стефановским?

Вместо ответа я кивнул головой и настороженно посмотрел на генерала.

— Он хорошо знал Бахчиванджи, — продолжал Виктор Федорович. — Благороднейший человек, храбрейший испытатель: для КБ, для конструктора — это находка, неоценимый клад. Поговорите с Борисом Николаевичем Кудриным. Он первый советский летчик–испытатель, живая энциклопедия авиации. Помогут вам Александр Яковлевич Березняк и Алексей Михайлович Исаев. Торопитесь. Годы вершат свое неблаговидное дело…

Тогда к этому совету я отнесся без должного внимания и лишь спустя много лет безгранично сожалел, что не послушался профессора Болховитинова. Ряды сподвижников конструктора редели с поразительной быстротой.

— Виктор Федорович, — я напрягал усилия для дальнейшего разговора, — создание «катюш» можно как-то связать с рождением «БИ»?

Профессор шевельнулся, будто мой вопрос вывел его из дремы, повернулся в фас, и я вспомнил дружественный шарж из академической газеты «Вперед и выше». Виктор Федорович на вершине земли в своей любимой яхте. Роскошная шевелюра, высокий лоб, мощное боксерское надбровье в густой поросли

темных волос и неизменная ямочка на подбородке. Таким он был и сейчас.

— Конечно. — Брови двинулись вверх, и проницательные глаза заинтересованно устремились на собеседни-ка. — Наука давно перестала быть делом одиночек. «БИ» родился так быстро потому, что мы использовали достижения наших коллег. Вам хорошо известно, что идея реактивного и ракетного движения была темой исследования многих русских ученых еще в XIX и даже XVIII веках. Над созданием ракет бились, я не боюсь этого слова, и Н. И. Тихомиров, В. А. Артемьев, Б. С. Петропавловский, И. Т. Клейменов, Г. Э. Лангемак…

Экспериментальные пуски «катюш», правда тогда они так не назывались, проведены были до войны. Прошли и полигонные под Ленинградом, и в районе реки Халхин–Гол. Истребители «И-16», «И-153», вооруженные РС (реактивные снаряды) калибра 82 и 132 мм, успешно дрались с неприятельскими самолетами. Группа Героя Советского Союза Г. П. Кравченко за время боев сбила 204 вражеских самолета, 13 из них реактивными снарядами.

В 1939 году инженер А. С. Душкин создал жидкостный реактивный двигатель. Он был установлен на планере конструкции С. П. Королева и успешно прошел наземные испытания. Планер с установленным на нем жидкостным реактивным двигателем поднимали на буксире в воздух и там запускали двигатель. Испытания ракетоплана было поручено непрофессиональному летчику–планеристу Владимиру Павловичу Федорову. Первый двигатель развил тягу в 140 кг, время действия — несколько секунд. Израсходовав запас горючего, летчик благополучно приземлился на аэродроме.

С. П. Королев в эти годы успешно занимается созданием крылатых управляемых ракет с большой дальностью действия.

Развитие первых отечественных двигателей шло по линии ЖРД — ракетных двигателей. Естественно, это не могло не сказаться на развитии, создании и испытании ракетного оружия…

После доработок подвижные реактивные установки назвали «БМ» — боевая машина.

Выпускали «БМ» московские заводы. О титаническом труде рабочих столицы могут свидетельствовать такие факты:

22 июня 1941 года в Красной Армии нет ни одного дивизиона «БМ».

1 июля 1941 года один дивизион трехбатарейного состава. Каждая батарея имела четыре «БМ».

1 января 1942 года войска получили 87 дивизионов, 50 из которых поставили на оборону Москвы.

19 ноября 1942 года фронты, растянувшиеся от Белого до Черного моря на многие тысячи километров, располагали 355 дивизионами. Наличие такого количества дивизионов «БМ» позволяет объединить их в полки и бригады.

Идет непрерывное усовершенствование «БМ». Создаются «БМ-31» с повышенной огневой мощью. Залп дивизии, состава 4 минометных гвардейских полков, составлял 3840 снарядов общим весом 230 тонн. Неуклонно возросла дальность полета, кучность и сила взрывной волны, плотность «БМ» на километр фронта. Высокая эффективность боевого применения «катюш» вызвала сумятицу и панику в немецких войсках.

От «БИ» мы добивались такого же эффекта…

На этом мы расстались. Редакционное задание не было выполнено — очерк о Болховитинове не состоялся,..

…Через несколько дней, это было в воскресенье, генерал–майор авиации Стефановский приехал ко мне. Он вынашивал замысел книги «Триста неизвестных». Она тогда не имела такого поэтического названия и представляла собой рукопись не шестнадцать печатных листов (в таком объеме она вышла), а целых сто. Это была настоящая авиационная энциклопедия.

Читать эту рукопись было необычайно интересно. Петр Михайлович Стефановский, казалось, знал всю историю советской авиации, участвовал в основных этапах ее рождения, испытывал базовые самолеты, которые открывали новые направления ее развития.

Обменявшись мнениями о рукописи, разговорились на другие темы. Я спросил:

— Вы знаете Болховитинова?

— Виктора Федоровича? — жестким голосом переспросил Стефановский. — Превосходный человек.

— Был я как-то у него, — признался я, — не получилась беседа.

Генерал Стефановский стал расспрашивать меня о Викторе Федоровиче, его здоровье, чем занят он, ходит ли на яхте.

— Строгий он человек, — сказал Стефановский. — Но настоящий конструктор, большой ученый. Я его тоже побаиваюсь, — признался Петр Михайлович. — Хочется мне о нем написать побольше, но как знать…

— Виктор Федорович сказал, что вы хорошо знали Бахчиванджи?

— Жору? Ну а как же. Прекрасно знал. И комиссар мой хорошо знал. Генерал Пономарев Сергей Федотович. Хитрый комиссар — все записывал, памяти не доверял, знал, что все пригодится. Я теперь к нему частенько наведываюсь. Но я тоже

вам помогу.

Забегая вперед, скажу, что генерал Стефановский оказал мне весьма солидную помощь в раскрытии личности Г. Я. Бахчиванджи.

Болховитинов

Свою новую встречу с генералом Болховитиновым я предполагал не раньше, чем через год. За это время собирался прочитать все, что было написано о Болховитинове и Бахчиванджи.

Лето и осень я собирался посвятить беседам с людьми, которые знали Виктора Федоровича Болховитинова. Составил список. Он оказался довольно большим.

Работа в архиве, в Библиотеке имени В. И. Ленина, встречи с друзьями, учениками и коллегами Болховитинова до предела уплотнили лето, заняли весь отпуск.

Итак, Болховитинов.

После окончания Саратовской гимназии Виктор Болховитинов поступает на медицинский факультет Саратовского университета. Через полгода, поняв, что не это его призвание, переходит на физико–математический. Как он потом вспоминал: «Нравилось, но не очень…» Осенью 1918 года он уезжает в Москву с дерзновенной целью поступить в МВТУ. Аккуратно посещает лекции, восторженно слушает Жуковского, но вскоре заболевает брюшным тифом и возвращается в Саратов без всякой надежды вернуться обратно в Москву. Оправившись от болезни, он пишет заявление о зачислении его в институт инженеров Красного воздушного флота. Он до самозабвения любил авиацию, чувствовал в себе неукротимую силу быть ей полезным. Самонадеянно видел себя создателем летательных аппаратов. Упорство не подвело его. В 1921 году он поступает в Военно–воздушную академию. В стенах академии он начинает сотрудничать в конструкторском отделе, экспериментирует.

В 1923 году в академии создается военно–научное общество (ВНО), в состав которого входит первая в СССР секция межпланетных сообщений. Руководители секции на свои заседания приглашают видных советских ученых. На секции выступили Ф. Цандер, В. Ветчинкин, Н. Рынин. 23 августа 1923 года на секции выступил К. Э. Циолковский.

Болховитинов постоянный участник всех заседаний секции, всех встреч с учеными, активный докладчик.

Между Циолковским и слушателями академии

устанавливается переписка.

29 апреля 1924 года Константин Эдуардович писал:

> «Дорогие товарищи, радуюсь открытию секции межпланетных сообщений… Послал вам, что мог. Насчет поездки и лекции сейчас обещать ничего не могу. Будь я молод и здоров — счел бы долгом немедленно исполнить желание…
>
> Я сейчас буду делать (как и делал), что могу… Готов печатать ряд новых работ о ракете. Изложение будет самое элементарное, но строго научное…
>
> Я надеюсь найти журнал, который согласится их печатать… Может быть, вы мне укажете таковой. От гонорара отказываюсь…
>
> Ваш К. Циолковский».

Слушатели тотчас отвечают ученому и сообщают ему о своих планах. В мае они получают ответ К. Э. Циолковского.

> «Дорогие товарищи, отвечаю вам на ваше письмо от 4 мая 1924 г. Вполне сочувствую вашему желанию инсценировать фантазию межпланетных путешествий. Буду очень рад, если вы воспользуетесь моей «Вне Земли». Но кинематографию тут применить трудно… Гораздо доступнее иллюстрировать книгу и показывать туманные картины…
>
> …Опыты с реактивными приборами очень полезны, и с них должно начать. Но надо знать теоретические основы и ясно видеть, к чему стремимся и что можем получить.
>
> …Скорость ракеты в среде, освобожденной от тяжести, непрерывно растет, как бы ни была мала масса отбрасываемых тел…
>
> Привет вам. Привет преподавателям.
>
> Ваш К. Циолковский».

В стране бурно развивается планеризм. В 1923 году центр безмоторной авиации при Обществе друзей воздушного флота (ОДВФ) организовал в Крыму близ Феодосии I Всесоюзные планерные испытания, впоследствии переименованные во Всесоюзные слеты планеристов.

Руководитель и участник нескольких слетов, создатель всемирно известных «ИЛов» Сергей Владимирович Ильюшин позже скажет:

— Планеризм — это люлька, в которой непременно должен

качаться будущий авиаконструктор…

Действительно, в «планерной люльке качались» авиаконструкторы А. С. Яковлев и О. К. Антонов, космический конструктор С. П. Королев и его соратник по ГИРДу М. К. Тихонравов. Планеров не миновал и юный А. Н. Туполев и В. Ф. Болховитинов.

XI съезд Ленинского комсомола принимает решение о шефстве ВЛКСМ над воздушным флотом. Тысячи молодых людей пополнили ряды аэроклубовцев. Особой популярностью пользовался планерный спорт, к тому же он был и более доступным. К началу 1935 года в стране насчитывалось 230 планерных станций, 10 школ, 1600 кружков, в которых обучалось около 17 тысяч планеристов.

На двух Всесоюзных планерных испытаниях в Коктебеле участвуют два планера «АВФ-6», «АВФ-18» (Академия воздушного флота), построенные в коллективе энтузиастов академического КБ по чертежам В. Болховитинова. Планеры принесли успех, утвердили Болховитинова как «подающего надежды ученого, перспективного конструктор а…».

Виктор Федорович — г активный член научного кружка академии, руководитель конструкторского отдела, возглавляет планерную школу при МК ВЛКСМ. Строя планеры, он их испытывает, готовит к Всесоюзным соревнованиям (за одну из моделей ему была присуждена премия).

В мае 1926 года Виктор Федорович Болховитинов, окончив Военно–воздушную инженерную академию, дал клятву на верность авиации.

> «…Я пришел в ряды Красного Воздушного Флота, чтобы своим беззаветным трудом крепить его, способствовать научно–техническому прогрессу, находить новое, открывать неизвестное, создавать оригинальное, но обязательно хорошо летающее и послушное летчику».

Потом на жизненном пути молодого командира Красной Армии возникали немалые трудности, обстоятельства, порождающие сомнения, колебания, неуверенность, но никогда Болховитинов не изменял своей клятве, мечте своей жизни.

Неугомонная душа не ищет забвения и тишины — он создает авиетку — эдакий маленький летательный аппарат. Болховитинов в любимой среде, родной стихии. Он увлекается гидроавиацией, и это, по–видимому, определяет его назначение после окончания академии — старшим механиком в Севастопольскую школу летчиков. Несколько месяцев уходит на то, чтобы утвердиться в

мысли о реальности осуществления почти сказочного замысла: самолеты можно катапультировать.

Вернувшись в адъюнктуру академии, он завершает серьезный и большой труд: «Катапульта и корабельные самолеты». Эта тема становится его диссертацией. Но слабость его — планеры и авиетки по–прежнему отнимают много времени, молодые энтузиасты вдохновляют его на новые замыслы. Болховитинов пишет статьи, учебники по гидроавиации, но мысль навязчиво держит у новой модели самолета: многомоторный, цельнометаллический. Решить эту проблему без новаторского подхода нельзя. Много лет спустя друзья В. Ф. Болховитинова напишут: «В 1931 году при его участии был создан учебник «Прикладная аэродинамика самолета». Разрабатывая вопросы аэродинамики, он сконструировал особый «маятник» на шарнирах Гука, который использовался для испытания аэродинамических профилей и моделей».

Конструкторский отдел волею и настойчивостью молодого адъюнкта Виктора Болховитинова из пропагандирующего авиацию и агитирующего за научный прогресс превращается в рабочий орган, творящий новое. Всем летательным аппаратам помимо обязательного их наименования добавлялось слово «академический». Дань форме, пропаганда неконкурирующей молодой фирмы. Общественная работа принесла известность, авторитет, положение в коллективе. В него поверили. Теперь о нем говорили не иначе как: «…крупный ученый… выдающийся конструктор… хороший организатор…»

Владимир Петрович Ветчинкин писал о молодом ученом с восторгом: «Военная и научная подготовка довольно высокая и, по–видимому, выше, чем у остальных трех преподавателей, которым мне приходилось давать аттестации.

В области гидроавиации Болховитинов является одним из немногих серьезных специалистов этого дела, а выбранная им тема — катапультные самолеты — совсем не разработанной и весьма актуальной».

Защитив диссертацию, Болховитинов неожиданно для всех прекращает работы над гидросамолетами и разрабатывает проект многомоторного бомбардировщика.

К предложению Болховитинова с вниманием отнеслись в управлении Военно–Воздушных Сил, Наркомате авиационной промышленности. М. Н. Тухачевский оказывает всемерную помощь энтузиастам, добивается финансирования их детища, определяет заказ на авиационный завод. Но Болховитинов не торопится. Лишенный всякого тщеславия, он относится к рождению своего первого самолета тщательно: лучше один

самолет летающий, чем два стоящих. Он заявляет о своем желании познакомиться с подобными работами за рубежом. Его коллег пугает время, которое он потратит на ожидание переводов статей и книг иностранных издательств.

При молчаливом негодовании сотрудников Виктор Болховитинов отплывает на самодельной яхте на неопределенный срок в неизвестном направлении. Боясь перегрузить шаланду, он берет с собой ватман, карандаши, тощий рюкзак и маузер, подарок начальника академии. Позднее станет известно, что в рюкзаке были учебники по английскому и немецкому языку. Дрейфуя среди речной зыби, он овладевал языками, занимался переводами…

Болховитинов не вводил в отделе строжайшей дисциплины, военизированного распорядка, уставной субординации. Все строилось на сознании. Он работал сам столько, сколько мог, пока не засыпал, пока глаза различали буквы, линии чертежей.

Страна создавала свой воздушный флот. Успешно шло испытание самолета «ТБ-3» конструктора А. Н. Туполева. Газеты пестрели интервью с летчиком–испытателеи М. А. Нюхтиковым.

Болховитинов начинает работу с беседы с Нюхтиковым. Его интересует: что плохо на самолете? Все, что удалось Туполеву, он, Болховитинов, знает. Что не получилось — скажет летчик. И вот он, конструктор, и начнет с устранения недостатков известного самолета.

Трехлетний эксплуатационный опыт «ТБ-3» создал то, что могло служить базой, отправной точкой для движения вверх. Но как, к чему прочертить эту линию? Исходная позиция налицо, а желаемая цель с большими препятствиями: технологические процессы, уровень подготовленности кадров, дорогостоящие металлы и самое главное… преодоление консерватизма.

Туполевский «ТБ-3», пройдя все этапы испытаний, был запущен в серию, принят на вооружение частей ВВС. По решению правительства три «ТБ-3» с демонстрационными целями отправились в турне: Варшава — Прага — Вена — Париж. Это была вторая, после полета М. М. Громова, политическая акция по утверждению приоритета авиационных вершин, достигнутых Страной Советов.

На самолете «ДБА» (дальний бомбардировщик академический) впервые были применены полуубирающиеся шасси, гладкая металлическая обшивка, закрытая кабина. Сейчас подобное перечисление может вызвать улыбку у читателей, но в то время эти новшества были значительным шагом вперед, большим техническим достижением.

Вспоминая время, предшествующее работе над «ДБА», В. Ф.

Болховитинов говорил:

«Это была тренировка в проектировании необычного нового: тренировка дерзости и обучения коллектива, не боявшегося никаких заданий, и, наконец, тренировка выбора тех решений, дававших немалые, постепенные продвижения вперед, решения, реализовавшие существенный скачок вперед».

Тяжелый бомбардировщик с четырьмя двигателями «АМ-34» мощностью по 860 л. с. каждый 1 мая 1936 года пролетел над Красной площадью. В ноябре 1936 года летчики Нюхтиков и Липкин на этом самолете установили два мировых рекорда по подъему грузов в 10 и 13 тонн.

Летчики Байдуков и Кастанаев установили мировой рекорд скорости. Надежность, высокие летные качества позволили Герою Советского Союза С. Леваневскому предложить летчику–испытателю «ДБА» Николаю Кастанаеву перелет из Москвы через Северный полюс в Америку. М. Н. Тухачевский, пристально наблюдавший за ходом доводки самолета, предлагает конструктору использовать самолет для переброски танков на большие расстояния.

12 августа 1937 года в 18 часов 15 минут по московскому времени с аэродрома красно–голубой «ДБА» во главе с Сигизмундом Леваневским отправился в полет через Северный полюс в США.

В 13 часов 40 минут «ДБА» под номером Н-209, шедший на высоте 6000 метров, снизился над папанинской СП-1, обменялся радиограммами и устремился точно по курсу. А менее чем через час Москва получила первую тревожную радиограмму: «На исходе кислород. Циклонные бури до 500 метров». Потом еще: «Началось обледенение, теряем высоту, идем 4600 метров». И последняя: «Крайний правый мотор выбыл из строя. Ждите…» Москва ждала, запрашивала, давала срочные пеленги всем радиобюро Советского Союза. Обратилась наша страна и к другим государствам об оказании помощи терпящему бедствие экипажу.

В числе первых на поиски пропавшего экипажа вылетел американский летчик Маттерн. В 1933 году он, совершая кругосветный перелет, попал в аварию в районе Анадыря. Тогда на помощь американскому летчику пришел Сигизмунд Леваневский. А спустя четыре года спаситель Маттерна нуждался в помощи. Начав полет, американский летчик, однако, быстро отказался от продолжения поисков.

За 9 месяцев поисков 24 советских и 7 иностранных самолетов обследовали 58 тысяч кв. км суши, моря, льдов. В мае 1938 года Правительственная комиссия решила прекратить поиски. Тайна исчезновения самолета «ДБА» под номером Н-209

осталась не раскрытой.

А жизнь шла вперед. В 1936 году В. Ф. Болховитинов, ученый и конструктор, за внедрение в серийное производство сложных типов самолетов, освоение новой авиационной техники и укрепление боевой мощи Красного воздушного флота постановлением ЦИК СССР был награжден орденом Красной Звезды.

Секретарь партбюро авиационного завода, на котором Болховитинов строил свои самолеты, писал:

«Тов. Болховитинов является крупным авиационным специалистом с большими разносторонними знаниями. За 6 лет работы в конструкторском отделе показал, что он является подлинным представителем советской технической школы, для которой отдает свой технический опыт, умело сочетает свою работу с другими научными и производственными организациями, выращивает новые кадры советских специалистов.

Его смелый подход к решению технических вопросов выдвигает его в ряд виднейших конструкторов, которые предвидят пути развития авиации. Он смело берется за решение вопросов, являющихся на сегодняшний день проблемными».

Новую работу он начинает с того, что в лаборатории проводит исследования аэродинамических характеристик задуманной модели.

Новый самолет? Каким он должен быть? Конечно, лучше созданного, но каким? Где предел возможностей человека науки, техники, производства? Конструктор, не опирающийся на налаженное производство, обречен остаться бесплодным фантазером. Но он станет ретроградом, если своими идеями не продвинет производство вперед. Первооткрывателя могут сначала осуждать, не поняв его, но потом, признав, последовать за ним.

Авиация развивалась стремительно, но требования к ней возрастали быстрее, чем успевало производство. Скорости подчинили все. Нужно было достигнуть главного — скорости, а уж потом… Болховитинов создает самолет «ББ» (бомбардировщик Болховитинова). Под такой маркой он просуществовал несколько месяцев. Главный, декларируя и на деле утверждая коллективный труд в КБ, назовет новое детище самолетом «С» (скоростным). И снова машина вызывает споры: не все в ней решено традиционно — с двумя моторами, установленными один за другим в носовой части фюзеляжа, двумя соосными винтами. Его называли истребителем (скорость 600 км/час), экспериментальным разведчиком, скоростным бомбардировщиком. Не будем судить строго: все были правы. Это была попытка создания самолета

многоцелевого назначения, прообраза сегодняшнего самолета широкого применения. Но поршневые моторы сменились, и самолет «С» не пошел в серию, не сыграл своей роли в истории развития авиации. Много лет спустя, вспоминая о времени создания «С», Болховитинов говорил:

«Это была машина, в которую была вложена идея: уменьшения суммарного модуля лобовых сопротивлений втрое (вместе трех гондол — одна). Для этого необходимо было при этой же тяговооруженности превратить двухмоторный самолет в одномоторный. Мы использовали отверстие для прохода пушки в моторе М-103П для вывода вала заднего мотора вперед для переднего винта и, тем создав соосные винты и спарку моторов, получили один лоб».

Болховитинов уже был признанным конструктором, занимал пост Главного конструктора и работал в системе авиационной промышленности, когда новая, дерзкая, неожиданная, ошеломляющая идея захватила его целиком.

Доктор технических наук, профессор И. Свердлов писал:

«Сейчас нам трудно понять всю сложность проблемы, за решение которой взялось бюро. Ведь в то время не было ни теории ЖРД, ни опробованных конструкций двигателей этого типа, ни теории полета на околозвуковых скоростях. Нужно было обладать большой смелостью, чтобы взяться за решение этой задачи. Виктор Федорович собрал в конструкторское бюро таких же энтузиастов нового дела, каким был и сам».

Крылатая ракета… Мысль о ней будоражила умы многих авиационных конструкторов. Было ясно, что винт становится помехой на пути увеличения скорости полета. Значит, нужен беспропеллерный летательный аппарат, иными словами, использующий реактивную тягу.

Конструктор А. М. Исаев вспоминал:

«Наступила суббота 21 июня 1941 года. Я сидел у себя дома. К этому времени мы уже начали сомневаться, получим ли двигатель с турбонасосной подачей топлива. 22 июня услышал по радио о начале войны. Как поступить? Что делать? Болховитинов, страстный яхтсмен, был на Клязьминском водохранилище. Я поехал за ним на мотоцикле.

— Виктор Федорович, война!

Болховитинов сел позади меня на мотоцикл, и мы помчались в наркомат. Виктор Федорович пошел к наркому А. И. Шахурину, а я с мотоциклом остался внизу. Дождавшись Болховитинова, я узнал, что он сделал заявку на машину».

Другой конструктор, работавший в бюро, Александр Яковлевич Березняк, вспоминает.

«Болховитинов нам сказал: «Вот что, ребята, за месяц мы должны сделать проект. Берите мой кабинет, садитесь и работайте».

Потом Болховитинова, Исаева и меня пригласил Шахурин. Был написан проект постановления Государственного Комитета Обороны и подготовлен приказ. На выпуск машин (не на проект, не на изготовление чертежей, а на выпуск реального самолета) был дан месячный срок. Мы попросили три–четыре месяца. Шахурин выслушал нас и прибавил к месячному сроку десять дней…»

Месяц и десять дней… История авиации не знает второго случая, чтобы с такой сказочной быстротой создавались самолеты. Тем более новейшие. Скажем больше, самолет, о котором идет речь, был скачком в другую эпоху, переломным событием в истории науки и техники. Болховитинов с коллективом проектировщиков победил время, сделал, казалось, невозможное. И этим опять удивил всех.

В то время все эти работы держались в глубочайшем секрете. В толстых стальных сейфах хранились чертежи будущей машины, в просторных конструкторских бюро люди создавали принципиально новый советский самолет, которому суждено было начать современную эру авиации.

Теперь об этом уже можно рассказать — о работах тех далеких военных лет, об одном из этапов в многолетней истории советской науки и техники, о самоотверженном, героическом труде наших авиастроителей.

Председатель Государственной комиссии по испытаниям «БИ-1» генерал В. С. Пышнов вспоминал:

«Тогда на Урале Болховитинов подвел меня к своему детищу и вопросительно взглянул. Признаюсь, самолет меня поразил. Новизна его была не только в том, что отсутствовал винт, но и в необычности самой конструкции. Самолет походил на торпеду.

— Верно, что строили всего один месяц? — спросил я.

— Месяц и десять дней, — уточнил Болховитинов.

— И успели?!

— Время такое — надо было успеть… Может, еще пригодится на войне…

Каждый был загружен до предела. На меня, к примеру, кроме основной обязанности председателя комиссии, возложили еще расчет по взлету и траектории полета, генерал Федоров Петр Иванович руководил подготовкой к старту…»

Федоров погиб в конце войны в авиационной катастрофе. Талантливый организатор, светлая, одаренная личность, он пришел в академию зрелым человеком с орденами на груди и

двумя ромбами на петлицах. Учился самозабвенно и за два года одолел академическую науку. Позднее возглавил специальный научно–исследовательский институт. На старте он всех понимал с полуслова, и все понимали его, несмотря на сдержанность и немногословность.

— Подождите, скоро наводним все небо реактивными самолетами, — мечтательно говорил он.

«Федоров привез на Урал, — вспоминал Пышнов, — летчика–испытателя Бахчиванджи. Долго отбирал среди своих питомцев нужного ему человека и остановился на нем. Знакомя, шепнул: «Приглядитесь, по–моему, самый подходящий». Я знал многих известных летчиков того времени, начиная от отпетых сорвиголов двадцатых годов до летчиков–героев, экспериментаторов, таких, как В. Чкалов, М. Громов, А. Юмашев… Новичок ни на одного из них не походил. Кто-то о Бахчиванджи сказал: «В этом человеке сошлись все эпохи авиации». Слов нет, образное определение. Но, на мой взгляд, неверное. Просто этот человек, влюбленный в небо, весь был настроен на новое, рожден новым временем. Волевой, спокойный, строгий к себе, он представлялся вполне подходящим для первого реактивного старта».

Очень ценны и интересны были наблюдения в этом полете капитана Бахчиванджи. Угол набора высоты необычно крутой. Обзор с самолета вперед прекрасный. Самолет как с работающим двигателем, так и после вы–ключения его вел себя устойчиво, повинуясь малейшему движению рулей. Расчет и посадка с неработающим двигателем для опытного летчика не представляли сложности.

Старт первого реактивного самолета показал, что может сделать пытливый ум и талант человека. Полеты «БИ-1» ознаменовали рождение советской реактивной авиации.

В 1947 году генерал Болховитинов после длительного перерыва (работа в Министерстве авиационной промышленности) возвращается в академию, на должность старшего преподавателя. Завершив работу, он защищает докторскую диссертацию по теме «Общие расчеты типовых реактивных самолетов и методы их испытаний».

В. Ф. Болховитинов выводит уравнение, ныне известное в науке как уравнение существования летательного аппарата.

Доктор технических наук Л. И. Малинин в те годы писал:

«Проблема создания метода комплексной оценки самолетов, а если говорить более строго, проблема формулирования закона гармонии (соотношения целого и его частей) летательного аппарата была впервые поставлена и блестяще решена В. Ф. Болховитиновым.

…Строгое обоснование идеи научного проектирования самолета как гармоничного целого, сделанное в работах В. Ф. Болховитинова, придало ей изящество математической теории, а многочисленные абсолютные практические подтверждения — незыблемость естественного закона.

…Решение этой проблемы возникло как итог большого этапа развития методов проектирования и постройки самолетов в советской авиационной науке. Не случайно она была решена именно Болховитиновым, который был одновременно и конструктором и военным ученым. Для решения проблемы синтеза оптимального боевого самолета нужен был именно такой человек».

Болховитинов создает свою научную школу. Он вырастил немало ученых, конструкторов, талантливых инженеров. Среди них академики, доктора наук. Герои Социалистического Труда, лауреаты Ленинских и Государственных премий.

15 мая 1967 года, в день 25–летия полета первого в ми–ре реактивного самолета, в академии имени профессора Н. Е. Жуковского состоялись торжества. В приказе по академии по этому случаю говорилось: «В. Ф. Болховитинов является ученым с большой широтой научных взглядов. Как в конструкторской, так и в научной деятельности характерной чертой его является чувство нового, поддержка всего зарождающегося, перспективного. Он является основоположником научного проектирования летательных аппаратов.

Работая в академии, заложил основы и развил новое научное направление — теорию боевой эффективности летательного аппарата в целом. В этой области при его участии и под его руководством выполнено большое число научно–исследовательских работ, много раз отмеченных благодарностями и премиями.

Научная школа В. Ф. Болховитинова, рассматривающая проблему проектирования летательных аппаратов как единого комплекса технических и экономических вопросов, а также вопросов боевой эффективности, в настоящее время стала общепризнанной».

Доктор технических наук К. Туркин, приветствуя Главного конструктора, говорил:

«Конструкторское бюро, руководимое В. Ф. Болховитиновым, явилось школой подготовки известных ныне создателей крылатых и баллистических ракет, ракетных двигателей и многочисленных конструкторских кадров. Успешная работа по созданию «БИ-1» сыграла важную роль в выборе творческого направления работы этих конструкторов и дала толчок многим исследованиям в

области реактивной авиации, баллистических ракет и освоения космоса.

Появление «БИ-1», свидетельствующее о талантливости советских ученых, конструкторов и рабочих, принесло советской стране приоритет, и в этой области выдающаяся роль в создании первого в мире ракетного самолета принадлежит Главному конструктору этого самолета Виктору Федоровичу Болховитинову».

Желая узнать все подробности жизни Виктора Федоровича Болховитинова, я дотошно расспрашивал знавших его людей. Они охотно рассказывали:

— Он великолепный кинооператор. Один из его фильмов получил премию, — говорили одни.

— Виктор Федорович настоящий поэт. Попросите, может быть, он почитает стихи.

— Он классный яхтсмен. В клубе «Водник» у него своя школа.

— Первое место ему следует отдать как автолюбителю. Отличный специалист.

И так далее. И все это об одном человеке, о достоинствах, объединенных в одном лице.

В день семидесятилетия В. Ф. Болховитинова профессор, доктор технических наук В. Пышнов написал в газете «Красная Звезда»:

«Для достижения нового необходимы и новые оригинальные пути. Творчество заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, профессора, доктора технических наук генерал–майора инженерно–технической службы в отставке В. Ф. Болховитинова служит убедительным доказательством правильности этого».

Написал, не зная, что ровно через год эта же газета известит читателей о том, что после непродолжительной болезни скончался выдающийся авиаконструктор, педагог и ученый, член КПСС с 1937 года Болховитинов Виктор Федорович.

Это была тяжелая утрата.

Бахчиванджи

Сохранилось не так много его фотографий: летчики обычно не любят фотографироваться. На всех фото Григорий Яковлевич разный: веселый, задумчивый, по–летному деловой. Короткая прическа освобождает массивный лоб, полукружья темных бровей делают взгляд больших глаз пронзительным и напряженным, по–юношески пухлые губы еще не потеряли романтические

очертания.

Когда поступило правительственное распоряжение откомандировать летчика–испытателя Бахчиванджи в тыл, Стефановский отнесся к телеграмме с недоверием. Он все еще хорошо помнил слова Сталина, сказанные в первые дни войны: «Товарищ Стефановский, сколько вам надо дней, чтобы сформировать полк, который будет способен вести воздушные бои?» Стефановский тогда призадумался. Сказать много — нельзя, не та обстановка, мало — как бы не прослыть легкомысленным командиром. Сталин отошел к окну и сосредоточенно стал раскуривать трубку. Он ждал. В новом и серьезном деле торопить нельзя.

— Три месяца, товарищ Сталин, — прикинув в уме, выпалил летчик.

Сталин подошел к Стефановскому, отвел трубку в сторону, посмотрел снизу вверх своими пронизывающими глазами, сказал:

— Понимаете, товарищ Стефановский, нет у нас такого времени. Фашисты идут по нашей земле, стремятся к Москве. Хочу, но не могу дать вам три месяца, не простит нам советский народ. Три дня могу дать. Вы понимаете меня?

— Так точно, товарищ Сталин.

— Я очень рад, что мы с вами единомышленники. Будут трудности — звоните, не стесняйтесь. Увидимся через три дня, перед вашим отлетом. Пожалуйста, зайдите ко мне.

И вдруг отправить в тыл лучшего летчика? Несколько месяцев вели бои два авиационных полка, сформированных из летчиков–испытателей страны. Далеко позади первые бои, первые потери. Теперь, когда приобретен боевой опыт… Но приказ есть приказ. Вечером, при коптилке, в тесной военной землянке собрались летчики на прощальный ужин. Уезжал Григорий Бахчиванджи. Еще никто не знал, на какую машину едет он, что через несколько дней из полка уедет и Стефановский, потом Константин Груздев.

Григорий Бахчиванджи тоже не знал, что уже много месяцев на одном из подмосковных аэродромов первый советский летчик–испытатель Борис Николаевич Кудрин ведет работу с КБ Болховитинова. Засекреченный и тщательно оберегаемый самолет в планерном варианте он поднимал в воздух, готовился к наземным испытаниям. Болезнь Б. Н. Кудрина помешала ему вместе с заводом выехать на Урал для продолжения этой работы. Туда и прибыл назначенный ведущим летчиком–иопытателем Григорий Яковлевич Бахчиванджи.

Родился Бахчиванджи в 1909 году в станице Брыньковской Краснодарского края. Детство Григория прошло в неспокойные

годы. Нищенское существование до революции, военное лихолетье гражданской войны. Учился с перерывами. Очень любил Григорий своего отца, Якова Ивановича. В годы революции, когда станицу заняли белогвардейцы, вполне осознанно встал в строй вместе с отцом, с ним вместе дрался против врагов. Подносил патроны, еду, воду. Помог отцу и матросам бежать из плена.

Окончилась война, вернулся домой отец с орденом Красного Знамени, и Григорий вернулся в детство. Он много читал, помогал родителям по хозяйству, плавал, играл на гармошке, мандолине. Пел певучие украинские песни, задушевные и скорбные, пел по настроению и по просьбе станичников. Он не знал, кем хотел бы стать. Любил технику, увлекался спортом, был смекалистым и напористым. Работал помощником машиниста на станции Ахтари, слесарем на строительстве металлургического завода имени Владимира Ильича. В 1931 году IX съезд комсомола принял шефство над Военно–Воздушными Силами Красной Армии. По всей стране разнесся клич: «Комсомолец — на самолет!» И комсомолец Бахчиванджи выполнил решение съезда, своей организации — он попросился в авиацию.

В 1931 году окончил школу младших командиров, затем школу техников по авиавооружению, двадцати трех лет вступил в партию. Во всем, что делал Григорий, не проявлялись его исключительность или одаренность. Все его действия свидетельствовали о дисциплинированности, прилежности, честности.

В 1935 году Григорий Яковлевич после окончания Оренбургской школы летчиков прибыл в полк. Он демонстрирует великолепную технику пилотирования, показывает глубокие знания самолета, высокую физическую подготовленность. Скоро как перспективного летчика его направляют в НИИ ВВС. Ему доверяют испытывать новые машины, поручают проведение сложных заданий. Быстро и качественно испытывать самолеты ему помогают технические знания, приобретенные в школе техников, и обдуманный риск. До войны Григорий Яковлевич за серию испытаний и высокое их качество был награжден орденом Ленина. Война застала Бахчиеанджи уже известным летчиком–испытателем. В первый же день войны он добровольно уходит на фронт и в составе 6–го истребительного авиационного корпуса самоотверженно дерется с фашистскими асами.

Герой Советского Союза генерал–майор авиации Стефановский рассказывал:

«И Бахчиванджи, и Груздев были летчиками истребительного авиационного полка, которым я командовал в годы Великой

Отечественной войны. Мне довелось узнать их как бесстрашных воздушных бойцов.

Полк наш был сформирован в первые дни войны из летчиков–испытателей. Это был, так сказать, цвет нашей авиации. В самом деле, те, кто до этого давал путевку в небо новым машинам, заняли в них места, чтобы биться с врагом. Каждый из этих летчиков был грозен в бою».

Вспоминает генерал–майор авиации С. Ф. Пономарев:

«В рабочей тетради военного времени, — говорит Сергей Федотович, — чудом сохранившейся у меня, есть запись о том, что сделано полком в тот или иной день. По этим записям можно видеть, как проявили себя отдельные летчики и авиационные специалисты, значит, и Бахчиванджи. Вот строки, говорящие о героизме и летном мастерстве, о верности своему партийному долгу Григория Яковлевича Бахчиванджи.

4.07.41. Из девяти сбитых самолетов противника два сбил Бахчиванджи.

8.07.41. Бахчиванджи сбил «Ме-110».

9.07.41. В районе Ново–Сокольников капитан Бахчиванджи сбил «Ю-88».

10.07.41. Произведено 15 боевых вылетов, летчиками Бахчиванджи и Кожевниковым сбит самолет противника «Хейнкель-126».

15.07.41. Написан и представлен наградной материал вышестоящему командованию на Бахчиванджи — Героя Советского Союза; старшего лейтенанта М. Чунова — орден Ленина; капитана А. Прошанова — орден Красного Знамени; майора К. Груздева — орден Красного Знамени.

30.07.41. Летчики Бахчиванджи, Прошанов, Кривяков, Бабин в воздушном бою сбили два самолета противника «Ме-109».

2.08.41. В 6.00 Бахчиванджи вел бой с четырьмя самолетами противника, был подбит, самолет получил до Десятка пробоин, повреждено шасси, летчик мастер–ски посадил самолет на одну «ногу» на своем аэродроме.

В 9.00 Бахчиванджи в паре с летчиком Ананенковым были подняты по тревоге и вылетели в район ст. Акуловка, где встретили вражеские самолеты и вступили с ними в бой, в результате которого был сбит «Ю-88».

6.08.41. Командир эскадрильи капитан Бахчиванджи четверкой сопровождал наши бомбардировщики «СБ» в район ст. Шимск. Наши истребители парализовали зенитную артиллерию противника, создали благоприятные условия для бомбометания. Задание выполнено успешно. Все самолеты вернулись на свой аэродром.

А всего за месяц и десять дней (с 1 июля по 10 августа 1941 года) Г. Я. Бахчиванджи совершил около 70 боевых вылетов на разведку, сопровождение своих бомбардировщиков и. штурмовиков, штурмовку противника, патрулирование и прикрытие своих войск. Проявил себя отважным воздушным бойцом, прекрасным товарищем летчиков, инженеров и техников, настоящим коммунистом–ленинцем».

Доктор технических наук, председатель комиссии по испытаниям профессор В. С. Пышнов рассказывал:

«Вместе с Бахчиванджи я провел немало времени — и у самолета, и на досуге. По характеру он обаятельный, в компании — заводила: хорошо пел, играл на баяне, мандолине, пианино. Мог веселиться до утра, «не подогревая» своего настроения, — не пил, не курил. В карманах носил конфеты, раздаривал ребятишкам. Любил детей, и они отвечали ему тем же, поджидали, сопровождали ватагами. На новогодней елке он как-то изображал Деда–Мороза, говорят, с успехом».

Начальник штаба одного из авиационных полков Московского округа ПВО подполковник Ткаченко писал:

«Прошло много лет, но я очень хорошо помню совместную с Григорием Бахчиванджи службу в полку, который охранял небо Москвы. Григорий хорошо знал авиационную технику, ведь он в прошлом техник, грамотно ее эксплуатировал, бережно относился к ней. Уважал и ценил труд других летчиков. Он был не только командиром, он был моим другом. В высшей степени организованный, всегда собранный, подтянутый, чисто, до синевы щек, выбритый и всегда улыбчивый».

Очень верный портрет. Следует добавить, что дружба с Бахчиванджи помогала в жизни сержанту Ткаченко. У Григория Яковлевича он научился контролировать себя, свои поступки. Позднее, узнав о гибели своего командира, Ткаченко решает стать летчиком, поступает в авиационное училище, а после окончания просит направить его в части Московского округа ПВО. Когда по состоянию здоровья врачи запретили ему летать, военный летчик первого класса майор Дмитрий Ткаченко переходит на штабную работу.

Все, знавшие Бахчиванджи, восхищались его мужеством, мастерскими воздушными атаками. В одном из боев на самолет командира полка подполковника Петра Михайловича Стефановского насело несколько фашистских асов. Было это недалеко от аэродрома, на виду летчиков полка. Основные силы полка находились на задании, вернулись лишь некоторые летчики, израсходовав боекомплект и горючее. В их числе был и Бахчиванджи. Пять или шесть летчиков не имело самолетов. Все

они смотрели в небо на невообразимую карусель, творившуюся там. Немецкие летчики гонялись за единственным советским самолетом, осыпали его градом пуль, но сбить не могли. Бахчиванджи, подходя к аэродрому, не заметил этой воздушной кавалькады, она в это время оттеснилась в сторону, спокойно сел.

Увидев, что творится в небе, Бахчиванджи взлетел, не успев заправиться, пополнить запас снарядов. Он с ходу врезался в кучу вертящихся самолетов и, прижав одного, выстрелил. Самолет грохнулся вниз. Стефановский увидел самолет Бахчиванджи и по экономному расходу снарядов понял, что Жора имеет их ограниченное количество. Бой длился недолго. Стефановский сбил самолет, наседавший на Бахчиванджи, а Жора сбил «Дорнье-215», стремившийся снизу полоснуть Стефановского. Потом, как-то сразу, мигом, фашисты исчезли. В воздухе стало спокойно и тихо: остановился мотор на самолете Бахчиванджи. Используя инерционный запас скорости, Григорий развернулся и посадил истребитель.

Летчики выволокли Бахчиванджи из кабины, дружно схватили, чтобы подбросить вверх, и вдруг обнаружили — Григорий ранен.

После этого боя Стефановский принял решение пред–ставить Бахчиванджи к званию Героя Советского Союза.

Вот почему так трудно было командиру полка расстаться с лучшим летчиком.

…Бахчиванджи становится полноправным членом творческого коллектива КБ. Его рабочий день начинался в кабинете Главного конструктора, продолжался — у двигателей. Именно ракетные двигатели (ЖРД) пока все еще с трудом поддавались управлению. Ведущие конструкторы–двигателисты Алексей Михайлович Исаев и Леонид Степанович Душкин проявляют необычное усилие воли. Двигатель становится главным звеном в подготовке к полету. Москва торопит с испытаниями. Обстановка на фронте требует нового оружия. Нужен скоростной истребитель–перехватчик. Создание нового самолета — это не стремление к рекорду скорости. Выигрыш в скорости на войне — это победа, тысячи сохраненных жизней. И он, Бахчиванджи, это понимал лучше других. Но Болховитинов ученый, а не кустарь. Создание нового непременно несет в себе движение в науке. Надо и создавать самолет, и двигать науку. А это так трудно. Может быть, не тратить энергию на выколачивание металла — пусть самолет пока будет деревянным. Пусть пока он будет в воздухе 3–5 минут, но будет быстрее фашистского, выше вражеского: высота — гарантия успеха в бою.

Бахчиванджи просит Главного начать стендовые испытания,

подготовку к полету самолета, готового к испытаниям в воздухе, а Главный уносится мыслями вперед, видит свое детище более совершенным, совершающим необычные рейсы. Болховитинов стремится войти в утвержденные характеристики. Главные: скорость — 800 км/час, тяга двигателя — 1100 кг. Хоть самолет и деревянный (сосна и фанера), надо сохранить малые габариты.

Зима принесла новые известия с фронта. Советские войска начали наступление. Враг отходит назад.

Производственное совещание — обычное, деловое совещание, где присходит уточнение заданий. Главный пришел в генеральской форме, которой еще ни разу не надевал здесь. Болховитинову 44 года. По взволнованности, по глазам, потерявшим усталость, исчезнувшим морщинкам люди поняли, что сейчас будет сообщено что-то важное, значительное.

Теребя пуговицы, срывающимся голосом сказал:

— Праздник у нашего народа. Мы начали освобождать свою Родину. Теперь нет такой силы, которая могла бы остановить советские войска. Вы не хуже меня понимаете, что очень нужен фронту наш самолет. Я буду просить Москву разрешить в марте летные испытания. Прошу вас, товарищи, сделайте все возможное.

Генерал всегда был краток, уравновешен, ровный, спокойный голос его не обретал металла даже тогда, когда случалось что-то непредвиденное, были ошибки, срывы. Конструкторы, инженеры, специалисты работали день и ночь. Каждый понимал свою роль и работал на совесть, на победу.

Бахчиванджи вел стендовые испытания, «вживался» в самолет. Виктор Федорович вспоминал:

«Так как на стенде должен был проверяться не только двигатель, но и баки, и трубопроводы, и управление двигателем, стенд был сделан как фюзеляж самолета, с расположенными в нем двигателем, управлением им, топливной системой, сиденьем летчика, приборной доской и бронеспинкой. На этом стенде отрабатывались двигатель и самолет — вместе.

После нескольких месяцев работы выявленные при испытаниях неполадки были устранены, и мы приступили к тренировке летчика. Бахчиванджи быстро освоил специфику запуска и управления тягой двигателя. Не раз проводил имитацию полета с полной выработкой горючей смеси. Но в одно из испытаний запуск с первой попытки не удался. Это случалось не раз и раньше. Бахчиванджи сделал повторную попытку запустить двигатель, и… будучи при второй попытке подожжена свечой, горючая смесь сдетонировала и разорвала камеру сгорания. Сопло улетело в озеро. Боковые стенки камеры

сгорания, как у снаряда, разлетелись в стороны. А массивная головка двигателя, в которой расположены форсунки, полетела вперед на баки с топливом и окислителем, разворотила их, ударилась в бронеспинку сиденья летчика, но ее не пробила. Все же от удара в бронеспинку Бахчиванджи так сильно бросило вперед, что он ударился головой о приборную доску. К счастью, удар был не очень сильный, и он только рассек себе бровь. Однако для нас — конструкторов — более важной, чем физическая травма, была травма психологическая. Все мы с большим беспокойством ждали его реакции на это происшествие, грозившее ему смертью, думали, скажет: «Да ну вас всех к черту! Доведите сначала двигатель, а потом уж будем говорить о дальнейших летных испытаниях». Был бы понятен его прямой отказ от дальнейших испытаний. Но не таков Григорий Бахчиванджи. Он не только не отказался от продолжения испытаний. Наоборот! Он был первым, ратовавшим за наибыстрейшее восстановление стенда и продолжение испытаний! А это требовало наивысшей храбрости».

Инженер по двигателю, боевой и активный помощник Л. Душкина и А. Исаева — Арвид Владимирович Палло о том дне вспоминал:

> «Взорвался двигатель. Отчего — установили потом. Тогда, конечно, я не успел ни о чем подумать: лицо залила азотная кислота, чем-то ударило в плечо. Хорошо, что глаза защищали очки, а то бы остался слепым. Помнится, мелькнула мысль: дышать нельзя, пропадут легкие. Тихонько шагнул к двери. Где-то она слева. И тут меня кольнуло: а Бахчиванджи? Как он, жив ли? В сарайчике сплошной дым, ничего не видно. Превозмогая боль, я ощупью протянул руку к креслу, нащупал воротник куртки, потянул. Летчик подался ко мне. Жив, значит. Сразу отлегло на душе. Не помню, как вытащил его из сарайчика. Очнулся в снегу. Лицо горело от боли.
>
> Пришли в себя, огляделись — мы в больнице. Травмы чувствительные: у Бахчиванджи разбило лоб, мелкие ожоги, у меня с лица слезла кожа… Забинтовали наши головы сплошняком, только из марли выглядывали глаза. Положили рядом на соседние койки…»

Пребывание Бахчиванджи в больнице открыло для окружавших людей новые, неизвестные доселе стороны его характера.

Как-то соседу по палате Арвиду Палло он сказал:

— Наша история удивительно богата. Вы удивитесь, если я вам скажу, что полет к другим планетам всегда был мечтой нашего народа. В июле 1924 года газета «Известия» опубликовала несколько писем крестьян деревни Дятлино. Хотите послушать?

Палло снисходительно кивнул головой. Григорий Яковлевич протянул руку и взял с тумбочки исписанные листы бумаги.

— Слушайте. «В последнее время, — читал он, — в газетах часто пишут, что ученые люди изыскивают разные способы сообщения с планетой Марс… Читая газеты, мы, крестьяне нашей деревни, крайне заинтересовались этим вопросом и после долгих разговоров и споров, во время которых было высказано много разных предположений для осуществления вышеупомянутой дели, надумали несколько планов, которые мы решили вам сообщить. Может быть, никуда они не годны, но, принимая во внимание наши мужицкие умы и нашу необразованность, вы нас извините.

Во–первых, если сделать громадный аэроплан. Но он, вероятно, не может полететь там, где нет воздуха. Для этого впереди пропеллера устроить две трубы или несколько труб, которые выпускали бы воздух и давали бы пропеллеру возможность работать. Для того чтобы воздух не улетучивался по выходе из труб, устроить такие аппараты, которые накачивали бы его обратно в тот же бак, где будет находиться запас воздуха. Это заключение от первого предложения.

Второе предложение. Возьмем пример с нашей планетой Землей. Она движется в безвоздушном пространстве, но окружена воздухом, который она к себе притягивает. А что, если устроить такой воздушный аппарат, который бы удерживал вокруг себя окружающий его воздух в достаточном количестве для того, чтобы двигаться в безвоздушном пространстве?

Для этого нужно знать, какие вещества обладают наибольшей способностью притягивать к себе воздух. Извините, что плохо написано и нескладно.

Адрес: Московская губерния, Дмитровского уезда, Сыньковской волости, деревня Дятлино.

П. И. Волков и М. И. Быков».

В один из вечеров, который Главный проводил у постели летчика, он увидел на табуретке книги Маркса и Энгельса. Виктор Федорович, желая удостовериться, протянул руку за

книгой.

Бдительный Бахчиванджи тотчас увидел и удовлетворил любопытство Главного.

— Люблю книги. Умирая, я буду сожалеть о том, что мало читал. Время, время. Его так не хватает. — И тут же спросил: — Вы читали ответы Карла Маркса и Фридриха Энгельса на вопросы анкеты «Исповедь», придуманной дочерьми Маркса?

— Читал, — ответил Болховитинов, не зная, что последует за этим вопросом. Напрягая память, он стал вспоминать анкету.

— По–моему, удивительная чистота отношений заложена здесь.

Бахчиванджи откинулся на подушку и умолк в задумчивости.

…Этот день должен был означать в истории авиации переход в новую эру безвнитовых летательных аппаратов. Он был определен Государственной комиссией — 15 мая 1942 года. Эта дата стала секретной в день ее определения. Ни пресса, ни летчики–испытатели, ни даже участвующие в полете не знали точного графика испытания. Свершалось чудо, а оно пока оставалось неизвестным для многих людей.

На аэродромы прибыли члены Государственной комиссии, фотокорреспонденты и кинооператор. Благодаря фото и кинокадрам уникальные моменты испытания «БИ-1» сохранены для истории.

Аппарат, его удлиненный нос, строгие формы, хотя он и был деревянным, отсутствие пропеллера нарушали привычные представления об обычном самолете.

13 мая, сделав несколько подлетов на «БИ-1», Бахчиванджи записал в журнале испытаний: «Подлет на полтора метра. Разгон плавный. Отрыв без толчка… К полету готов».

Незадолго до первого вылета, когда уже почти стемнело, Бахчиванджи решил начать пробежки по взлетной полосе. Самолета не было видно в темноте, он прослеживался только по яркому пламени за двигателем. На следующий день был выполнен подлет. Все обошлось хорошо. Опять заседала комиссия. Летчик, конечно, очень опытен, но самолет необычен. Беспокоила посадка с остановленным двигателем, так как при неточном расчете на посадку может получиться недолет или перелет.

Предполетная ночь была тревожной и бессонной.

Хмарь, низкие серые тучи плыли над аэродромом. К счастью, к вечеру небо очистилось, и утром, словно по заказу, засверкало солнце. Бахчиванджи весел, улыбчив, на прощание машет рукой. Нет привычных предпусковых команд. На землю ложится дикий, ни с чем не сравнимый рев. От страшного шума стоит звон в

ушах, вызывая какое-то тревожное чувство: выдержит ли эта деревянная коломбина мощь двигателя. Из сопла вытянулся на 3–4 метра огненный факел. Самолет сорвался с места и, ускоряя бег, побежал по аэродрому.

Председатель Государственной комиссии генерал-лейтенант ИТС В. Пышнов вспоминал:

> «Чувствуя, как разгоняется самолет, Бахчиванджи стал увеличивать угол подъема. С земли он казался уже совсем небольшим, но факел за соплом продолжал светиться. Высота более 1500 метров. Самолет делает разворот. Когда была описана почти полуокружность, факел исчез, из сопла вылетел рыжеватый дымок. Активный участок полета закончился. Прошло около минуты с момента запуска двигателя. Теперь самолет скользил бесшумно, медленно снижаясь и заходя на посадку. Приземление оказалось несколько грубым, и миниатюрные ножки шасси подломились. Сказалась особенность скоростного профиля крыла — малый угол атаки.
>
> …Вот самолет быстро остановился. Его опять окружили плотным кольцом. Летчика вытащили из машины и понесли на руках».

Вечером коллектив завода чествовал первого человека, поднявшегося на крылатой ракете. Праздник советского народа, всего человечества вместился лишь на небольшом аэродроме. Тогда так было Нужно. Над ликующей толпой транспарант: «Привет летчику Г. Я. Бахчиванджи, совершившему первый полет в новое». Сумели оценить по достоинству подвиг своего товарища ученые, инженеры, техники. Главный разрешил устроить ужин. Начпрод изловчился и достал десять килограммов колбасы. Неслыханный по тому времени подарок, хорошая добавка к ужину.

На следующий день в Москву пошло донесение об испытании первого в СССР реактивного самолета «БИ-1» и представление к награждению Бахчиванджи Г. Я. орденом Ленина. Командиры Бахчиванджи писали:

> «Тов. Бахчиванджи Григорий Яковлевич — летчик–испытатель, прекрасно владеющий техникой пилотирования на истребителях. Летает на всех истребителях, состоящих на вооружении ВВС Красной Армии, и на иностранных, как «Тамагаук», «Харрикейн», «Мессершмитт», «Хейнкель»… В своей летно–

испытательной работе всегда служит примером. Испытательные полеты т. Бахчиванджи отличаются тщательностью выполнения заданных режимов, аккуратностью записей и умением дать исчерпывающую оценку поведения самолета и мотора».

«Полет на данном типе самолета, — писал в официальном заключении Бахчиванджи, — в сравнении с обычными типами самолетов исключительно приятен, потому что перед летчиком нет винта, мотора, шума и выхлопных газов, которые попадают в кабину. Летчик сидит в передней части самолета, имея исключительно хороший обзор передней полусферы и значительно лучший обзор задней полусферы. Расположение приборов удачное, видимость их хорошая, кабина не загромождена, расположение управления агрегатами удобное. По легкости управления самолет стоит выше современных истребителей».

В январе 1943 года Бахчиванджи второй раз поднимает в небо «БИ».

И снова успех.

Москва придает серьезное значение доводке испытаний самолета Болховитинова и рассматривает проект нового самолета с двумя реактивными двигателями.

Бахчиванджи вызывают в Москву для доклада. Продолжать испытания самолета «БИ» поручено летчику Константину Груздеву.

Дублеры

Тогда, в 1942–1943 годах, это слово не было в ходу и не имело такого широкого хождения, как сейчас.

Самолет «БИ» готовится к серийному производству, к индустриальному потоку. Нужны были дублеры первого летчика–испытателя.

Первым летчиком–испытателем на «БИ-1» был утвержден выдающийся летчик Борис Николаевич Кудрин. Таково было желание Главного конструктора. Болховитинов знал Кудрина как одного из самых результативных испытателей НИИ ВВС.

Кудрин сразу включился в работу, как принято говорить, ушел в нее с головой. Он изучил конструкцию планера, систему управления самолетом, аэродинамику взлета и посадки самолетов такой конструкции. Обстановка торопит создателей. Чтобы ускорить работу, Кудрин предлагает поднять планер в

воздух. Так и сделали: «Пе-2» буксировал будущий «БИ».

В таком полете проверялись многие характеристики: устойчивость аппарата, эффективность рулей, планирующие качества.

Узнав, что Кудрин живет в Москве, я договорился с ним о встрече. Она произошла в канун его 70–летия — осенью 1967 года.

После поздравлений, естественно, разговор зашел о самолете «БИ».

— Полеты на первом в мире реактивном самолете, — сказал Борис Николаевич, — одно из самых памятных мне событий. Видимо, потому, что сопровождались известной долей риска. Во–первых, велика была скорость, приближавшаяся к неведомому ранее звуковому барьеру; во–вторых, один из компонентов горючего — азотная кислота обладала громадной разрушительной силой…

Видел я только последний полет Бахчиванджи, потому что очень долго пролежал в больнице. Когда смог ходить, еще с костылями и палками, выполз на аэродром. Катастрофа произошла у меня на глазах.

Бахчиванджи взлетел метров на 1500, развернулся на 180 градусов по направлению к аэродрому и стал набирать скорость. Скорость заметно увеличилась и по тому времени стала очень большой. Затем самолет неожиданно стал переходить в пике. Перешел в пике и так, не выходя из него, воткнулся в землю. Все, что осталось, — это столб грязного дыма. Горела азотная кислота.

Выздоровев, Борис Николаевич продолжал летать на «БИ», а вернее, остался единственным летчиком, который в совершенстве знал первый советский самолет с ракетным двигателем.

В одном из полетов Б. Кудрина на самолете «БИ-1» во время набора высоты воздушным потоком вырвало ногу шасси.

— В этот момент, — вспоминает летчик, — я был во власти только одной–единственной мысли — смогу ли удержать самолет так, чтобы он не опрокинулся.

После выработки топлива Кудрин повел машину на посадку. Но планирующий ракетоплан терял высоту быстрее, чем предполагалось по расчету.

— Я не видел аэродрома, — говорит Кудрин, — не мог даже определить, как далеко от него нахожусь. Подо мной был лес, среди которого просматривались площадки, свободные от деревьев. Попытаться ли сразу же выбрать площадку и посадить на нее самолет или тянуть до аэродрома? В первом случае почти наверняка авария, и новый самолет будет разбит. Я выбрал последнее, но должен признаться, что мучительные сомнения в

правильности решения не оставляли меня до последнего мгновения. В каждой уходящей подо мной свободной от деревьев площадке я видел свой последний шанс. Скоро наступит момент, мелькнула мысль, когда я ничего уже не смогу сделать, кроме как лететь только вперед по прямой…

И вот этот момент наступил. Высота стала падать, как мне показалось, с катастрофической быстротой. Земля приближалась. Теперь уже нельзя сделать никаких разворотов. И здесь я увидел впереди себя аэродром… Самолет был спасен.

Незадолго до катастрофы Бахчиванджи при испытании американской «Аэрокобры» погиб Константин Афанасьевич Груздев.

Он был вторым после Бахчиванджи, взлетевшим на самолете «БИ» с работающим двигателем.

Груздев служил в 402–м истребительном авиационном полку, был командиром эскадрильи, а затем, после того как отозвали Стефановского из полка, командовал полком. Летчики любили его за ровный, спокойный характер, за разумную удаль и считали его достойной заменой легендарного Стефановского. Всегда задумчивый, даже немного грустный во время активной боевой работы, в свободное время он любил шутку, посмотреть кино или посмеяться в концерте.

Костя рано лишился родителей. Беспризорничал, жил в детдоме, учился, проявив в науке упорство и талант, работал грузчиком, акробатом в цирке, там и научился владеть собой. В школу военных летчиков поступил с желанием, но с большой робостью. Приняли. И как только стал настоящим летчиком, понял, что, кроме летчика, он никем в жизни не мог бы стать. После школы служил в полку, воевал на Дальнем Востоке против японских захватчиков. Как лучший летчик был взят в НИИ ВВС, успел до войны испытать пять новых боевых самолетов.

Груздев был известным летчиком–испытателем, до самозабвения любил свою работу и даже досуг посвящал авиации: разрабатывал теорию летных испытаний, тактику воздушного боя. Это он впервые применил крен для уменьшения радиуса виража, освоил его, и в дальнейшем этот способ прочно вошел в боевую практику советских летчиков. За время участия в боях Константин Груздев сбил 19 фашистских самолетов, совершил около 300 боевых вылетов.

На фронте Константин Афанасьевич вступил в партию. О высокой результативности боевых вылетов Груздева ходили легенды. О нем писали газеты, а поэты написали стихи. Особенно было популярно стихотворение Щипачева «Истребитель».

В феврале 1943 года Константина Груздева не стало.

Все работы по завершению испытания «БИ-1» провел Борис Кудрин.

В архиве Болховитинова, переданном мне женой Виктора Федоровича Натальей Сергеевной и их сыном Олегом Викторовичем, я нашел речь юбиляра, произнесенную им на своем 70–летии. Отпечатанная на машинке на половине стандартного листа, она полна глубокого философского раздумья о прожитом и пережитом.

«На свою жизнь не могу пожаловаться, — говорил генерал Болховитинов, обращаясь к своим коллегам. — Она была трудной, в меру интересной, всегда отвечала моим внутренним склонностям и соответствовала потребностям моей Родины…»

Да, он всю свою жизнь посвятил нелегкому делу утверждения нового, повышению авиационного авторитета страны. Лишенный тщеславия и собственного выпячивания, он сказал это лишь потому, что хотел рядом с собой, с КБ, поставить летчиков–испытателей. «Если я и достиг каких-либо вершин в науке и самолетостроении, то этим я во многом обязан нашим прекрасным летчикам–испы–тателям, которые наравне с конструктором делят все достижения славы и успехов в работе».

Виктор Федорович возбудил ходатайство о присуждении Г. Я. Бахчиванджи звания Героя Советского Союза. Его просьба была удовлетворена, но он уже об этом не узнал.

Имена летчиков–испытателей, первыми поднявших в воздух самолеты с реактивными двигателями, вписаны в историю отечественной авиации. Все они принадлежат к славной плеяде крылатых богатырей нашей великой Родины.

Послесловие

27 марта 1943 года капитан Бахчиванджи уходил в седьмой полет на испытание скорости. 600 км/час — в то время эта скорость была предельной в авиации. Ученые надеялись сегодня на Олимп авиационных рекордов водрузить цифры 800 и 1000 км/час. Правда, никто не знал, как поведет себя самолет на этой скорости. Но как любой путь начинается с первого шага, так любое испытание начинается со встречи с неизвестными явлениями. Скорость самолета достигла 800 км, перешла заветную цифру, за самолетом исчез огненный хвост — отсекся двигатель. Теперь самолет становится планером, и, как обычно, летчик вел его на аэродром. Нельзя забывать, что посадить современный сверхзвуковой истребитель с узким профилем крыла — очень сложно. Все расчеты самолета «БИ» были сделаны

для скоростного истребителя. Спланировать на нем вообще-то было не очень легко. Но в этом, последнем полете после обязательного разворота самолет в плавном снижении шел к земле. Наблюдавшие полет заволновались: «Почему Жора не делает второго разворота, вираж?» Но самолет неуклонно шел вниз. Что-то случилось с летчиком? Через несколько секунд самолет врезался в льды озера.

Григория Яковлевича Бахчиванджи не стало. Так трудно было поверить в это. Только вчера он играл любимого Чайковского, веселый, бодрый говорил техперсоналу о большом значении новой машины для фронта. И вот Бахчиванджи нет. Начались холодные весенние дожди, погода основательно и надолго испортилась. Похоронили Бахчиванджи на краю летного поля, даже неживого его не хотели разлучать с авиацией. Прощались, как с солдатом.

Троекратно повторился салют. Прозвучал гимн страны.

Главный произнес речь:

«Многие из вас знали товарища Бахчиванджи более долгое время, чем мы… Мы узнали его тогда, когда он включился в нашу работу, которая таила в себе много неизвестностей и связанных с ними опасностей. Он встал в наши ряды смело, бесстрашно, с тем энтузиазмом борца за новое, которое необходимо для людей, проникающих в неизвестные человеком области. Он был не из тех людей, энтузиазм которых живет только до первой неудачи, первого происшествия, первой неприятности. Это был человек большой храбрости, вызванной не внешней обстановкой, а сознанием, волей, желанием и уверенностью в правоте своего дела…

Своим полетом он, сказав новое слово, сделал свой последний вклад в дело прогресса авиации и одновременно раскрыл те препятствия, преодоление которых избавит его последователей от повторения случившегося. Своей смертью он дал жизнь многим, И этого мы никогда не забудем».

И он сдержал свое слово.

Сейчас о Григории Яковлевиче Бахчиванджи знают все советские люди.

О нем написано много очерков, книг, снят документальный фильм, его подвиг лег в основу многих художественных кинолент. Именем Бахчиванджи названы улицы в Донецке, станице Бриньковской. Его именем назван один из кратеров на невидимой с Земли стороне Луны. Выпущена памятная медаль с отчеканенным изображением Бахчиванджи. В апреле 1973 года Президиум Верховного Совета СССР за героизм и самоотверженность, проявленные при испытании первых

советских самолетов с ракетными двигателями, присвоил посмертно Григорию Яковлевичу Бахчиванджи звание Героя Советского Союза.

Крылатые ракеты конструкции Болховитинова не появились на фронтах Великой Отечественной войны. Но полученные знания, быстрый рост советской науки и промышленности позволили перейти к созданию в ряде КБ реактивных самолетов лучших модификаций.

В 1945 году конструкторы Микоян и Гуревич создают самолет «МиГ-9». На цельнометаллическом моноплане с двумя реактивными двигателями была достигнута скорость 920 км/час.

Одновременно летчиком–испытателем Михаилом Ивановичем Ивановым был поднят в воздух другой отечественный реактивный самолет «Як-15» (КБ Александра Сергеевича Яковлева). Его коллектив создал на базе популярного в годы войны поршневого истребителя «Як-3» однодвигвтельный реактивный самолет со скоростью 800 км/час.

Плодотворно работал по созданию реактивных самолетов коллектив, возглавляемый Семеном Алексеевичем Лавочкиным. Здесь рождается самолет со скоростью 805 км/час.

Затем в 1947 году КБ Лавочкина создает первую в мире машину со стреловидным крылом. Этот самолет явился базовым в изучении устойчивости и управляемости самолета со стреловидным крылом. Скорость этого самолета уже была близка к звуковой. Следующая модель достигла звукового барьера и позволила нашим конструкторам, минуя серию экспериментов, перейти сразу к строительству сверхзвуковых реактивных самолетов.

Советские конструкторы создают новые варианты реактивных пассажирских самолетов. Особенно успешно работают в этом направлении конструкторские коллективы Андрея Николаевича Туполева, Сергея Владимировича Ильюшина, Олега Константиновича Антонова, Александра Сергеевича Яковлева.

Наши современные лайнеры поражают своей величественностью, изяществом, мощью, комфортом, превосходят все существующие пассажирские рейсовые реактивные самолеты США, Франции, Англии.

Работа над самолетом «БИ-1» не только косвенно повлияла на разработку космических летательных аппаратов и всевозможной ракетной техники. Многие из тех, кто начал работать тогда, стали ведущими руководителями при создании ракетной и космической техники.

И бомба, и стих!

Нарядные, в новых костюмах при орденах, солидные люди трогательно обнимались, подолгу держали друг друга в объятиях, по–юношески озорно хлопали по плечу, а некоторые, уткнувшись в грудь, плакали. Они вспоминали войну, друзей, не вернувшихся с поля боя, вспоминали годы, прожитые в солдатских шинелях.

Ветераны 10–го отдельного Краснознаменного ордена Суворова 3–й степени Московско–Кенигсбергского разведывательного авиационного полка собрались в Москву из разных городов нашей страны. Виктор Грубич из Люберец, Федор Борисов из Ржева, Виктор Кульвановский из Горького, Алексей Чекаловец из Красноярска, Олег Богданов из Рязани, Николай Щербатов из Минска, Яков Солдатенков из Серебряных Прудов…

— Саша, дорогой…

— Коля, неужто ты?..

— Михаил Григорьевич, поди, двадцать лет не виделись…

Неожиданные восклицания, сентиментальные нежности… Многие из них вышли на пенсию, многих до сих пор беспокоят фронтовые раны, а кое–кого нет уже в живых.

— Радистка наша Нина Казакова стала бабушкой! Ох, быстра жизнь! — сетуют ветераны.

И радуются:

— Илья Сафронов мечтал после войны облетать весь мир. Все-таки удалось. Ну и молодец!

— В Смоленском музее теперь есть целая экспозиция, посвященная нашему однополчанину военному штурману Василию Ефимовичу Горбатенкову.

— Это прекрасно, Василий достоин такой чести.

Василий Горбатенков! Чем он заслужил бессмертие в полку, в котором выросло тринадцать Героев Советского Союза?

Впервые я увидел эту фамилию, когда готовил к печати дневник комиссара полка Г. К. Дубинина. Уже тогда Василий Ефимович Горбатенков заинтересовал меня как человек незаурядный.

Я стал разыскивать его друзей, знакомых, однополчан. Удалось найти его дневник, который он вел с первого дня войны.

Наверху дневника была надпись «На память Софье Павловне (жена. — В. М.) и дочуркам Галинке и Ниночке». А вскоре я получил письмо от дочери Горбатенкова Нины Васильевны, которая сообщила мне адрес матери и сестры.

Потянулась новая ниточка поисков, давшая новые подробности.

«Я хорошо помню Горбатенкова, — писал мне из Смоленска М. Н. Гуревич. — Мы вместе учились в Смоленском пединституте на факультете языка и литературы. Василий Горбатенков обучался курсом старше. Его всегда отличали принципиальность в суждениях и полемический задор. В те годы среди студентов было немало лиц, пробовавших свои силы в литературе. Мы с удовольствием слушали стихи Николая Рыленкова и Василия Горбатенкова.

В жизни мне не раз приходилось встречаться с Горбатенковым, принимать от него должность редактора многотиражки. Мы вместе с ним работали в областной комсомольской газете «Большевистская молодежь». Одним словом, В. Е. Горбатенков человек в высшей степени положительный и талантливый».

Федор Иванович Царев, в недавнем прошлом главный редактор журнала «Советский воин», рассказывал:

— Мы жили в одном доме, учились в одном институте, дружили. Была у Василия высветленная душа, обладал он большой одержимостью, преогромной одухотворенностью. Увлекающийся, порывистый, талантливый, честный, работоспособный. Я помню его таким, но он глубже, чем я рассказал, интереснее. Всеми любимый, он был кумиром для юношей, божеством для девушек.

Накануне войны, в 1941 году, по инициативе В. Горбатенкова вышла книга «Горький в Смоленске». Он составил эту книгу и написал большую вступительную статью к ней, рассказывающую о пребывании А. М. Горького в Смоленске в 1899 году, о его связях с рабочими и интеллигенцией города. Статья написана живо, увлекательно и в то же время с привлечением большого документально–архивного материала.

В 1947 году книга была переиздана. На обороте титульного листа с левой стороны слова: «Составитель настоящего сборника В. Е. Горбатенков геройски погиб в Великую Отечественную войну 1941 — 1945 гг.» Так книга стала не просто частью памяти об авторе, но и своеобразным памятником ему.

На дискуссии по творческим вопросам, организованной Смоленским отделением Союза писателей в феврале 1941 года, В. Горбатенков высказался остро, полемично, по–боевому. Целый ряд мыслей, прозвучавших в его речи, не потерял своей злободневности и сегодня.

«Страстная полемика, — говорил Горбатенков,_ — свидетельство идейно–тематического и жанрового богатства и разнообразия творчества смоленских писателей.

Именно поэтому требуется разговор деловой, обстоятельный,

принципиально–объективный. Мы же выносим суждение о самом важном — о назначении и судьбе литератора. Писательство — это профессия, в которой заключено все: мысль и чувство, кровь и сердце. И напрасно некоторые присутствующие сетовали на мой призыв высказываться по существу, со знанием дела. Иначе как же мы будем обсуждать книги, отдельные произведения, в целом работу писателя!..

Мы подчиняем свой труд общегосударственному делу. И оценивать его должны с точки зрения государственной. Что делаем не так, плохо — надо исправить, правильно подсказать друг другу: как надо, а если получается хорошо — следует отметить, поставить в пример, гордиться удачей товарища. Такой, по–моему, подход необходим…

Критика — дело трудное… Тут требуется трезвый подход, без «перегибания палки» и назойливого навязывания своих ошибочных суждений другим. Здесь ссылались на авторитет А. С. Пушкина в области поэзии. Но он — авторитет не только в области поэзии, а решительно во всех областях искусства и эстетики. Я в данном случае сошлюсь на рассуждения гениального поэта о критике. Вот что говорил он в «Заметках о критике и полемике»:

«Критика — наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусства и литературы. Она основана: 1) на совершенном знании правил, коими руководствовался художник или писатель в своих произведениях, 2) на глубоком изучении образцов и на деятельном наблюдении современных замечательных явлений».

Итак, в критике должно руководствоваться знанием правил, коими руководствовался художник, заметьте: знанием правил писателя! — это превосходно сказано, — глубоким изучением образцов и деятельным изучением современных замечательных явлений, затем беспристрастием, желанием найти красоту в созданиях художника, только тогда мы будем в состоянии открывать красоты и недостатки в произведениях искусства и литературы».

В. Горбатенков дал отпор тем, кто нападал на пейзажные стихи Н. Рыленкова, считая их несовременными и ненужными.

«В центре литературного произведения всегда стоит человек, находящийся в определенных связях с отражающей его действительностью. Энгельс в свое время говорил, что эти связи определяют реальные представления людей «либо насчет их отношения к природе, либо насчет их отношения друг к другу, либо насчет их собственных свойств». Так вот, Рыленков в данном случае выражает свои представления «насчет отношения к

природе».

Разве пейзажная лирика нам не нужна! И о Фиксине говорят — «мелок», дескать, картинки с натуры. Вот еще Довод: подавай, мол, поэт, сразу большое полотно. А в этом ли дело! Вспомним великих: творили одновременно Лев Николаевич Толстой и Антон Павлович Чехов. Первый, вульгарно выражаясь, разворачивал свои полотна на десятки километров, второй набрасывал мазки, эпизоды. Толстой брал большую историческую тему, писал нередко о знаменитых личностях, второй рассказывал о будничных делах, писал о «незаметном» человеке. Каждый из них шел своим путем, но оба они гениальны, неповторимы, творчество и Толстого и Чехова есть отражение жизни минувшего века…

Вспомним, далее, Пушкина и, например, Тютчева. Он же по преимуществу — лирик. Что есть у него из больших поэтических созданий? Одна «Урания». Да и та не столь велика. А попробуйте зачеркнуть лирику Тютчева или, скажем, Фета. Не сделаете этого. Они природу великолепно чувствовали. Лирики проникновенные. И роль их в русской классической литературе значительна.

Вообще же говоря, смешно и нелепо отрицать пейзажную лирику. Стихи о природе нам очень нужны.

…Нам следует вооружаться не против пейзажных стихов, если они действительно стихами являются, а против безыдейных экспериментов и легкой прогулки по ответственным темам нашей действительности. Современный писатель не чужд всего прекрасного в жизни, а прекрасное, как сказал Чернышевский, есть сама жизнь, и он никому не позволит отнять у него право на поэтизацию природы. Мы гордимся величием нашей героической эпохи, щедро предоставившей нам безграничные возможности для проявления собственных свойств, интеллекта, эстетических принципов и дарований. Поэт–лирик, живописующий природу с точки зрения восприятия ее новым советским человеком, есть вполне современный поэт, а поэт, не понимающий происходящих событий, не получит признания и титула современного поэта…

Это, впрочем, относится не только к поэзии. Возьмите такого писателя, как Михаил Михайлович Пришвин. Он в нашей литературе настоящий природовед. Его пейзажи очаровательны. И, кажется, больших общественных вопросов он в своем творчестве не касается. А попробуйте на этом основании сказать, что он не современный писатель. Не скажете того.

Неправомерно также обвинять писателя в том, что он преимущественно или даже исключительно разрабатывает историческую тему.

Из зала донесся голос:

— В чем же тогда его современность?

— А в том, — отвечал Василий Ефимович, — как он, в какой исторической интерпретации преподносит эту тему. Раскроет ее с наших позиций, в аспекте марксистско–ленинского истолкования исторического процесса — обрадует советского читателя, не справится с этой задачей — погрешит против правды, исказит действительность. Вот «Правда» на днях положительно оценила «Севастопольскую страду» Сергеева–Ценского. Эпопея эта, как известно, отражает прошлое нашей Родины — Крымскую кампанию 1854–1855 годов. А большой художник, каковым и является Сергеев–Ценский, так рельефно осветил этот трагический период русской истории, так глубоко и правдиво показал героизм русских моряков, силу самого народа, что произведение его звучит вполне современно…

Теперь поставим вопрос так: что крепко на ноги ставит поэта? Его собственный поэтический стиль, лексика, приемы разрешать темы. Мы легко отличаем на слух пушкинский стих от некрасовского, некрасовский — от тютчевского, тютчевский — от брюсовского, не говоря уже о стихе Маяковского. Здесь дело не только в тематике и в самой интонации, во всей инструментовке и архитекторских свойствах стиха…

Найти свой поэтический путь, поставить свой поэтический голос, определить свое рабочее место в поэтическом строю — дело нелегкое. И кому удалось это сделать — хвала и честь ему. Он уже, стало быть, взял первую крепость, за которой последуют новые победы…»

Далее В. Горбатенков обратил внимание на то, что поэтам необходима не только литературная, но и социальная грамотность. Он критиковал одного молодого поэта за легкость подхода к теме.

«…Жизнь проходит мимо него, и потому в его стихах много претензий, апломба, ложной аффектации и весьма мало шорохов и запахов самой жизни. Этой болезнью мы все в какой-то мере переболели и еще болеем. И меня справедливо упрекают в излишней патетике, и мне надо нащупывать новые тропы, и я их, чувствую, нащупал, но речь-то идет об отношении к жизни.

— А у Маяковского мало патетики? — заметил кто-то из слушателей.

— Эх, куда хватили! Маяковский… Маяковский был явлением исключительным, еще до конца не освоенным и не осознанным нашей критикой. Быть может, потребуются десятилетия для полного, всестороннего раскрытия его волнующего, неповторимого наследства. Мы были бы необычайно счастливы, если бы умели так глубоко и поэтически сильно

писать о современности, как писал Маяковский. И его патетика — образец революционной агитки, а не скольжение по поверхности темы.

Что же получается у этого поэта! Когда он пишет о павшем на финском фронте бойце, он не раскрывает характер и смысл героизма этого человека, а только именует его храбрым и мужественным и начиная с заглавия крикливо убеждает читателя в каждой строфе: «Я видел сам…» Подумаешь, доблесть какая, всенародно похвалиться, что он видел сам, как был убит один из защитников Родины!.. Читатель этому не верит, читателю просто стыдно читать такие стихи, он про себя думает: «Отойди от меня, хвастун этакий…»

Все, должно быть, читали в первом номере «Литературного современника» очерки ленинградского поэта-орденоносца Бориса Михайловича Лихарева «Записки сапера». Автор записок прошел всю финскую войну в качестве командира саперного взвода. Он не раз видел лицом к лицу смерть, трогательно описывает гибель своих товарищей, в частности молодого талантливого поэта Арона Копштейна. Это он действительно сам видел. Саперам трудно доставалось. Они прокладывали дорогу и пехоте, и артиллерии, и танковым войскам под ураганным огнем неприятеля. Но что-то не чувствуется в этих записках авторского ячества, хвастовства. Ему веришь, потому что он рассказывает правдиво, объективно, скромно. Чувствуешь, что перед тобой порядочный гражданин социалистического государства, хороший писатель–патриот, боец. Записки написаны неровно, местами торопливо, а начнешь их читать и не бросишь, они захватывают, волнуют, в них великая правда событий».

Возражая тем, кто выступил против его стихотворений «Пробуждение» и «Смена пейзажа», как не имеющих отношения к нашему времени, В. Горбатенков сказал:

«Не претендую на мастерство, мало еще сделал полезного для литературы, все еще учусь, но, когда говорят неправду, молчать не могу. О «Пробуждении» говорили много. Все, кажется, признали, что оно вполне современно и даже, говорят, написано здорово. А вот «Смену пейзажа» напомню:

Выходишь в ночь. Прислушайся и внемли
Совиным крикам, шорохам травы.
Замшелые болотистые земли
Полынью дышат. Старики правы:
Здесь жили бедно. Что ни шаг — берлога.
Ютились все: и человек и зверь.

Со временем шоссейная дорога
Прошла насквозь. Потом сельхозартель,
Постройки, школы, мостовые дуги.
Сеть телефонов. И на речке — пляж.
И жители решили на досуге:
Здесь на глазах меняется пейзаж…

Думаю, под таким стихотворением не поставите дату дореволюционного времени…

А теперь позвольте прочитать стихи другого направления, чтобы кое-кто не подумал, что только пейзажной лирикой занимаюсь. Называется стихотворение «Первый прыжок».

Июньское утро. Аэродром.
Взлетаем по знаку стартера
И, круг очертив темно–синим крылом,
Даем максимальную скорость.
По курсу несемся вперед и вперед,
И разом — все выше и выше.
От гула мотора дрожит самолет,
И плоскости ветер колышет…»

Когда он кончил читать, раздались аплодисменты.

Итак, Василий Ефимович Горбатенков был критиком, исследователем, поэтом. В 1940 году в Смоленске был издан его поэтический сборник «Мужество». В нем тридцать стихотворений, различных по форме, темам, поэтическим интонациям. Но все они пронизаны единым идейным пафосом, характерным для жизни страны в предвоенные годы. Стихи В. Горбатенкова также говорят о том, что он жил интересами, радостями и заботами своего народа. События гражданской войны, строительство новых городов, шахт, заводов, рекордные полеты советских летчиков, массовое увлечение авиацией и парашютным спортом, международная напряженность, связанная с начавшейся фашистской агрессией, — на все это чутко откликается поэт.

Он немного успел сделать, его главные книги остались ненаписанными, но оставшиеся выступления, стихи, дневниковые записи говорят о нем, как о человеке большой культуры, патриоте своей страны. Особый интерес представляет его дневник военных лет.

23 июня

Радио сообщает о ходе войны. Враг оказался сильнее, залез в бронированные туловища самолетов и танков, взрывает нашу землю у западной границы. Институт на военном положении. Но работа не прекращается. Идут экзамены, читаются лекции.

26 июня

Война идет по нашей стране. Ее смрадное дыхание ползет по нашим городам и селам. Советская земля в огне. В степях Украины и в лесах Белоруссии — несмолкаемый грохот. День и ночь идут эшелоны на восток — женщины, старики и дети эвакуируются в глубь страны. За этими поездами охотятся воздушные пираты Геринга.

Смоляне рассматривают кровавые следы первого «визита» фашистов. Бомба в тысячу килограммов упала на деревянный дом, разнесла его в щепы, вырыла огромную воронку, в которую свободно может вместиться жилое строение, снесла в овраг три одноэтажных домика и крышу с двухэтажного здания детского сада. У развалин рыдает полуголая женщина, рядом окровавленный труп — бездыханное тело ее 17–летнего сына. Жители освобождают из-под груды камней и бревен раздавленное тело старика…

Горбатенков, ошеломленный увиденным, тотчас едет в райвоенкомат. У дверей вооруженные посты. В коридорах, на лестнице люди, угрюмые, по–деловому сосредоточенные, спокойные и деловитые.

Горбатенкова поражает такое спокойствие, полуденная размеренность.

— Товарищ майор, — обращается он к райвоенкому Чернецову, — прошу вас немедленно направить меня на фронт.

Чернецов долго и пронзительно смотрит на очередного нетерпеливого посетителя. Сколько их проходит за день! Четвертый день войны, а их тысячи.

— Не могу, — устало говорит майор. — Подождите до особого распоряжения.

— Я пойду в облвоенкомат.

— Не надо ходить. Не мешайте работать. Обстановка меняется очень быстро.

Обстановка действительно меняется довольно быстро.

Ночью поступил приказ вывести студентов педагогического института на строительство оборонительных сооружений. Преподавателям, желающим уйти на фронт, явиться в военкомат.

Всю ночь, растянувшись, колонна студентов шла в район

Ляды, где предстояло рыть противотанковые рвы, траншеи, бомбоубежища.

Утром на попутной машине группа преподавателей возвращается в Смоленск. Ночью фашисты вновь бомбили город.

Над городом дым, горят жилые дома, учреждения, заводы. Нарушено движение. Весь транспорт мобилизован на вывоз раненых. Улицы Пролетарская, Почтамтская, Университетская разрушены. Удушливый запах гари неподвижно висит над центром города.

15 июля

Светает. Небо чистое. В районе Красного Бора и Гнездова бьет артиллерия. Выстраиваемся по магистрали Москва — Минск.

Из уст в уста повторяется страшное слово «отступаем». Куда же?

На Ярцево. Стоим на горе западнее Гедеоновки. Далеко видно кругом. Весь верхний район старинного города подпоясан высокой Годуновской стеной. Острые шпили кремля отдают позолотой в лучах восходящего солнца. Там тянется к Молоховским воротам крутая Советская улица.

Левей, на Козловской горе, асфальтом блестит Красногвардейская… Вот башня и через овраг напротив двухэтажный бревенчатый дом № 55а. Там все мне знакомо, все дорого, мило.

Холодно было, сыро, дров не хватало, рвались водяные трубы, обрывались электропровода, но ведь это житейские мелочи, временные неполадки, они забывались. Смывались радостью жизни.

…Мысленно вхожу в квартиру. На меня смотрят любимые книги, я вижу тома полного собрания сочинений классиков русской и зарубежной литературы, мне шепчут страницы неизданных рукописей, еще пахнет свежей типографской краской выстраданный сборник «Горький в Смоленске», волнуют сердце «стихи мои, свидетели живых» всех бедствий и радостей, собранные в книжке «Мужество»…

Я всегда любил тебя, город!

Но сегодня, в сей утренний час я люблю тебя крепче и так, как не любил никогда. И буду я драться, где бы и как ни пришлось, до последнего вздоха, за тебя, мой Смоленск, воспитавший и пустивший меня в широкую жизнь.

Василий Горбатенков был четвертым в большой семье рабочего–железнодорожника. Родился 2 октября 1910 года в железнодорожной будке вблизи станции Катынь. Отец проработал на железной дороге тридцать три года, на ней и умер от разрыва

сердца, обходя станционные пути.

Мать на той же дороге двадцать пять лет была барьерной сторожихой.

С наступлением белополяков транспортники были мобилизованы для отпора врагу, и начались, как написал Горбатенков в своей автобиографии, «железнодорожные мытарства». Жили в вагонах, переезжали со станции на станцию, голодали. Вася пас скот в деревнях, учился, писал свои первые стихи.

В 1929 году Горбатенков поступил в Смоленский педагогический институт. Учился, работал, помогал младшим сестрам и брату. По окончании института в 1932 году горком партии направляет его на швейную фабрику редактором многотиражной газеты «Большевистский путь».

В 1933 году его призывают в Красную Армию. Василию хотелось стать летчиком, он мечтал о Качинском авиационном училище, но его послали в школу авиаспециалистов, из которой он вышел воентехником 2–го ранга.

После службы в армии он возвращается в Смоленск и включается в литературную жизнь. Руководит литкружками, выступает на диспутах, ездит с агитбригадами, сам пишет стихи и критические статьи.

Его отзывают на работу ответственного секретаря областной газеты, потом назначают заместителем редактора газеты «Большевистская молодежь». Он преподает литературу и русский язык в десятых классах, в педагогическом институте, готовит к изданию свои книги, принимает активное участие в деятельности областного отделения Союза писателей, занимается научной работой — изучает творчество Максима Горького.

Профессор Даниил Иванович Погуляев, который помогал Горбатенкову собирать материал для книги «Горький в Смоленске», так вспоминал о нем в своем письме ко мне:

«В. Е. Горбатенков производил очень хорошее впечатление. Ростом он был выше среднего. Красивый, стройный. Неотразимо симпатичный. Улыбка его была приятной. Всегда был приветливым. Когда я с ним познакомился, он был юношей, казался совсем молодым. При встрече и разговоре с ним я любовался и внешностью и какой-то внутренней красотой. Глаза у него были ласковые, умные».

И снова записи из дневника:

19 июля

Эта ночь напомнила прошлую. До рассвета гремели зенитки, небо расчерчивали прожекторы. Мы возили боеприпасы по

совершенно светлой дороге.

Утром — незабываемо радостный случай. Связной самолетик «У-2» возвращался на свой аэродром. В пути его атаковал «Мессершмитт-109». Когда фашист ринулся с высоты, чтобы без промаха расстрелять безобидный фаэтон, «уточка» прижалась к земле с замедленной скоростью. Просчитавшийся воздушный пират врезался в землю. И летчик был прав, шутливо доложив командиру: «Товарищ полковник, я все-таки вышел победителем. Одним фашистом меньше стало, факт…»

23 июля

Партбюро решило издавать газету. В редколлегию вошли: орловец Кондратов, минчанин Контуш, смолянин Буевич и я, назначенный редактором. Мы решили на

звать свою газету «Боевые, крылья». Это созвучно духу нашей авиации.

27 июля

Пыльно и ветрено. Небо гудит. Бьют зенитки. Из Вязьмы Буевич привез записку: «Здравствуй, Вася. Прочитал в «Красноармейской: правде» твое стихотворение. Молодец. Я работаю комдадсаром отдельного батальона. Рад буду встретиться. Привет. С. Песляк».

9 августа

Ночь. Звезды. Тишина Мы лежим у палаток и за думчиво смотрим в бездонно синее небо. В памяти встают картины русской природы, родные до боли, близкие с детства места, где все — от каждой кочки до кустика — было твоим и общим, мильем, заманчивым, кровным. Там жил ты, там бегал мальчишкой, рос и учился, набирался здоровья и сил вместе с поднимавшимся к солнцу цветком и стройной русской березкой. А теперь там ступает поганая нога кровавых садистов, и выжжено все, и разрушено все до основания…

Никому не сломить государства, скрепленного, словно крепкой бронею, четырьмя буквами русского алфавита — СССР. Ведь недаром же один из лучших представителей немецкого народа — Фридрих Энгельс однажды заметил, что скорее можно русских расстрелять, чем заставить бежать с поля боя.

11 августа

Лес. На лунной дорозкке серебрятся листы осины. Приятен запах сосны и березы. В звездном небе плывет бомбовоз. «Наш», — говоргет лейтенант. И словно в подтверждение этих слов,

четырехмоторный корабль начал сигналить зенитчикам зелеными ракетами. Вдоль дорожки тянется провод — полевой телефон. Нас то и дело останавливают часовые. Здесь аэродром. Огибая сосновый бор, проезжаем к ржаному полю и, пересекая его, попадаем в ельник — штаб передовой комендатуры. Немного отдохнув, позавтракав, приступаем к делу. Лейтенант Силаев, москвич, назначеш начальником штаба передовой комендатуры, Старший: лейтенант Огурцов, призванный из Екимовического района Смоленской области, — комендантом аэродрома, я — начальником техчасти. День прошел в заботах о доставке баллонов сжатого воздуха к самолетам нового аэродрома.

12 августа

На рассвете начался воздушный бой. Четыре «Хейнкеля» атаковали скоростной бомбардировщик. Неожиданно вынырнув из-за облаков, они бешено застрочили по мирно плывущему «СБ». Над нами висит двухмоторный родной самолет, объятый растекающимся пламенем.

Выскакиваем на поляну, и нашим глазам открывается трагически яркая картина: падающий в огне самолет и летящие черные точки, отделившиеся от горящей машины. Грохот. Выстрелы. Взрыв. Кроваво–желтое пламя и черный столб дыма. Одна точка врезалась в землю, другая развернулась: на стропах повис человек. Фашистский самолет пикирует и дает подряд две очереди из пулемета по парашютисту. Он безжизненно падает, ноги поджаты, руки бессильны, глаза мертвенно–белые, по виску струится алая полоска крови, парашют в красных пятнах. Вся спина летчика изрешечена пулями. Стрелок-радист погиб в огне, нашли лишь одну обгорелую руку. Штурман не раскрыл парашюта.

К нам подошел старик колхозник и дрожащим голосом произнес: «Граждане, товарищи военные, там, во ржи, человек упал… Наш, видать, командир…» Так в это августовское сочное хлебное утро на опушке леса, близ деревни Уранино Дорогобужского района погибли трое советских людей — участников Великой Отечественной войны с кровожадной фашистской нечистью.

15 августа

Все залито солнцем. Золотится высокая рожь. Звонко журчит ручей, а издалека жужжат снаряды. Один за другим приземляются самолеты. Молнией скользнул по небу «Хейнкель», провизжал и оставил за собой черную струю дыма, «пикнул» на приземлившийся «ЯК», строча из пулеметов и пушки. Старший

лейтенант Иванов еще не успел снять парашют — его возле самолета ранило осколками пушечного снаряда. Порубило левую ногу. Техник машины тоже ранен. Взлетели наши истребители — черный коршун мгновенно скрылся.

Раненых привезли в лагерь комендатуры. Медицинские сестры волнуются. Это их первая помощь, и они хотят оказать ее образцово,

22 августа

Из Спас–Деменского района — в Восходский. Слузна, Шиловка, Глотовка… Леса, болота, овраги. Здесь сорок лет тому назад родился талантливый русский поэт Михаил Васильевич Исаковский, чьи звонкие стихи и песни знает вся советская земля. Едешь вот по этим местам, и вспоминаются стихи поэта:

Каждый день суров и осторожен,
Словно нищий у чужих ворот.
Был наш край от мира отгорожен
Сотней верст, десятками болот…

На первой трехтонке распласталась «Яковская» плоскость, на второй — мотор и фюзеляж с хвостовым оперением. Во Всходах нас окружает толпа людей, просит рассказать. И так в каждом селении. Ночью прибыли в Вязьму. В городе порядок и суровость фронтовой обстановки. Зловеще торчат развалины домов.

28 августа

Что делается в воздухе!.. Бомбардировщики в сопровождении истребителей атакуют наши наземные части, им преграждают дорогу краснозвездные молнии. Грохот и треок, вражеский «Юнкере» врезался в землю. За ним падает «Мессершмитт». А остальные полезли в облака. Их там клюют наши «ястребки». Гадам не укрыться и в тучах над советской землей!

29 августа

Привезли газеты. С жадностью набрасываемся на «Правду», «Известия», «Комсомолку», «Красную Звезду». Хороши статьи А. Н. Толстого. Превосходен Илья Эренбург.

1 сентября

Ночь… Трудно ехать без света. Иван Павлович Жиров осторожно ведет трехтонку по правой стороне автотрассы. В

мутном небе гудят фашистские бомбардировщики — летят на Москву. Зенитчики угощают их огнем и металлом. В деревне Сатарая остановились на ночлег. В крайнем доме нас любезно встречает старушка. Попив крепкого чая, ложимся спать. На стене, оклеенной газетами, я прочитал: «Железная сила содружия» — моя статья в газете «Большевистская молодежь» о военных стихах В. В. Маяковского.

10 сентября

Ельнинская земля в огне. Перемешанная с металлом и кровью, она щедро принимает изуродованные трупы фашистских убийц. Наши войска теснят гадов. Давят их танками и рвут на куски снарядами. Скоро, скоро придет им конец на этом плацдарме огня и железа.

Ворота для фашистов будут закрыты.

11 сентября

Лес. Тишина. Падают листья. Веет осенней прохладой. Кажется, никого нет. Между тем под землей кипит жизнь: звонят телефоны, отдаются приказы, проводятся политбеседы. У дежурных машин летчики, техники и мотористы читают армейскую газету «За Родину», фронтовую — «Красноармейскую правду», поступившие за несколько дней «Правду», «Известия», «Комсомольскую правду». Кто-то принес несколько книжек, в их числе был альманах смоленских писателей «Родина». Один из летчиков читает вслух стихи, и я слышу родные мне строки. «Да будет прославлена Родина–мать» по просьбе собравшихся читается дважды. Никому невдомек, что здесь, рядом, под густою подонхайскою елью, стоит взволнованный автор.

29 сентября

По Семлевокому тракту въезжаем в Вязьму. Вечереет. Надо ночевать.

Идем в обком партии. Встречаем Власова, Чатченкова и других смолян. В НКВД нашел Гуревича и Соколова. Вечером, часов в десять, встреча в редакции «Рабочего пути». С большой радостью встретила меня бывшая ученица 3–й средней. школы, студентка третьего курса факультета языка и литературы Смоленского пединститута Вера Кисловская. Рад я видеть свою воспитанницу. Горькие вести передала она мне: много смоленских вузовцев погибло в плену фашистских палачей. Мы молча почтили их память и мысленно поклялись жестоко отомстить врагу.

5 октября

«Хе» и «До» сегодня висят над дорогами, взрывают воздух и землю, уничтожают жилища, людей и животных. Вот они заходят строем в пятнадцать штук и один за другим устремляются вниз, затем второй эшелон, превышающий численно первый, повторяет все снова… И так без конца. А по тропинкам, проселочным дорогам и трактам, по лесам и полям идут и едут, движутся пестрыми, нервно раскачивающимися волнами жители окрестных селений. Падают убитые и раненые, мечутся, спасаясь от бомб, женщины и дети. Стон, крики, плач… И мчатся машины, грохочут танкетки, тракторы, проносится кавалерия. Артиллеристы тащат орудия, снаряды, трофеи. Пепельное облако пыли висит над дорогой. Народ и армия отступают. А над ними грозными волнами барражируют «Хейнкели» и «Мессершмитты», поливая свинцовым дождем дрожащую землю. Обочь дороги лежат ребятишки: их трое — два мальчика и девочка. Алые струйки крови окрасили серую пыль и пучки придорожной травы. Мальчик лет семи лежит лицом к небу, разбросав ручонки, с полуоткрытым ртом, словно он хочет что-то сказать нежно–простое и мудрое. Девочка уткнулась личиком в пыль, поджала ножки, сложив лодочкой руки, выбросив их вперед. Красная полоска горячей крови стекает по шее на землю. Вражеская пуля попала в детский затылок.

Ельненский тракт. Лес. Вечереет. Справа разрывается бомба. Трещат могучие сосны. Глухой шум далеко катится по лесу. Стучат пулеметы. Это разносится их клекот. Черт с ними. А больно, ох как больно отступать! Но будет время, мы заменим этот глагол словом «вперед», и тогда худо придется врагу — припомним все: и наши отходы, и детскую кровь, и зарево новых пожаров…

Едем всю ночь. Становится холодно. У деревни Максименки устанавливают дальнобойные орудия. Небо позади в огне…

6 октября

Вязьма… Развалины. Пепел. Воронки. Над элеватором висят немецкие бомбардировщики. Грохот и гигантские столбы взорвавшейся земли. Магистраль Москва — Минск под обстрелом. Впереди нашей машины разрывается бомба. Под откос летят осколки грузовика и куски человеческого мяса. Ни стона, ни крика — ужас отнял язык.

…С шофером А. Нестеровым направляемся в разведку. Аносово — Гашено — Вырубово — Большие Ломы. Немцы бомбят. Выскочивший из облаков «ИЛ-2» первой же очередью вогнал фашистского бомбардировщика в землю. Вскоре вся колонна

двинулась на Царево Займище. Вот оно, древнее село русское, где в критическое для Отчизны время, 129 лет тому назад, 30 августа 1812 года, по–солдатски одетый фельдмаршал М. И. Кутузов появился перед полками. Отсюда 67–летний полководец повел свою армию на Гжатск. Главнокомандующий знал неприятеля и, последовательно нанося ему раны, уводил свою армию в целях ее сохранения.

Кто знает, может быть, и теперь, обращаясь к памяти Кутузова, мы воскрешаем маневры фельдмаршала, чтобы потом из глубокого тыла там, под Москвой, опрокинуть врага.

12 октября

С шофером Мишевым — в Кубинку. Нужны тракторы. Путь пересекли «Юнкерсы». Падают бомбы. За взрывами бомб следуют пулеметные трели.

28 лет тому назад русский человек поручик Поплавко поставил в гондолу «Фармана» пехотный пулемет «максим». Толкающий винт самолета, расположенный позади коробки крыльев, позволил вести огонь из гондолы вперед и со стороны. Через два года после этого опыта русского поручика француз Гарро и голландец Поккер, работавший по заданию немцев, создали пулеметы для стрельбы через вращающийся винт. И вот теперь, в Отечественную войну советского народа с гитлеровскими ордами головорезов, каждый взрослый и малый видит и слышит свинцовый разговор в воздухе. Теория и практика воздушной стрельбы стали чудовищным средством истребления и разрушения в воздухе и на земле.

14 октября.

Изумительный, яркий, золотой день суровой, военной осени! Мы держим путь на Москву. Шоферы волнуются. Многие из них никогда не были в столице. Теперь придется самим вести фронтовые машины по городу–богатырю. Москва у всех на устах. Воспоминания, рассказы, советы… На несколько километров растянулась колонна по трассе. Навстречу грохочут танки, тракторы, тянущие пушки, машины с боеприпасами. Слева и справа шоссе в направлении к фронту вытянулись дула дальнобойных и противотанковых орудий.

Многое видела Москва, многое ею пережито. И войны, и голод, и пожары, и чума — все висело над ней, все хватало ее за горло, все давило, морило, подкашивало. А она побеждала. И выпрямлялась. Залечивала раны.

Комсомольцы едут на фронт… Мы подхватываем их песню — нашу песню. Медленно движемся к столице.

18 октября

Дождь идет, низко летят «И-16»… На станции разрушена школа. Вражеская бомба попала в самое здание. На полу, в грязи на улице валяются книги… Томики Пушкина, Лермонтова, Байрона, а «Война и мир» Л. Н. Толстого повисла на развороченной раме. Гоголь, Достоевский, Маяковский… На столе раскрыта брошюра: М. Горький. «Если враг не сдается — его уничтожают!».

27 октября

Холодно. Замерзают руки и ноги. Проехали Бронницы, Коломну, Шураво–Луховицы. Стоим в Дяшлеве. Крутим жгуты из соломы. Раскладываем костры. Отсюда видна Рязань — город, принявший первым из центральных русских городов удары татар в XIII веке. Рязанцы тогда заявили врагу: «Лишь когда никто из нас не останется в живых, тогда все будет ваше!» Сейчас банды фашистов рвутся к Рязани, чтоб с глубокого тыла ударить по Москве. Рязанцы, верные клятве своих героических предков, выполняют и теперь воинский долг перед Родиной: враг не пройдет!..

А он лезет, бросается на город с воздуха. Вот загремела, треснула, разорвалась земля. К облакам поднимаются столбы густого, черного дыма. Стервятник уходит, вдогонку за ним направляются «МИГи».

Через два часа на наш аэродром сядут бомбардировщики. Торопимся, над нами разворачивается «уточка». Приземляется у самой дороги. Из кабины вылезли капитан и полковник — командир 38–й САД (смешанной авиационной дивизии). Приказание: немедленно приступить к делу.

Великолепно!

1 ноября

С утра до вечера гудят бомбардировщики. Летают! Летчики и техники уже сутки находятся на аэродроме. Им подвозят горячую пищу: возле самолетов, у костра в березовой роще эти люди завтракают, обедают и ужинают, не заботясь о тепле, уюте. Они получили ответственное задание — разрушать коммуникации врага в районе Калуги — и делают все необходимое, чтобы выполнять его с честью.

БАО весь на ногах. Работа спорится. Согласованность в наших действиях враг почувствует на своей шкуре.

16 ноября

После обеда — событие: подали мне сразу шесть открыток от Сони, и какая же меня радость охватила! На одной из них я увидел контуры милой ручонки Галюси! Родная моя девочка! Как, должно быть, старательно, с нежной любовью ко мне, расправляла ты свои пальчики на желтоватой открытке, которую за несколько тысяч километров доставит почта до фронта! Вот и семью нашел! Одной раной меньше. Но где же мать, сестры, родные?

2 декабря

Меня радушно приняли в колхозном доме. Николай Андреевич Ершов, работник депо станции Коломна, побывавший в плену у немцев в годы первой мировой войны, с ненавистью рассказывает о нравах «арийцев». А ведь тогдашние немцы были скромнее, человечнее современных фашистских бульдогов.

Ольга Андреевна любит слушать рассказы. Дочь Оля и сын Сережа допоздна читают газеты — мать хочет знать все, что делается на фронте. Она жадно ловит каждое слово, и нередко по лицу ее катятся крупные слезы — женщина не в силах сдержать горечь обиды за муки, страдания и гибель советских людей. И она говорит мне: «Кажется, руками бы всех задушила, до чего они мерзки, проклятые…»

4 декабря

Морозная полночь. Над деревней луна. В избе тепло и уютно. Хозяйка и дети спят. Я один у керосиновой лампы. Да еще большой серый кот, так легко прыгающий через веревку, мурлычет у меня на коленях.

В такое время приятно предаваться воспоминаниям.

Сейчас вот зима. Снег. Кругом запорошенные леса. Ничто не взрывает ночную тишину. А пройдет часовой за окном — скрипучий снег как бы вызывает отдаленный винтовочный треск, переходит в орудийный гул, и встают перед взором гремящие танки, дальнобойные пушки, гудящее небо над Ельней. И люди, чудесные русские люди выходят на поля из дыма, огня и железа…

Вот стоит он, высокий, худой, просто одетый пилот. Ему 22 года. А воюет он с немцами с первого часа войны. Не расстается с боевым истребителем. Летает почти ежедневно. «Мы — вязниковские, из Ивановской области», — говорит он с ударением на «о». Воевать ивановцы могут.

Да, это доблестный сын вязниковцев. Пролетарская честь в нем жива. Она непобедима и сильнее смерти.

Товарищи зовут его дружески Иван Сергеевич, а военком полка батальонный комиссар А. В. Житный встречается с ним как

с героем. «Ну, как, герой, дела?» — спрашивает он ежедневно. И тот отвечает: «Дела? Дела, комиссар, поправляются, еще крестоносца подбил…» Если же день проходил без победы, летчик старался не попадаться на глаза комиссару, а если уж встречался, не дожидаясь вопроса, бросал на ходу: «Дела сегодня неважные… Ни одного гада в небе не поймал». — «Ну, ты еще завтра поймаешь, Зудилов. Не унывай, брат», — подбадривал комиссар. «Завтра-то я постараюсь. А сегодня дал маху… Честное слово…»

Методично тикают ходики. Третий час ночи. Мороз. Над деревней луна…

8 декабря

В колхозном правлении деревни Дарище делаю доклад «Две Отечественные войны русского народа против иноземных захватчиков (нашествие Наполеона на Россию в 1812 году, вторжение немецко–фашистских войск в СССР в 1941 году)». Колхозники проявили к лекции большой интерес. Тут же высказались за необходимость досрочного выполнения поставок фронту и выразили желание, чтобы я повторил лекцию в деревне Новая.

15 декабря

Весь мир облетело известие о победах на севере, юге и под Москвой. Удар за ударом. Советские генералы бьют гитлеровских полководцев. В Берлине визжат: «Зима виновата. Мороз жмет… Красная Армия тут ни при чем, да и вообще мы выравниваем линию фронта и отходим на зимние квартиры…»

Впрочем, от гитлеровских заправил, насильников, убийц и мародеров и не приходится ждать здравого понимания мира…

Получен приказ: срочно перебазироваться. Грузим горючее, боеприпасы, авиаимущество, продовольствие, обмундирование — и в путь.

31 декабря

Каменка. В 40 километрах от Подольска здания разрушены, сожжены. Мосты взорваны. Провода перерезаны. Два дня тому назад здесь были немцы. Бои идут в Спас–Загорье. Там наш аэродром. Проезд еще закрыт. Командующий армией обещает вечером фашистов выбить из села. Возвращаемся в Подольск. Подольцы с радостью приняли нас, как родных. Техчасть в доме № 50/18 у Константина Георгиевича и Марии Васильевны Синегубовых. Добрые, славные люди.

За накрытым столом слушаем выступление М. И. Калинина.

Заздравная чаша за новый победоносный год.

Тепло. Уютно. Давно мы не видели электричества и в семейной обстановке не слушали радио. Допоздна сидели.

Дорогие наши старички проявляли родительскую заботу о каждом из нас.

Мария Васильевна подарила мне новый блокнот в фиолетовой обложке. Моей матери, видимо, нет в живых… Я принял этот блокнот из рук женщины, которая на время заменила мне мать. От него повеяло материнской лаской, и потому запишу в нем все, что продиктует мне новый героический год ожесточенных схваток с фашизмом.

1 января 1942 года

Первый день нового года напряженных боев за Отчизну. По старому Варшавскому шоссе, рокоча, проносятся танки, вздымают снежную пыль грузовики.

Живописен подольский пейзаж. Березовые рощи, глубокие овраги, межлесные поляны, и над всем этим — высокое, ярко–голубое январское небо… Но вот Каменка: словно другая природа, другая земля. Дорога в зияющих Дырах — мосты взорваны, деревья — подобие мертвецов, застывших с распростертыми руками, вдоль шоссе обезображенные пни — остатки срубленных телеграфных столбов, в снегу — неровные витки проводов. А деревни? Руины и пепел пожарищ…

Окатово, Белоусово, Доброе… Десятки сожженных домов, разрушенных сараев. Торчат обгоревшие трубы, валяются куски разбитой посуды. Обочь дороги — обледеневшие трупы, частокол белых крестов — фашистские завоеватели получили «жизненное пространство» на русской земле.

Печать битвы — на всем. И на взрытом, почерневшем снегу, перемешанном с глыбами мерзлой земли, взорванной снарядами и бомбами, и на сожженных, исковерканных домах селений, и на искалеченных, подбитых деревьях…

19 января

Горячие дни. На аэродроме полно самолетов. «ПЕ-2», «И-16», «МИГ-3», «У-2». Четыре полка. Скоро сядут еще.

22 января

Живет аэродром! Летчики совершают по пять вылетов в день в лагерь врага. Мы расположились по–хозяйски: открыли баню, прачечную, хорошо разместили личный состав полков и батальонов. Вечером читал доклад «Две Отечественные войны русского народа против иноземных захватчиков».

6 февраля

С утра занятия на аэродроме. В кабине «ПЕ-2» Г. К. Дубинин детально знакомит с оборудованием кабины бомбардировщика. Подготовка к полету началась.

Василий Иванович Коненко, Герой Советского Союза, кандидат технических наук, доцент, а в то время штурман одного из экипажей 46–го скоростного бомбардировочного полка, хорошо знал В. Горбатенкова. Он написал мне: «Впервые с ним я встретился на аэродроме в Спас–Загорье в январе 1942 года. Он–работал в техотделе БАО, очень быстро подружился с нашим экипажем, часто беседовал с нами, интересовался деталями боевых полетов, очень переживал, что не мог лично с оружием в руках уничтожать фашистов…

Тогда же у него возникла мысль изучить штурманское дело, чтобы в качестве штурмана экипажа непосредственно участвовать в полетах. Мы его поддержали…»

И один из первых, кто поддержал В. Горбатенкова и помог утвердиться в правильности своего решения, был Григорий Кириллович Дубинин — тогда комиссар 2–й авиационной эскадрильи полка. С ним В. Горбатенков впервые поднялся в воздух.

Штаб БАО. Обычные горячие дела. Волнуются инженеры полков. Боевые задания следуют одно за другим. Горбатенков торопится на склад. А на пороге комиссар Дубинин, немного взволнован, разгорячен, нетерпелив.

— Вас-то я как раз и ищу. Был дома, на складе. Поймал, наконец. Летим… — говорит он Горбатенкову.

— Когда? — иронически спрашивает Василий.

— Сейчас. Через тридцать минут будем в воздухе, Одеваемся в общежитии.

— Какое задание?

— Разведка.

Горбатенкова охватывает волнение. Не показывая вида, он отдает необходимые распоряжения оставленному за себя воентехнику, указание кладовщикам.

Горбатенков успевает забежать в общежитие. Товарищи ему подают кто шлем, кто комбинезон, кто чулки, кто унты. Быстро и ладно подгоняют обмундирование, напутствуют, восторженно и радостно провожают в полет.

Перед вылетом инженер Искорнев проверяет технические знания, техник по вооружению обстоятельно пытает его об огневых средствах самолета. На аэродроме у самолета «Пе-2» летчики, штурманы, мотористы. Ревут моторы. Григорий

Кириллович кладет руки на штурвал. Приказывает включаться в разговор. Порулили…

Первый полет. Их будет много в жизни Горбатенкова, но этот первый — самый памятный.

На небольшой высоте идут вдоль шоссе — на Малоярославец.

— Штурман, поводите пулеметом, — говорит по переговорному устройству Дубинин. — Проверьте готовность к бою.

Повторив приказание, Горбатенков приступает к Делу.

— Впереди Ильинское. Видите? Здесь были жаркие бои.

— Хорошо вижу. Помню Ильинское.

Высота три тысячи метров. Горбатенков зачарованно смотрит вниз. Немного колет в ушах, он непривычно крутит головой. Хорошая погода позволяет рассмотреть далеко в округе.

— Перед нами Медынь. Видите?

— Вижу, — рассеянно говорит Горбатенков.

— Влево Юхнов.

Дубинин уверенно ведет машину, последовательно отдает распоряжения.

— Колупаев, — обращается Дубинин к стрелку, — передайте на землю: «Летим над фронтом, все в порядке».

Радист повторяет приказание и через короткое время докладывает:

— На землю передано.

— Штурман, температура… Штурман, внимательно следите за воздухом по сторонам, особенно против солнца. Я буду смотреть вперед… Штурман, дайте ракеты. Свои. Сигнальте.

Горбатенков поспешно выпускает две красные ракеты.

— Ракету вверх.

— Даю. — Горбатенков волнуется, но действует правильно, безошибочно.

— Огибаем город.

— Видимо, на Каменку выскочим? — спрашивает Горбатенков, боясь ошибиться и этим вызвать недовольство командира.

— Сейчас посмотрим.

Самолет низко идет над лесом.

— Узнаете?

— Каменка.

— Точно.

— Белоусово. Дорога на Угодский завод.

— Точно.

Ползут вверх. Над Добрым, над поймой Протвы молнией идут вниз. С оглушающим ревом перескакивают село. Аэродром.

Разворот. Скольжение.

— Посадочная… 50?

— Нормальная.

Мягко — на три точки. Легкие толчки. Прорулили. 2 часа 57 минут в воздухе. Горбатенков чертовски устал, но доволен.

3 апреля

Светает. Скворцы ведут свой несложный концерт по низовью. За Протвой в сизой долине чернеет проталина. Над весенней землей гудят самолеты: журчат «чайки», кричат «ишаки», завывают «МИГи», посвистывают «ЯКи». На запад торопятся, на запад.

4 апреля

Газеты сообщают о зверствах фашистов на смоленской земле. Уроженец Смоленщины политрук Григорий Гордеев привез из Малоярославца свежий номер «Рабочего пути». Повеяло знакомым ветром, в памяти встали родные места, взору представились живописные окрестности древнего города.

Родная земля! Приготовившись к бою
За право трудиться и радостно жить,
К тебе припадаю горячей щекою,
Чтобы стон твой дыханьем своим заглушить.

Это строки из стихотворения В. Горбатенкова «Родная земля», занесенного в дневник. Стихи он записывает в дневниковые тетради нередко, и по ним можно судить, насколько он был разносторонним как поэт.

В дневнике очень много стихов–раздумий, стихов–реплик на злобу дня, призывных стихов. В. Горбатенков посвящает свои стихи отличившемуся летчику, погибшему товарищу, блистательной воздушной победе. Вероятно, не все стихи, которые пишет во фронтовой обстановке, он успевает занести в дневник. Ветераны полка прислали много стихов, которые поэт посвятил лично им.

Непосредственный участник боев, прошедший через все тернии тыловой аэродромной жизни, он хорошо знал душу советского летчика и потому, вырывая минуты, писал о своих товарищах. Мы не знаем точных замыслов Василия Горбатенкова, не оставил он ни одной строчки в своем великолепном дневнике о творческих планах, но думаем, что, создавая поэтические

портреты боевых друзей, он писал роман в стихах.

Летчики и штурманы, техники и мотористы любили слушать Василия Горбатенкова в редкие свободные вечера. Он прислонялся к дереву и тихо читал:

Есть люди, которых бедой не состаришь,
В глазах их струится весенняя ясь.
В полку нашем был один славный товарищ,
О нем говорили: родился смеясь.

Бывало, парторг безобидно заметит:
— Хороший ты парень, но малость чудак.
А он засмеется и в шутку ответит:
— Кто любит смеяться, тот в деле мастак.

А в деле он был настоящим артистом,
Штыком ли, гранатой иль пулей лихой
Без промаха бил ненавистных фашистов
И пел: «Без святых подлецов упокой!»

5 мая

День печати. Вышел красочный номер батальонной стенгазеты «Боевые крылья». В подразделениях отмечают активистов печатного фронта.

В 16 часов появился фашистский разведчик. Обстрел с земли.

6 мая

Висим над Боровском. Красив сверху. Дачный городок москвичей. История оставила в нем черные следы: в 1671 году русские женщины — сестры Морозовы — были заточены в «земляную тюрьму» и по указу царя-узурпатора заморены голодом; в 1812 году город взорван наполеоновским смерчем; в 1941 году забрызган кровью советских людей, растерзанных бандитами Гитлера…

Балабаново. Сожженные дачи. Спас–Загорье. Самолет коснулся земли, рейс окончен…

7 мая

Эренбург, Тихонов, Лидин, Ставский, Сурков… Спасибо им за гневное слово, разящее наших врагов. Фашисты боятся печатного слова, жгут книги русских писателей. Им ли выжечь правду народа? Гремят артиллерийские ядра, визжат бронебойные пули,

пылает земля, а боец тянется к «Красной Звезде».

18 мая

Дождливо. Тоскливо. Туманно…

Черт побери, разыгрывается интермедия грусти!..

Прочь! И — да здравствует мужество сильных!

Может быть, почта принесет письма от жены, может быть, на листке, пропитанном любовью и горем, найду силуэт детской ручонки.

21 мая

«Юнкерсы» взрывают Малоярославец. Огромные воронки на окраине города и куски разорванных тел.

Женщины — с суровыми, заплаканными лицами, дети — с огнем ненависти в глазах.

На армейский склад металлолома везут «Мессершмитт». На руле поворота углем написано: «Гитлеровский убийца». Люди с презрением смотрят на разбитое тело дьявольской птицы и одобрительно отзываются о работе советского летчика.

— Чертова кукла — весь черный. И машины черные и мотоциклы. Все у них черное. И душа… — говорит седенький старикашка вихрастым парнишкам, и те принимают слова его как мудрость наставника.

На запад несутся «ИЛы».

— Удачи вам, соколы! — кричит старичок, ребром приставив ко лбу сухую ладонь. И дети машут ручонками. По улице маршируют красноармейцы. К станции подходит длинный эшелон с новыми войсками.

8 июня

С летчиком Семеновым лечу в Спас–Загорье. Ветер. Клубятся облака. Военком батальона Исаак Евкович Воронов сообщил мне отрадную весть: командование удовлетворило мою просьбу об откомандировании на передовую линию фронта. Рапорт направлен в отдел кадров 1–й воздушной армии. Правда, в решении есть оговорка: «Согласны на отпуск в случае подбора соответствующей кандидатуры на его место», — но это не будет препятствием.

— Жалко мне вас, Горбатенков, — сказал комиссар. — Недооцениваете вы свою роль. Ведь наша работа тоже боевая, мы же обслуживаем самолеты действующих полков. Без этого фронт не может существовать. И вы сделали много. Именно потому вторично вас представляем к правительственной награде…

Я опять убеждаю комиссара в необходимости быть там, под

огнем, ибо долг требует истреблять негодяев, а по характеру работы мне приходится бить их далеко не прямой наводкой. Но мне было радостно, что замкнутый круг разорван, так или иначе, а на фронт попаду. И в эту минуту хотелось написать Сонюше, поделиться с ней своей радостью и дать ей понять, что иду сознательно на смерть ради миллионов советских граждан. Она умница. Не обвинит, не осудит. Погорюет, поплачет, но напишет, как прежде: «Будь смелым и храбрым, уничтожай чумных кровопийцев».

А тут радость другая: в Спас–Загорье сидят пикировщики.

Командиром полка — В. И. Жигарьков, военкомом — Г. К. Дубинин, инженером — В. И. Искорнев. Люди 46–го. Тороплюсь к Дубинину. Не могу не повидаться с этим чудесным бойцом.

У походного домика улыбающийся инженер.

— Где же Дубинин?

— А вот он… — И навстречу протянулись руки военкома. Загорелый, смеющийся. Только волос чуть–чуть серебрится.

Поздравил его со вторым орденом. По–дружески поговорили. Мы расстались, условившись: через два дня Григорий Кириллович прилетит на «У-2» в Грачевку. Тогда уж поговорим.

13 июня

Собрал личный состав, сделал доклад о положении на фронтах Отечественной войны. Люди жадно ловили каждое слово, не отрывая глаз от географической карты. Как хочется дальше, на запад, скорее вперед, чтобы ни одного немца не осталось на нашей земле… С каким-то особым подъемом работали все товарищи. День прошел в трудовом порыве. Пойти бы с такими в атаку на гадов. Не подведут…

15 июня

Гудят бомбардировщики, родные «ПЕ-2». Эх, полететь на них и сбросить бы бомбы на гадов!..

Приехали представители 814–го БАО. Значит, завтра-послезавтра — восвояси. Увижу Григория Кирилловича. А это уже немалая радость!

18 июня

Опять на своей земле, в своей семье. В 12 часов — встреча с Дубининым. Григорий Кириллович рад. Долго ходили мы по окольным дорожкам. Комиссар говорил о перспективах полка дальних разведчиков. И подумав, сказал;

— Переходите к нам. Еот поработаем. Лекции будем читать, беседы проводить, доклады, историю полка создадим, словом,

пообчешем людей. Воспитаем. У нас есть славные ребята. Герои… Как вы насчет этого?

Я ответил, что подал третий и, вероятно, последний рапорт о направлении меня в действующую армию, на передовую. Хоть пехотинцем, рядовым, но под огонь и на смоленскую землю — защищать свой народ, свой город.

— Вот и хорошо… — Он обнял меня. Мы шли тихо, как ходят в вечерний час на прогулке. — И хорошо. У нас будете штурманом. Вы же экзамен в 46–м сдали. Остается только оформить… А хотите, секретарем партбюро назначим. Организация у нас большая, работы много.

Выслушав мои соображения, он закончил:

— Будем вместе работать! Честное слово.

Мы простились по–дружески и, радостные, возбужденные, разошлись по своим местам.

Весь вечер я думал о нем, хотелось еще говорить, и передо мной неизменно стоял высокий, стройный, скромный на вид, задумчивый и милый Григорий Кириллович. На груди сияли два боевых ордена, и, кажется, ему было немного неловко, он стеснялся и был смущен своею заслуженной славой…

Жара. Протва серебрится. Ласточки над водой. В небе поют истребители.

А. И. Пальмов подал записку:

«Тов. Горбатенков. Если можете, зайдите ко мне в 16.00 сегодня.

18.4.1942 г.

Г. К. Дубинин».

Приглашение опоздало на сутки. Затерялось в страницах кем-то отложенной книги. Оказывается, Дубинин хотел познакомить с командиром полка майором В. И. Жигарьковым.

Видимо, предстоит беседа о переходе в полк.

20 июня

По дороге со склада меня встретил посыльный:

— Тов. начальник! Вас срочно вызывают в штаб полка разведчиков.

Там говорят: «На квартиру к майору».

Являюсь. Совещание по укомплектованию штата 10–го отдельного полка дальних разведчиков. Г. К. Дубинин представляет меня начальнику отдела кадров Зап–франта. Краткие вопросы, столь же краткие ответы. Ряд вакансий. Но лучшая — воздух.

— А летать не боитесь? — спросил подполковник.

— Он не из робких, — ответил Дубинин.

— Мы вас думаем забрать к себе в полк, — сказал, испытующе глядя, майор Жигарьков.

— А работа у нас боевая, интересная по содержанию, — добавляет начштаба майор Бартош — в нем я узнал давно знакомого по Брянску.

В короткой беседе выяснилось, что он был инструктором по физподготовке в Брянской авиабригаде в 1933 году. Его работа была на виду, и мы, курсанты, глубоко уважали талантливого человека — атлета, заражавшего своим темпераментом всех окружающих.

— Будете летчиком, — заключил интендант 2–го ранга Ковалевский, рассматривая лежавшие перед ним документы.

Я вышел возбужденный и сердечно признательный этим вдумчивым людям…

Возможно, в тот момент, когда так близка была к осуществлению мечта Василия Горбатенкова — летать и бить врага на переднем крае, он вспомнил о человеке, который стал для него символом летного мужества. Это был Антон Алексеевич Губенко, кстати, тоже из Смоленска.

22 июня

Читаю лекцию «Наука ненависти» и вижу напряженные, полные гнева лица и блестящие, в слезах, глаза. Люди всем существом своим ненавидят фашизм. Они из разных краев и республик, разные по национальности, но с одним благородным стремлением — уничтожать убийц.

…Друзья мои, товарищи, боевые собратья!

Почти год скитался я с вами одними путями по родной истерзанной земле. Вместе падали в кюветы дорог, когда к небу взлетала земля; вместе прижимались мы к ней, когда по камням скакали немецкие пули; вместе выносили раненых после бомбежки и вытаскивали летчиков из горящих самолетов, вместе хоронили убитых товарищей и клялись над каждой могилой сражаться с врагом до конца; вместе спали в лесах в сырую осеннюю пору, ютились в шалашах и палатках, неделями не разувая промокших, застуженных ног, вместе варили «шрапнельную» кашу и выходили из вражеских окружений без единого сухаря в кармане и патрона в патронташе…

Были трудные дни. Расстрелянные, пропахшие порохом в багровом закате. Были и малодушные среди нас. Не все могли выстоять, преодолеть горе и страх… Но этих было немного.

Немец бесчинствует, вгрызается вглубь, дальше и дальше. Можем ли мы спокойно спать и работать, пока он на нашей

земле? Все, что мы нажили, все, что создали и создаем, погибнет, если Гитлер одержит победу. Значит, надо думать не о риске, а прямо смотреть смерти в глаза, идти на врага и сражаться до последнего вздоха. Это не романтика и не агитация, а правда, залитая кровью.

Так понимаю я ход событий, так мне подсказывает мое сознание, так поступать повелевает мне сердце, и с таким настроением иду я на правое дело. И если, друзья, вам придется читать эти строки, надеюсь, не осудите меня за откровенность суждений.

Возникает чувство, что он обращается к нам через десятилетия. Я бережно перебираю блокноты с сильно потрепанными обложками, с пожелтевшими от времени страницами, вглядываюсь в аккуратный, четкий, спокойный почерк. И все думаю о том, какие высокие чувства, какое большое сердце они обнажают.

В. Горбатенков относился к делам страны как к своим собственным, только еще более важным. Он взволнованно пишет о боях за Ельню и Севастополь, Сталинград, Курск и другие города. Как личную трагедию он переживал временное отступление нашей армии и бесчинства фашистов, и не было для него большей радости, чем наши успехи. Поражает твердая вера в победу, о которой он пишет в первые, самые трудные дни войны. «Это один из самых благородных, душевных и справедливых людей, которых я когда-либо встречал. Он был коммунистом в самом широком понимании этого слова», — сказал о нем Василий Кононенко.

25 июня

По Варшавке везли группу пленных немцев. Двое из них — авиаторы. Жалуются на «таран не по правилам».

— А убивать мирных жителей, женщин, детей — это по правилам?

— Фюрер приказывает…

— Он людоед и тиран. И запомните предсказание поэта: погибнет ваш тиран, как все тираны погибали.

— Этот поэт не знает фюрера, потому он и неправильно высказался.

Невежественный немец был туп и надменен, он даже не смутился и тогда, когда ему подсказали, что эти слова принадлежат великому русскому поэту М. Ю. Лермонтову, который, конечно, фюрера не знал, поскольку умер ровно за сто лет до того года, когда фюрер пошел войной против нашей

Отчизны.

Фашистский обер–лейтенант посмотрел на меня бесцветными холодными глазами и лающим голосом отбарабанил: «Шлехт. Гитлер капут». Было противно и как-то не по себе смотреть на этого гада из фашистского становища.

10 июля

История техчасти готова. Объемистый альбом с массой схем, диаграмм, фотографий и текстовых вкладок повествует о боевом пути за год ожесточенных сражений. Под Красной Звездой на развернутом знамени — четверостишие:

Да, враг жесток! Но не жалея жизни,
Вперед, герои ратного труда!
Нам светит в правой битве за Отчизну
Немеркнущая Красная Звезда!

Эту звезду мы пронесем по стонущим странам Европы, свет ее пятилучья разрежет мрак улиц Берлина и озарит народы всех стран неугасающим пламенем свободной, торжествующей жизни.

14 июля

Утром зашел Г. К. Дубинин, улыбаясь, сказал:

— Ищу своего дезертира. Рад, что застал наконец. Прошу на работу…

— Не совсем доходит, Григорий Кириллович.

— А разве приказ генерала не знаете?

— Приказ? Генерала? Какой? Какого?

— Да ведь командующий 1–й воздушной генерал-майор авиации Худяков подписал приказ, о назначении вас летчиком–наблюдателем с откомандированием в наш полк.

16 июля

День солнечный, ласковый. Штурмовики и бомбардировщики летят на запад. Аэродром гудит.

Письмо от Н. Рыленкова. В нем много теплоты и непосредственности. Начальник отдела кадров интендант III ранга Романов привез из штаба 1–й воздушной приказ.

Поздно вечером подполковник сказал: «Сегодня последняя ночь в батальоне. Завтра — в полк».

18 июля

Жизнь на аэродроме началась на рассвете. Инженеры и техники пробуют моторы, проверяют самолеты, летчики, штурманы, стрелки–радисты, начальники спецслужб прорабатывают задания. Группы молодых штурманов изучают теорию и практику разведки, вооружение самолетов «ПЕ-2», самолетовождение, фотоаппаратуру.

Вечером Г. К. Дубинин сказал:

— Будете секретарем парторганизации первой эскадрильи? Думаю, одного дня было достаточно для ознакомления.

20 июля

Привезли тело погибшего летчика. Вчера на аэродром нагрянули «Юнкерсы». Он атаковал их, сбив два самолета. На подбитой, зажженной машине пошел на посадку. Когда подбежали к остановившемуся самолету, летчик сидел неподвижно. Его окликнули, он не ответил. Он был мертв. И неизвестно, кончилась ли его жизнь здесь, на земле, или она оборвалась еще в воздухе, и самолет, направленный опытной рукой летчика, совершил, как надо, посадку. Пожар был потушен, истребитель спасен…

Под троекратный оружейный салют гроб опустили в могилу. В центре площадки перед зданием школы вырос памятник в железной ограде. Под пропеллером в рамке портрет и надпись:

> «Герой Отечественной войны
> капитан
> Федор Мокеевич Пустошин
> 19 июля один встретил 20 фашистских самолетов, врезался в их строй, разогнал и не дал им выполнить коварный замысел, сбив 2 бомбардировщика, в неравном бою погиб смертью героя.
> 19.VII.1942 г.».

4 августа

Началось наступление наших войск у Погорелого Городища. За 6 часов у врага отвоеваны десятки русских селений, двенадцать километров земли, ведущей на запад.

Разведчики весь день висели над Ржевом и близкими к городу пунктами, следили за маневром врага.

8 августа

Враг маневрирует под Волховом. Разведчики усилили бдительность. На столе у командующего лежат снимки вражеских

аэродромов, укреплений, позиций.

9 августа

На партийном собрании проявилось лицо организации. Интересные люди. На большие способны дела. Малыхин, Зинин, Лукьянцев, Глушко, Кононенко, Савин, Кудрявцев, Макаров… Много их, сильных отвагой, волей и честным трудом.

Исследуя фронтовую жизнь Василия Горбатенкова, изо дня в день идя по его стопам, невольно поражаешься его неутомимой активности. Да, он не знал устали, он работал на победу, он верил в ее скорое приближение.

12 августа

7 августа в бою с врагами погиб заместитель командующего 1-й воздушной армии полковник Кулдин. Полетев за истребителем в район Погорелое Городище, он встретил шесть «Мессершмиттов». Завязалась неравная битва. Храбрый полковник сбил два самолета врага, но и сам был подбит. На горящем истребителе он таранит третий вражеский «Мессершмитт» и вместе с ним врезается в землю.

16 августа

Все чаще слышится: «Калининский фронт». Везде один вопрос: а что на юге? Первое радует, а второе… второе — как бичом по спине. И сердцу тоскливо…

На партийном собрании приняли кандидатами в члены ВКП(б) славных товарищей. Среди них — электромеханик из Смоленска Делькин, скромный, работящий человек. Как-то особенно мне дорог он, земляк…

Небо нахмурилось. Падает мокрый пожелтевший лист. По лесу среди деревьев крадется осень.

26 августа

Плывут облака. В перерывах между полетами собираем грибы. В. П. Лукьянцев — страстный любитель бродить по лесу. Бывалый человек, интересный собеседник.

Лес чарует своей красотой. Воздух свежий, приятный. Только треск стоит непрерывный: «У-2» летают над лесом.

Много боровиков, груздей, сыроежек, подосиновиков, белых грибов. Их некому собирать. Население занято на полевых работах. А раньше здесь были москвичи, проводившие лето на дачах. Колхозники обеспечивали себя грибами на целую зиму…

На КП нас встречают веселыми шутками. Впрочем, мы не одни. Майор Давыденко набил парашютную сумку грибами, и он

— любитель лесных путешествий — теперь нам компания…

Радостные вести: Красная Армия давит фашистов под Ржевом…

27 августа

Висят дождевые облака. Первый вылет — на разведку погоды. День ничего хорошего не предвещает. На КП жгут костер, пекут картошку, играют в шахматы.

По телефону из 1–й воздушной то и дело запрашивают относительно вылетов. К сожалению, низкая облачность мешает фотографированию, а визуальная разведка на «ПЕ-2» не даст полной картины.

28 августа

Все живут последним сообщением Советского Информбюро. Зубцово, Погорелое Городище, Карманово, 610 населенных пунктов, продвижение на 50–115 километров — таков августовский итог действия красноармейских частей на Западном фронте.

Разведчики не без гордости заявляют: «В этой операции доля и нашего труда…» Действительно, они немало летали над Ржевским плацдармом, заснимали оборонительные рубежи артбатарей, аэродромы, базы, транспорт противника и теперь могут поздравить себя с победой.

29 августа

Желтеет лист на липах, веет утренней свежестью, а небо чистое, ясное, солнце стоит высоко, и птицы высоко, и птицы щебечут по–майски, беззаботно, ласково и звонко.

В первой эскадрилье день выходной, летает вторая. Сделал доклад о положении на юге, инженер Московского авиазавода рассказал о раскрутке винта, и мы направились в лес за грибами. После обеда — на речку. Наглушили рыбы, вдоволь поплавали, сварили уху и, когда взошла луна над росистой долиной, сквозь нависший туман, бодрые и веселые возвращались в Спас–Загорье. Летчики Лукьянцев, Лапшин, штурман Кононенко, стрелки–радисты Макаров, Щербаков — какая ладная, деловая компания, умеющая работать и отдыхать!

6 сентября

Г. К. Дубинин стал меня расспрашивать о плане партийной работы, о делах коммунистов эскадрильи.

Мы долго говорили о коммунистическом воспитании, морали и этике. Может быть, нам потребовалось бы еще несколько часов

для развития нашей беседы, если бы нас не прервал вопрос:

— Чья это машина?

Мы оглянулись, сзади нас стоял высокий, стройный генерал–майор в летном шлеме. Его лицо было знакомо по тысячам снимков. Комиссар представился.

Он ответил:

— Командующий 3–й воздушной армией генерал–майор Громов. — Предъявив документы, спросил: — Не можете ли дать машину до 1–й воздушной?

«Эмка» была неисправна, пришлось вызвать машину из 1–й ВА.

Прославленный летчик, известный всему миру герой скромно выслушал вопросы летчиков, кратко и четко на них ответил, затем, когда за дорогой промелькнула мчавшаяся на аэродром машина, вежливо попрощался.

9 сентября

Всякий раз, когда нам становилось трудно, мы говорили себе: «Взгляните на Дубинина». Всякий раз, когда нас одолевала печаль, мы говорили: «Посмотрите на

Дубинина». Всякий раз, когда нас терзало сомнение, мы вспоминали: «Таков ли Дубинин?» Всякий раз, когда мы говорили о мужестве, перед нами вставал светлый образ Дубинина, и когда нам был нужен пример человеческой стойкости, большевистского дерзновения и благородства, мы с восхищением смотрели на коммуниста Дубинина.

11 сентября

Майор Жигарьков осунулся за эти дни, постарел, он и сейчас не оправился от удара — сидит за столом, смотрит на фотографию друга, и по щекам его катятся слезы.

Павел Михайлович Бартош крепится: он работает почти круглосуточно, внимательно следит за всем сложным хозяйством полка и вместе с командиром разрабатывает проект памятника военкому и его товарищам.

Александр Георгиевич Савин — инженер 1–й эскадрильи полка, после войны парашютист–испытатель, вспомнил, что на надгробье Дубинина и всего экипажа были выбиты стихи, написанные Горбатенковым:

Остановись, прохожий человек,
Почти их память вдохновенным словом.

Они сражались за двадцатый век,
Век, озаренный пламенем багровым.

«Он много труда вложил в работу по составлению некрологов, писем родным погибших, в том числе и письмо жене Дубинина после его смерти было написано им. Многочисленные надписи на памятниках были сочинены им. В эти произведения он вкладывал частицы своей души, и потому от них веяло большой теплотой. Он очень любил людей и отдавал им все, что мог», — написал мне В. И. Кононенко. Он, в свою очередь, любил Василия, летал с ним, учил его штурманской науке, ценил как друга.

23 декабря

Почта долго вертела открытки Сонюшки. Наконец сразу пять принес почтальон. Бодрым, хорошим духом веет от них. «Мне хочется быть рядом с тобой. Если бы не маленькие дети, пошла бы с оружием против врага».

Хорошее слово «верность». И нет его крепче в быту и походе. Если подруга в тылу умеет трудиться и ждать, мужу ее на войне легче врага побеждать. Верный такому закону, обращаюсь к

Тебе, любимая

Под Ельней было: сутками не спали —
Мешала орудийная гроза,
Но предо мной как огоньки мелькали
Твои чуть–чуть раскосые глаза.

Свистели пули, завывая звонко,
Строчил с холма немецкий пулемет.
Я думал о беспомощном ребенке,
Что родился в окровавленный год.

Я думал о дочурке в избах хилых,
Чья жизнь мне бесконечно дорога,
И делал все, что было в моих силах,
Чтоб опрокинуть подлого врага.

Я думал о страданиях народных,

О подожженной немцами стране
И чувствовал: в дерзаньях благородных
Ты, как боец, сопутствовала мне.

Когда нас в путь далекий отправляют
Громить врага, без промаха разя,
Мне кажется, меня сопровождают
Твои чуть–чуть раскосые глаза.

И оттого становится мне легче,
И подвиг мой по–воински высок,
И это значит: час желанной встречи,
Поверь мне, дорогая, недалек.

11 января

На рассвете ушел в 1–ю В А.

Подполковник Б. А. Андросов — заместитель начальника штаба по политической части — предложил перейти на работу в армию.

Долго и убедительно доказывал он необходимость переменить профессию, расти на другой работе, отдавать свои силы и знания большому делу. Всем сердцем я был благодарен ему за внимание, заботу и чуткость, он напоминал собой в эти часы Дмитрия Андреевича Фурманова — те же ум, простота и учтивость, — но я никак не мог согласиться с одним: отказаться от риска, уйти с поля боя, не сражаться с врагом непосредственно.

Вот почему я запротестовал и, как только мог, просил подполковника не отрывать меня от горячего дела.

26 января

Мороз. Солнце. Ни облачка. Аэродром гудит. Беспрерывно взлетают и садятся «ПЕ-2», «ИЛы», «УТИ-4», «У-2», «Дугласы», «Чайки».

Полк сделал 18 вылетов на разведку аэродромов, дорог, оборонительных рубежей, коммуникаций и тыла врага.

27 января

Советское Информбюро порадовало новым известием: ликвидация сталинградской группировки противника подходит к концу. Два–три дня напряженной работы, и гитлеровская многотысячная банда, окопавшаяся в развалинах разрушенного

города, будет полностью истреблена.

В последний день января Горбатенкова вызвал начальник отдела кадров — высокий тучный полковник, сухо и отчужденно поздоровался, посмотрел отсутствующим и безразличным взглядом, показал на стул.

Разговор был краткий и довольно официальный, похожий на следовательский допрос.

— Фамилия?

— Горбатенков.

— Звание?

— Техник–лейтенант.

— Что делаете?

— Летаю.

— А почему техник–лейтенант?

— Окончил техническую авиашколу.

— А как попали на самолет?

— Переучился.

— Почему звание не переменили?

— Это от меня не зависит. Впрочем, наше командование давно уже ждет результата из 1–й воздушной.

— Сколько боевых вылетов?

— Пятнадцать.

— Награждены?

— Нет.

— А почему нет награждений?

— И сие от меня не зависит. Видимо, не за что награждать.

— Странно. По приказу наркома за десять боевых вылетов положена награда… Образование?

— Высшее.

— Что окончили?

— Факультет языка и литературы Смоленского пединститута.

— Литературу не забыли?

— Кое-что помню.

Еще несколько вопросов в протокольном стиле, и полковник встает — разговор окончен.

Уже стоя за дверью кабинета начальника отдела кадров в ожидании очередного вызова, Горбатенков пытался разобраться в разговоре: что же хотел полковник?

Вызова все не было, Горбатенков устало и разочарованно ходил по длинному и пустому коридору. Подошел пожилой майор и подал пакетик с пометкой: «Полковнику Фаставщуку». «По всей видимости, в сем пакете, — подумал Горбатенков, — запечатана моя судьба». Никакие мольбы не отрывать его от

боевой работы на работников армейских кадров не подействовали. Кутаясь в полушубок, он без желания шел во флигель начальника отдела разведки 1–й воздушной армии.

Кому теперь выложить все наболевшее, кому распахнуть свое сердце, у кого спросить совета? Одна из тропинок привела Горбатенкова к подполковнику Б. А. Андросову — человеку, который умел выслушивать, понимать и, когда нужно, помогать.

Борис Арсентьевич встретил, как обычно, приветливо. Узнал, долго расспрашивал и, когда узнал о просьбе, тут же повел к заместителю командующего полковнику Й. Г. Литвиненко.

Высокий худой Литвиненко, подперев голову рукой, выслушал молча. Темпераментный Андросов перебивал доклад Горбатенкова, красочно живописуя заслуги своего подзащитного.

— Сложно это — летная работа, — глухо заговорил Литвиненко, — но если уж действительно хотите — поддержу.

31 января

А мне не нужно ни рангов, ни положения. Пусть буду просто рядовым. Мое место в бою. И в этом — большая награда.

Вот, собственно, все, что я думаю. И хотел бы, чтобы все меня поняли. Не знаю, удалось ли мне кратко и ясно изложить свою мысль в беседе с полковником, но временно представленная возможность летать меня снова приободрила, я почувствовал прилив новых сил и был глубоко благодарен опытному, большому командиру — человеку реального чувства и большевистского действия. Даже обратный путь мне показался короче, и усталость снималась сознанием предстоящего вылета во вражеский тыл.

2 февраля

Победы Красной Армии на юге поднимают настроение, радуют сердце. Но погода противная: ветер крутит снежные вихри, гонит с юга белесую муть, сокращает видимость до полкилометра. Куда полетишь?

Невольно вспоминается Б. Л. Пастернак:

«Февраль… Достать чернил и плакать…»

5 февраля

Радио снова принесло радостные вести. Бодрые и счастливые победами наших войск на юге, вылетаем на разведку коммуникаций противника в Брянском секторе фронта. По дорогам на Жиздру, Людиново, Старь движутся повозки, автомобили, ползут эшелоны. Вражеский лагерь зашевелился…

Вдруг машину стало подбрасывать. Трясет левый мотор. За хвостом самолета тянутся длинные полосы черного дыма.

Видимо, в патрубки пробивается масло, горит… А перед нами озениченный немцами Брянск.

Посылаем на землю последнюю радиограмму о прекращении дальнейшей разведки, заходим на станцию Зикеево, бомбим эшелоны и с курсом 25° уходим на свою территорию. Досадно, что подвели нас моторы, но что поделаешь? За последнее время в полку было семь случаев отказа моторов в полете. Только мастерство летчиков спасало людей и самолеты.

Вечером получили известие: «…погиб с экипажем летчик Данилов, не возвратился из полета Щербина».

Хотелось плакать — не было слез. Говорить — сдавлено горло. Ночь былая такая тревожная, пестрая, словно забрызганная кровью…

12 февраля

Резвится февральская круговерть…

Над аэродромом показался «Юнкере». Бьют зенитки. Уходит курсом на Тулу. Сбросил пачку листовок…

Десятки людей — красноармейцев, подростков и женщин — очищают аэродром от ночного заноса, свозят снежные глыбы в овраг, и трактор тарахтит на взлетной полосе, утрамбовывая ее большими катками.

В 11.50 выруливаем на старт. Пробуем поле: снег еще рыхлый, колеса проваливаются, но решили взлететь.

Миша Маликов дает газ, и тяжелая машина, рыча и покачиваясь, срывается с места, несется навстречу шумящему ветру.

Через 20 минут пересекли линию фронта. На высоте 4 тысячи метров задымили моторы. За хвостом стелются огромные полосы черного дыма. Все же просмотрели все дороги Орловско–Брянского сектора. Сбросили бомбы на станцию Зикеево.

Спустя два часа поднимаемся снова. И опять задымили моторы. Но задание срывать нельзя. Просматриваем дороги Рославльского направления, заходим на Брянск фотографировать аэродром. Взлетает «Хе-111». Впереди справа разрывается зенитный ейаряд. Радист кричит: «Зенитка сзади». Летчик маневрирует.

Избавившись от огня в воздухе, посылаем таковой на землю: бомбим станцию Березовку…

14 февраля

Я уже спал, когда постучал Федя Щербина. С пожелтевшим лицом, изможденный, заросший.

— Дорогой мой Федор Иосифович! Сыскался!.. — И начались

поцелуи, объятия, поздравления. Одни поздравляли его с присвоением звания «капитан», другие — с награждением орденом Красного Знамени, третьи — с освобождением его родной станицы Зассовской на Кубани, четвертые и пятые и все вместе — с тем, что он остался в живых и опять среди нас…

Часы прозвонили, словно проехала тройка с бубенчиками. Я поднял голову — в комнате утренний свет. И никого вокруг. Все спят… Федя Щербина явился ко мне, как он часто являлся к нам по ночам после 5 февраля… На дворе бушевала вьюга…

17 февраля

Наши войска приближаются к Орлу. Немцы лихорадочно возводят укрепления, подбрасывают резервы, наполняют вооружением склады. Южный сектор Западного фронта становится активным полем сражения. К несчастью, отсутствие погоды не позволяет вести воздушную разведку. Пользуемся сводками партизан.

19 февраля

Майор Бартош нас все-таки выпустил. Сорок минут ползали в тучах. В просветах фотографировали. Засекли наземные движения вражеских войск. Передали прогноз погоды: облачность 10 баллов.

23 февраля

Славно поработали мы в день 25–й годовщины Красной Армии. Наша группа сделала 14 вылетов. Сфотографировали все аэродромы южного участка фронта, Брянск, Карачев, Жиздру, просмотрели дороги, разыскали склады, танки, контролировали передвижение войск, висели над полем боя.

Части Западного фронта перешли в наступление. Артиллерия интенсивно взламывает передний край обороны немцев — севернее Людиново — Жиздра.

Мой 25–й боевой вылет совпал с 25–й годовщиной Красной Армии, и я его посвятил этому великому дню.

В стихах, письмах, дневнике он постоянно обращается к любимым жене и детям. Тоска по ним, желание им помочь, быть рядом с ними были так сильны, что он пишет домой каждый день.

> «Соня, Сонюшка, солнце мое, — пишет он жене, — что бы со мной ни случилось, ты мать, ты часть моего сердца, воспитай, подними дочерей, передай им все: и любовь к Родине, и безграничную ласку к тебе (мне

кажется, что я еще не все ласковые слова сказал тебе, любимая), и неотмщенное чувство к врагам, и преклонение земле смоленской. Тебе поможет наша партия, страна, наш прекрасный народ. Не унывай. Обещай не хныкать. Ведь всем нелегко. И тебе тоже».

Софья Павловна не хотела худшего и не во имя гибели мужа, а ради его жизни, его дел и памяти ради она вырастила дочерей. Галя окончила институт, стала кандидатом химических наук. Нина, окончив медицинский институт, подготовила кандидатскую диссертацию.

1 марта

Облачность. Мороз. Туман.

На юге — замедленный темп операций. Началась распутица, уставшие части переформировываются. Немцы оказывают сильное сопротивление, бросают в бой резервы.

Стонет Донбасс. Зовет Кубань. Ждет Украина.

Длинен путь на запад. Далеко еще до старых границ. А немца гнать надо. Немец сопротивляется. Немец не уходит без боя…

Последняя запись в дневнике датирована 3 марта 1943 года. На другой день самолет, на котором летел Василий Ефимович Горбатенков, был подбит под Смоленском и упал почти рядом с селом, где он родился. Земля приняла своего сына, славившего ее красоту и отдавшего за нее жизнь…

Василий Ефимович Горбатенков погиб более тридцати лет тому назад. Ему было тридцать два года. Ныне его дочерям стало за тридцать. Но жизнь его вместила многое: рабочий, учитель, поэт, солдат, комсомолец, коммунист, он был сыном своей страны, своей эпохи.

Навстречу ветру

…Зеленая ракета извещает о начале полетов. Командир спешит на СКП, летчики и техники — к самолетам.

— АПА, АПА! — несется со всех сторон. Специальные автомобили АПА юрко шныряют меж самолетов, чтобы. успеть к каждому.

Групповой вылет — дело нешуточное. На ярко–красных стремянках, прислоненных к серебристому телу самолета, — техники. Они манипулируют в кабинах, подают сигналы службам обеспечения.

Техник не может выпустить свое детище — самолет, не убедившись в полной исправности всех систем аппарата. Лелея летательный аппарат, он заботится о безопасности летчика.

Наконец, самолет срывается с тормозов и на малых оборотах, рассекая воздух, мчится к взлетно–посадочной полосе.

С высоты СКП хорошо видно аэродром, всевозможные полевые сооружения; они великолепно вписываются в рельеф местности, и все это представляет собой колоритный пейзаж. Но вскоре четкие линии различных предметов от струящегося воздуха начинают двигаться, искажаться, а на землю ложится громоподобный рык турбинного рева. Потом рев турбины стихает, сдвинутые картины опять распрямляются, попадают в фокус, и величественная панорама снова вызывает радостное ощущение. Какая ширь, какая благодать вокруг!..

Я нахожусь на СКП и наблюдаю за полетами. Вот на полосу, ощетинившись ракетами, подвесными баками, похожий на огромного ежа, выскочил истребитель. Он легко задирает нос и стремительно вонзается в небо. Звук турбины еще перекатывается по земле, прыгая, катится по бетонке, а самолет уже растворился в бескрайней голубизне.

Руководитель полетов — статный, крутолобый подполковник Лаптев чуть заметно улыбается угловатыми губами. Это та самая улыбка, которая возникает как-то сама по себе и которая, как зеркало, отражает состояние человека, удовлетворенного своей работой, своими подчиненными. Он о чем-то думает. Голубые глаза его цепко держат во внимании взлетно–посадочную полосу, правую часть аэродрома, откуда, как из небытия, появляются самолеты. А затем довольным тоном говорит:

— Николай Николаевич Григорук полетел…

По тому, как это было сказано, я догадываюсь, что Николай Николаевич отличный летчик и уважаемый всеми человек. На индикаторе кругового обзора отыскиваю мерцающую точку его

самолета и долго слежу за ней.

— Виден почерк аса, — говорю я. — Да, опыт приходит с годами…

— А разве талант вы отрицаете? Профессиональные таланты есть не только в музыке, в театре, но и в авиации… — перебивает меня Лаптев.

— Талант воспитывается… — продолжаю свое я.

— Не только. Он еще и находится. Очень важно рано определить себя, найти применение своим способностям.

На этом наш разговор неожиданно оборвался. На СКП непрерывно поступают доклады. И руководитель должен мгновенно принимать решения, давать точные установки, вникать в суть происходящего.

Но после полетов, встретившись в штабе, Лаптев снова заговорил на эту тему, и говорил он страстно, убежденно, отстаивал то, что ему дорого и в чем он безоговорочно был уверен. Он защищал не только Николая Николаевича, а идею.

— Николай, в чем я не сомневаюсь, стал бы великолепным автомехаником. Он учился в техникуме. Но вот случай привел его на парашютную вышку. Он прыгнул и почувствовал воздух. Согласитесь, что прыгают с парашютом многие, но не все из них становятся летчиками. У многих прыжки вызывают страх, нежелание заниматься парашютным спортом. А Николай не только полюбил парашюты, он круто изменил свою жизнь. И нашел себя! Да вы поговорите с ним сами. Он лучше меня расскажет вам обо всем…

Кому из нас, журналистов, не хочется встретиться с молодым оригинальным человеком, влюбленным всей душой в небо, перспективным офицером? Но полеты есть полеты, а летные смены следуют одна за другой, отвлекать летчиков посторонними делами не разрешается. Встреча откладывалась на неопределенное время.

В этот день я допоздна засиделся в штабе эскадрильи. И дежурный младший сержант Владимир Дроздов, широкоплечий красавец, увидев свет в комнате, осторожно постучался.

— Простите, разрешите представиться — дежурный по штабу, — сказал он тихо, приоткрывая дверь.

— Проходите. Я уже заканчиваю.

Он потоптался, но не ушел, а продолжал стоять, наблюдая за моими занятиями. Протерев усталые глаза, я вновь углубился в бумаги, никак не выдавая напряжения, возникшего от чрезмерного любопытства дежурного.

— Курите? — Голос Дроздова был тихим и вкрадчивым.

— Нет, не курю, но вообще-то могу подымить, —

примирительно говорю я и замечаю улыбку на пухлых его губах.

Работа отложена. Бумаги сдвинуты в сторону. И мы беседуем с младшим сержантом о его службе, о его увлечении. Оказывается, до армии он работал в театре художником, расписал декорации к нескольким спектаклям. О своих коллегах–художниках он говорит профессионально, неторопливо, доброжелательно. Дроздов — после Долгой беседы — показывает свои работы, выполненные тушью на ватмане: «Деревья», «Маяковский», «Березы». Рисунки мне нравятся, я говорю ему об этом, продолжая смотреть на них с радостным откровением.

— Правда? — переспрашивает он, не уверенный в моей искренности.

— Честное слово.

Дроздов оживляется: лицо его покрывается румянцем, волосы ниспадают на лоб, испещренный мелкими морщинками. Он безрезультатно ищет применение своим рукам.

— Тогда я их вам дарю.

— Вот это да! А что же вы себе оставите?

— Да берите. Знаете, как мне приятно подарить журналисту. Вы в Москве служите? Вдруг через несколько лет вы прочитаете: в Москву прибыл на гастроли Н–ский драматический театр. Главный режиссер — тра-та-та, главный художник — Дроздов.

Дроздов помедлил, а потом уже заговорщически шепнул:

— Я работаю сейчас над портретом старшего лейтенанта Григорука. Вот это летчик! Да и типаж отменный.

Так я снова услышал о Григоруке.

Что же это за человек, о котором говорят с уважением и восхищением и командир полка, и авиационный механик–художник?

На следующее утро я увидел летчика.

…Старший лейтенант Николай Григорук, высокий, плечистый, ловко выбрался из кабины истребителя, потоптался на месте, словно желая ощутить твердь земли, а затем подошел к технику самолета и пожал ему руку:

— Все агрегаты и системы на этот раз работали безотказно.

Иногда, желая с кем-нибудь поговорить, мучительно думаешь, с чего бы начать, как сделать так, чтобы разговор был интересным и откровенным. Но на этот раз я решил обойтись без всякой «дипломатии» и прямо спросил Григорука:

— Что вас привело в авиацию? Вы, почти готовый специалист, и вдруг меняете свою профессию?..

— Что привело в авиацию? — как-то растерянно — видно, не ожидал такого лобового вопроса — переспросил он и опустил голову. — Знаете, так просто я не могу ответить.

— Ну, все-таки… — Воспользовавшись паузой, я всматривался в летчика. Высокий рост, лицо обыкновенное: тонкие губы, нос крупный с горбинкой, глаза с переливом — то зеленые, то голубые. Руки длинные, сильные.

— Видите ли, определить свою жизнь раз и навсегда, наверное, невозможно, — начал Григорук неторопливо. — Профессию мы обычно выбираем в раннем возрасте. Возможны и ошибки. А скольким людям революция, война изменила профессии? Как-то весной мы, группа учащихся автомеханического техникума, записались в парашютную секцию. И вот наступил день моего первого прыжка. У меня даже и в мыслях не было, что этот прыжок перевернет всю мою жизнь. Первый прыжок — это подвиг. И часто он совершается в азарте спора. Красавец «Ан-2» поднял нас в воздух. И когда я увидел с высоты землю, тонкие ниточки рек, медленно, как жуки, движущиеся машины, дома, людей, четкие квадраты изумрудных полей — я понял, что отныне без авиации жить не смогу. Во мне было ощущение неба, достигнутого мной неба. И я захотел там остаться. В моих действиях не было ни мужества, ни героизма. Я шел по зову внутреннего голоса.

Помню: сошел с неба на землю, расстегнул замки парашюта и тут же замер, очарованный, ошеломленный открытием красоты земли. Как будто и не было у меня только что перед прыжком волнения, страха. Ко мне подбежали товарищи, тормошат, всматриваются в мои широко открытые глаза, а я весь в себе. Многие подумали: кончился Григорук–парашютист.

Как это здорово — шагаешь в бездну, закрываешь глаза, встречные струи до синевы охлаждают тело, а тебе жарко, на лбу испарина. Тело напряжено, руки выброшены вперед, будто из-за желания ухватиться за что-то. Глаза слезятся, и их боязно открыть. Мимо, сквозь пальцы, течет воздух. И только увидев землю, не хочется больше закрывать глаза. Появляется желание зависнуть, насладиться всей этой прелестью, не упустить этого великолепного мига.

Григорук говорил очень вдохновенно, слушать его было интересно… Но он, к сожалению, далеко ушел от темы нашего разговора, я уже начал было подыскивать Удобный момент, чтобы прервать его монолог, как он сам остановился на полуслове и, в упор посмотрев на Меня, вдруг спросил:

— Думаю, вы не упрекаете Тимура Фрунзе за то, что и он стал летчиком?..

— Тимура?! — воскликнул я. — Тимур Фрунзе принадлежит всем нам. И мне кажется, что подобные параллели не оправданы.

Тимур Фрунзе! Что знает о нем Григорук, ведь Тимур

современник моего поколения, хотя и был чуточку старше нас.

На Кропоткинской улице, в Москве, рядом с музеем А. С. Пушкина, серое многоэтажное здание. Я хорошо знаю этот уголок Москвы: во 2–й спецшколе, а она размещалась в этом здании, учился мой дядя. На втором этаже школы, ныне она имеет номер 29, висит мемориальная плита со словами:

«Вечная слава нашим товарищам, воспитанникам 2–й специальной артиллерийской школы, отдавшим жизнь за свободу и независимость Родины».

Тогда, в 1942 году, плиты не было. Шла война, и никто не знал, как велика потребуется доска, чтобы вместить имена погибших. В холле первого этажа вывешивали чрезвычайные сообщения.

В январе 1942 года черные буквы известили: «В воздушном бою в районе Старой Руссы геройски погиб выпускник нашей школы Тимур Фрунзе».

Вечером мой дядя сообщил мне тайну: он уходит на фронт. Не он один, их несколько, учеников восьмого класса 2–й Московской артиллерийской подготовительной спецшколы (МАПС).

— Главное, — говорил дядя, неумело прикуривая, — избежать объяснений с Крейном.

Дядя, хотя и был невысок ростом, все же сильно походил на настоящего военного; в гимнастерке с широким форменным ремнем, брюках, массивных черных ботинках, армейской шапке со звездой. Крейна — начальника спецшколы — избежать не удалось. Узнал, не отпустил, собрал всех.

— Стыдитесь, герои. — Говорил Крейн тихо, и учащиеся знали — это наивысшая степень волнения начальника. — Вы не на фронт бежите, а с фронта. Чем вы будете воевать — палками, а нужно артиллерией бить…

От своего дяди я знал подробности об этой спецшколе. «Бог войны — артиллерия», — повторял он часто. Но, не разделив его точки зрения, я в 1948 году поступил в спецшколу ВВС. От дяди же я узнал многое о жизни Тимура.

В 1937 году Тимур Фрунзе, после окончания седьмого класса 257–й средней школы, решил поступить во 2–ю артиллерийскую спецшколу. Принес документы. Там попросили его написать автобиографию. Взял он бумагу, сел, задумался. А что же ему писать, что он успел сделать за пятнадцать неполных лет? Тимур написал: «Автобиография», чуть ниже с красной строки начал: «Я, Фрунзе…» И остановился. Что писать? Нечего. Совершенно нечего. Жизнь только начиналась. Он попросил разрешение подумать и принести написанное завтра. Ему разрешили.

Дома он написал:

> «Родился в Харькове, в 1923 году. В 1925 году умер отец, Фрунзе М. В. — профессиональный революционер. В 1926 году умерла мать — учительница. Воспитывался у бабушки до ее смерти. С 1931 года в семье К. Е. Ворошилова…»

«Мрачновато», — подумал Тимур и, скомкав тетрадный лист, бросил его в корзину для мусора. Хотелось написать что-то другое. Но написал опять то же самое. Правда, сделал небольшое добавление: «Сестра Татьяна — слушатель военной академии».

Стать артиллеристом он решил неожиданно для всех. Вместе со своими друзьями Степаном Микояном и Степаном Новичковым думал о выборе профессии.

— Меня не пустят в пилоты, — грустно жаловался Микоян. — И так все братья в летчиках.

— Чудаки, — воскликнул Новичков, — да артиллерия сегодня все. Можно поставить пушки у нашей границы и стрелять по неприятелю даже через целые государства…

Тимур не был так уверен в мощи артиллерии, но если друзья порешили…

А уже летом 1940 года Тимур Фрунзе объявил о своем намерении быть летчиком. Вечером он позвонил своему товарищу Фрунзе Ярославскому. Известный революционер Емельян Михайлович Ярославский в честь Михаила Васильевича Фрунзе второго своего сына назвал Фрунзе.

— Фрунзе, — сказал Тимур, — я решил стать летчиком. И ты должен тоже стать летчиком. Понял?

Профессия летчика была в семье Ярославских потомственной. Старший брат Владимир был летчиком, выпускником Качинакого военного училища, которое еще задолго до него окончил брат матери Петр Иванович Кирсанов.

Петр Иванович — участник первой мировой войны ушел на Западный фронт, покинув Московский университет, отказавшись от блестящей карьеры ученого. Он был первым русским летчиком, пришедшим на учлетовскую скамейку с университетским образованием. Много было у него воздушных побед. Слава и здесь не обошла стороной незаурядного человека. Имя Петра Ивановича Кирсанова с уважением произносилось в России, как и имя Петра Николаевича Нестерова. О них писали газеты, их награждали титулами и орденами.

В ноябре 1916 года Петр Иванович Кирсанов геройски погиб в воздушном бою, упав на территории врага. Вильгельм II приказал похоронить русского летчика со всеми воинскими почестями, а

боевые награды вернуть семье.

Фрунзе Ярославский гордился своим известным родственником и мечтал стать летчиком. Он поступил в аэроклуб Свердловского района Москвы. Тимур Фрунзе, прервав учебу в спецшколе, настоял на переходе в Качу.

…Слово «война» уже звучало реально в этой военной школе пилотов. В августе 1940 года начальник школы, прославленный советский летчик, дважды Герой Советского Союза С. П. Денисов собрал на беседу молодых курсантов.

— Будем создавать группы для ускоренного выпуска, — сказал он. — По Европе идет война. Мы — военные и обязаны серьезно готовиться к ней. Стране нужны летчики…

Денисов хорошо знал, что такое война. Герой Испании и Халхин–Гола, непобедимый ас, один из самых бесстрашных русских летчиков, он стал дважды Героем еще до Великой Отечественной войны.

Тимура Фрунзе записали в одну из таких групп.

«Таня! Я решил стать летчиком не в один вечер, не сразу, — пишет он сестре из училища, — а долго и мучительно раздумывая над жизнью. Пойми меня и не суди строго. Ведь ты же знаешь, что папа одобрил бы мой выбор. Он шел всегда туда, где тяжело.. Помнишь: Восточный фронт. Разве могу я, сын Фрунзе, поступить иначе.

На нас ответственность перед памятью наших родителей. Нам ведь легче, правда?»

Писал Тимур редко, но были такие адресаты, которых он не забывал.

«Дорогой Климент Ефремович, отец! Выбор моей профессии предопределен историей. В современной войне самым грозным оружием будет авиация. Я ведь сын таких известных родителей. Значит, владеть должен самым мощным оружием. Вы не раз говорили мне слова папы: «Мой сын будет настоящим большевиком. На нем должна быть двойная ответственность: фамильная — кадрового революционера и преемственность молодого поколения». Это справедливо, и я буду выполнять это всегда.

Летать еще не начал. Но очень хочу в полет, только в самостоятельный. В полете человек обретает крылья и достоинство…

Словом, я учусь, постоянно помня вас!»

Объяснил свой уход в авиацию Тимур только самым близким людям. В Центральном государственном архиве Советской Армии я познакомился с перепиской Климента Ефремовича Ворошилова с приемными сыновьями. Их было несколько, мальчиков, которых

нарком обороны усыновил и проявлял отцовскую заботу до конца своих дней.

О своем неуемном желании летать Тимур писал К. Е. Ворошилову осенью 1940 года.

«Эх, Климент Ефремович, если бы я только мог описать вам, какое у меня было ощущение, когда я первый раз поднялся в воздух! Какая уж там артиллерия! Теперь я уже имею 2 ч. 44 м. налета (с инструктором, конечно). Инструктор у нас замечательный. Лейтенант Коршунов. Он окончил Качу отличником и имеет уже 3 выпуска.

Вот обидно до смерти: самый разгар полетов — и выходной день! А завтра новая неприятность — вся эскадрилья летает, а у нашей группы теоретические занятия. А летать убийственно хочется! Обидно. А вообще я страшно доволен. Учеба, даже теоретическая, очень интересная…

…Теперь имею 8 самостоятельных вылетов… Обучение поставлено и обеспечено всем необходимым отлично. Так что нечего уж тут говорить — все в наших руках. Но пока с учебой все в порядке. Хотя нельзя сказать, что теория, которую нам преподают, — пустяк. Программа хоть и сжата, но по объему не уступит ни одной программе любого авиационного училища. По крайней мере, все необходимые предметы здесь проходят, и проходят очень глубоко и подробно. Однако, признаться, думал я, что намного легче будет. Дело не в том, что предметы не даются, а в нехватке времени. Буквально каждую минуту приходится использовать, и не просто использовать, но стараться как можно реальнее использовать. Крутишься, крутишься, еле поспеваешь. Однако теперь я уже настолько втянулся, что успеваю выделить ежедневно по 15–20 минут: решил заняться французским языком, чтобы не забыть».

В личном деле Тимура Михайловича Фрунзе характеристики, отзывы, воспоминания о нем.

> «Знаем тов. Фрунзе по совместной службе как курсанта с твердым характером, непоколебимой силой воли…
>
> Комсорг I АЭ».

«За время обучения в эскадрилье на самолетах «У-2», «УТ-2», «УТИ-4» проявил себя как высокограмотный человек, с высокими дарованиями и способностями…

Авиацию любит, любит в ней новое и особенно фигуры высшего пилотажа.

Летные качества хорошие. Летным делом овладевал настойчиво, отстающим быть не любил», — Это пишет командир

эскадрильи капитан Иванов.

«Самоподготовкой не занимается, все успевает на одних занятиях. Свободное время посвящает чтению исторической литературы на иностранных языках», — узнаем мы из сообщения начальника штаба эскадрильи.

Да, Тимур знал французский и немецкий язык. «Графа Монте–Кристо» он читает на французском, а Гете и Шиллера — на немецком. Книги всегда были его страстью.

В своем дневнике Тимур записывает: «Нужно совершенствоваться. Любой характер можно изменить. Терпение, способности, даже физическую силу — все можно выработать в себе, если по–настоящему захотеть, если не давать себе поблажки…» Ниже подпись: «Отец». Так он подписал цитату из книги Михаила Васильевича Фрунзе. А слова «…не давать себе поблажки…» подчеркнул.

И Тимур не давал себе поблажки. В выпускной аттестации командир звена лейтенант Коршунов написал:

«Общее развитие отличное… Физически развит отлично. Вежлив в обращении. Предупредителен, энергичен, решителен, инициативен, настойчив и непоколебим в проведении в жизнь своих решений…

Летную программу усваивал хорошо, закреплял отлично. В летной подготовке наблюдалась переоценка своих сил в овладении самолетом. Не боится делать любые эксперименты на самолете и не прочь выполнить что-нибудь неположенное. Был случай перевыполнения задания в зоне, за что отстранялся от полетов. После этого летал нормально. За время обучения летному делу оказалось, что ему необходим строгий контроль по технике пилотирования. Зачет по теории и летной практике сдал отлично».

Велик был авторитет отца, безгранично очарование Тимура, но никто не дрогнул, не изменил своим нравственным позициям, давая ему характеристику. Они писали правду, ибо только правда нужна была в обращении с юношей.

Знает ли все это молодой летчик Николай Григорук?

Я пристально смотрел на него. Он молчал, видимо еще ждал моего ответа на свой вопрос.

— Нет, конечно, не упрекну Тимура, — говорю я. — Если он решил, что в авиации принесет больше пользы, — а об этом он, наверное, слышал, — то разве мог бы поступить иначе? Ведь он готовился к войне, к защите своей Родины. Это патриотический долг каждого молодого человека. Такая же задача стоит и перед нашим поколением. Хотя, может быть, качественно решать ее придется по–другому.

«Философствую. А что толку рассуждать о Тимуре Фрунзе, — подумал я, — если Григорук ничего конкретно не знает о нем». И, словно угадав, о чем я сейчас думаю, и решив развеять мои сомнения, Николай вдруг встал из-за стола и заговорил опять в приподнятом тоне:

— В ноябре сорок первого Тимур приехал в полк, который стоял на обороне Москвы. У каждого из нас есть что-то очень дорогое, близкое. Допустим: село, речка, опушка, поле, даже стог сена. Конечно, был такой уголок и у Тимура. Но Москва — она не сравнима ни с чем. Она вобрала в себя все. И Тимур хорошо понимал ответственость своего поколения за защиту Москвы. И даже позднее, когда полк был переброшен на Северо–Западный фронт, он и там продолжал драться за Москву.

В музее хранятся личное дело Тимура Фрунзе и копия переписки его с К. Е. Ворошиловым, Вот что писал Климент Ефремович в одном из писем:

«Вспоминаю эпизод из жизни Тимура, который я не могу забыть. Когда началась война и Тимур уже окончил Качинское военное училище летчиков, я встретил его, повзрослевшего, в Куйбышеве, куда в то время были переведены многие правительственные учреждения. Встреча была приятной, трогательной. Он кратко сообщил об окончании летной школы и сказал, что направляется теперь в штаб ВВС для распределения, т. е. для назначения в действующие войсковые части. Через несколько дней самолетом отправились в Москву. Летели вместе, и он всю дорогу вел разговор об одном: просил меня, чтобы я помог ему побыстрее отправиться на фронт… После этого Тимур, не получая назначения по службе, несколько раз заходил ко мне и, несмотря на мою занятость, заводил речь все об одном и том же — об ускорении отправки его в действующую часть. Я пообещал выяснить этот вопрос, помочь ему, звонил по телефону кое–кому из его начальников, но как-то в текучке различных дел вопрос затянулся. Тимур не переставал напоминать мне о своей просьбе, но теперь он был уже возбужден и нервничал…

— Вы, Климент Ефремович, очевидно, мне политически не доверяете? Но вы же хорошо знали моего отца, а я во всем хочу походить на него. Я буду бить врагов умело, беспощадно, собственной жизни я жалеть не стану. Поскорее, пожалуйста, устройте отправку меня на фронт.

Мне стало жаль Тимура, я успокоил его, как мог, и сказал, что позвоню еще и еще раз кому следует…

— Позвоните, пожалуйста, Климент Ефремович, только поскорее. Я, знаете, боюсь, что война может в любой момент кончиться и это произойдет без моего участия, без моего личного

хотя бы одного воздушного огневого удара по фашистским выродкам, по этому подлому врагу нашей Родины, нашего народа.

— Бояться внезапного окончания войны, дорогой Тимур, нельзя, этому следовало бы радоваться, — ответил я ему. — Но, к сожалению, конца войне еще не видно — она лишь разгорается…»

Николай говорил о Тимуре, а я с уважением и нежностью смотрел на него и думал: «Конечно, Николай Григорук знает о Тимуре, и знает, пожалуй, не меньше, чем я. А я-то думал… Вот тебе и новое поколение!»

Авиационное училище ленинский стипендиат Григорук окончил с отличием и был направлен в авиационный полк, эскадрилью майора Романова.

Николай Григорук с радостью садился каждый раз за штурвал самолета. Он летал и днем, и ночью. Летал в любую погоду. Он любил небо: ведь там, за облаками, теряется ощущение времени. Можно из бесконечности пространства, почти от самого солнца, снизиться, пробить облака и оказаться в вечернем полумраке, скрывающем серой дымкой землю. Можно снова рвануться ввысь и в считанные секунды опять оказаться у солнца.

Небо манило. Оно было всесильным, могущественным, как солнце, и прекрасным, как земля. Он уже привыкал к своему постоянному пребыванию в небе, как вдруг… Падение со спортивного снаряда, перелом руки. Николай понял, что вместе с рукой поломалась и его жизнь. Путь в небо для него теперь навсегда закрыт.

Он лежал в госпитале и с горечью думал о том дне, когда его отчислят из авиации. Куда ему теперь податься? Разве что поехать в родную Белоруссию и устроиться механиком на какую-нибудь автобазу?

К нему приходили однополчане, друзья по училищу, чтобы утешить его, рассказать новости, передать письма. Николай читал книги, старался отвлечься от своих горестных мыслей, но у него это не всегда получалось, и, притворившись спящим, он закрывал глаза и думал, думал о своей дальнейшей жизни. Герои книжные и жизненные толпились перед глазами, давали советы, подбадривали, корили за слабоволие.

Думал о работе в автобазе, об учебе в институте, о женитьбе, о поездке к старшей сестре, о… И тут ему становилось еще больнее. Он узнал, что сын сестры Руслан станет летчиком. Парень хорошо учится, занимается спортом, словом, выполняет все его, Григорука, советы и теперь идет по пятам, догоняет.

…Теперь это все позади. И Николай вспоминает о сломанной руке как о тяжком испытании, жестокой проверке жизнью.

— О Тимуре Фрунзе написано много, — продолжает он свой разговор. — И как он погиб, знают все летчики, да и не только летчики, — говорит Григорук. — Тимур Фрунзе пример для нас. Он погиб девятнадцатилетним и навсегда остался молодым, нашим сверстником. Не каждому в девятнадцать лет удается проявить такое мужество, совершить подвиг. Этим нам он близок, этому мы всегда будем учиться у него. Думаю, что каждый из моих товарищей готов к любым суровым испытаниям…

Накануне от политработника Виктора Ядова я услышал о новом испытании, выпавшем на долю Григорука.

Шли учения. Эскадрилья майора Романова получила задание перехватить на большой высоте группу самолетов «синих», идущих к важному объекту. После выполнения этого сложного боевого задания на самолете Григорука отказал один агрегат.

Григорук мог катапультироваться, но он не сделал этого. Он решил во что бы то ни стало спасти машину. И благодаря своему большому опыту, мужеству, самообладанию ему удалось дотянуть до аэродрома и посадить самолет. Но Григорук не рассказывает мне об этом. Он не из хвастливых. Трудные ситуации не превращает в выигрышные для себя.

Спросите о том трудном случае в полете, и он расскажет вам историю с другим экипажем, подвиг которого взял себе в пример.

Случилось это недавно на одном из аэродромов в обычный летный день.

Командир экипажа полковник Валентин Иванов разворачивал огромный, как многоэтажный дом, корабль на ВПГ1. Последние фразы обязательного, точного, как пункты воинского устава, разговора со стартовым командным пунктом:

— Занимайте полосу.

— Есть. Выхожу к старту. Прошу взлет.

— Взлет разрешаю. Желаю удачи.

— Вас понял. Спасибо.

«Взлет разрешаю!» За этими двумя словами кроется очень многое: многочасовая подготовка летного и наземного экипажа, скрытые за этим волнения, дерзость, поиск, ибо здесь каждый полет — хождение в неизведанное, встреча с непознанным. Двигатели взревели на всю мощь. Сейчас они гнали через себя тонны раскаленного воздуха.

Самолет доверял воздуху, им дышал, опирался на него. Воздух держал эту гигантскую машину, подставлял свои невидимые плечи для опоры, толчка, служил лестницей для подъема на высоту.

Высота десять метров.

Этот полет дгециальный, испытательный. Экипаж в воздухе

семь секунд. Еще никто не знает о том, что уже началось испытание не самолета, а экипажа: на выносливость, подготовленность, мужество.

На высоте двести метров первый робкий намек на случившееся:

— Командир, что-то трясет?

Это сказал штурман–испытатель подполковник Юрий Ловков, ощутив вибрацию корпуса.

И тотчас в наушники ворвался тревожный голос земли:

— Иволга, посмотрите температуру.

— Барс, температура нормальная, — отвечает борт.

Летчик–испытатель Василий Капорцев докладывает:

— Командир, шасси не убирается.

— Подождите, ребята, сейчас разберемся.

И земля поняла, она знала, что гак спокойно Иванов обращается к своему экипажу только в очень сложной обстановке.

— Иволга, как табло?

Табло «пожар двигателей» погасло.

— Иволга, уберите форсаж.

— Барс, вас понял, форсаж убрал. Сейчас пройду около вас.

Машина, рванувшаяся ввысь, прекратила свой стремительный подъем и теперь, будто раненая птица, на малой высоте кружилась, отыскивая площадку для посадки.

Иванов, не уменьшая обороты двигателей, не прекращая радиоразговора с землей, делал правый разворот, чтобы уйти от города, не дать самолету свалиться на людей, пройти у командно–диспетчерского пункта для внешнего визуального осмотра машины.

До КДП[5] четыре секунды лета. Молчит земля, молчит экипаж. Бортовой магнитофон фиксирует паузу. Он записывает все слова экипажа, его состояние, темп работы на борту. Позднее лента донесет до нас жестокую правду.

— Иволга, — говорит руководитель полетов, — наберите высоту не менее двух тысяч метров. У вас пожар в двигательном отсеке. Примените пожаротушение и приготовьтесь к катапультированию.

Покинуть самолет! Земля имеет право дать такой приказ. Земля взвешивает все, прежде чем%пойти на такое. Значит, дело обстоит плохо.

Много лет назад, когда Валентин Иванов был еще учеником 5–й Горьковской спецшколы ВВС, он избрал себе кумиром человека, с которого делал свою жизнь, — Александра Ивановича Покрышкина. Иванов не просто копировал поступки и дела прославленного аса. Он изучал его жизнь, боевые приемы,

принесшие ему бессмертную славу, читал его книги. Однажды он прочитал такую запись: «Важно не только сбить противника, но и сохранить свой самолет, свою жизнь. А для этого требуется умение, я бы сказал, мастерство».

Разве умение летчика–испытателя не определяется числом испытанных и доведенных машин? Разве потерянная машина не изъян в его работе?

Самолет нельзя бросать. И здесь не только престижные соображения летчика, экипажа. Каждый новый самолет — шаг вперед в науке, технологии производства, в защите воздушных рубежей страны. Новый самолет — это как звено огромной цепи технического и научного прогресса, и вдруг разрыв…

— Барс, — обращается к земле Иванов, — какой двигатель горит?

— Левый.

Валентин Иванов смотрит на приборную доску: лампочки сигнализируют о пожаре в двигательных гондолах.

— Командир, — докладывает радист–испытатель майор Виктор Спирин, — у нас что-то здорово не в порядке.

— Вижу на земле тень дыма от нашего самолета, — говорит по самолетному переговорному устройству пилот Юрий Ловков.

И снова в наушниках требовательный голос земли:

— Иволга, ваша высота?

— Четыреста метров.

— Иволга, за самолетом тянется огромный огненный шлейф, у вас на борту пожар. Немедленно набрать высоту и катапультироваться!

— Вас понял.

Иванов взял на себя штурвал — самолет вверх не шел.

— Ребята, — говорил командир, — буду заходить на посадку. Кто не хочет испытывать судьбу, может… Словом, подготовиться ко всему самому плохому.

Ответили все сразу, как по команде.

— Понятно, командир. Садимся.

Время давно измерялось секундами. Шла вторая сотня героических секунд.

Героических секунд! Нет, героизм начался не в воздухе, намного раньше. Может, тогда, в средней школе, в которую Иванов вынужден был вернуться из-за болезни матери, прекратив учебу в спецшколе ВВС. Друзьям своим он сказал:

— Я должен уйти из спецшколы, больна мама, но я не ухожу из авиации.

1949 год был трудным в жизни Иванова. Учился в школе, работал лаборантом, помогал по дому, заботясь о маме, о своих

младших. Формировался характер, создавался человек.

Река образуется из ручейков и притоков. Так и человеческая жизнь: из малых и больших событий, встреч, сомнений, радостей и печалей.

Валентин Федорович Иванов уже был женат, готовился стать отцом, многого достиг в жизни, когда вдруг заявил о своем желании стать испытателем.

Знал ли он, на что шел? Да, знал. У него был тот запас знаний, энергии, исчерпать которые он мог только на новой, очень трудной работе. И только на испытательной. Он еще не знал, какая она, но он много читал о ней и, влекомый не только романтическими чувствами, сознательно шел в неизведанное.

Он не кичился своими достижениями, знаниями, он собрался стать послушным учеником уже известных всей стране летчиков–испытателей. Когда он прошел все необходимые формальности, его допустили к полетам.

Утром у ангара ему показали на «Ил-28», сказали:

— Надо облетать, двигатели меняли. Второй полет — работаешь на прибористов.

Иванов выслушал молча. Он понял: его ученический период прошел. Он равный среди всех. Иванов не мог возразить, что он не летал на «Ил-28» уже пять лет. Ему бы хоть один вывозной полет. Но разве опытные летчики-испытатели повторяют дважды один и тот же полет? Каждый полет для них — единственный, неповторимый. И Иванов полетел.

Валентин Федорович не знал, что за ним следили, что в нем еще сомневались, ему пока не доверяли.

В тот день ему поверили, его полюбили и сразу признали своим. Потом было много полетов: рискованных, опасных, трудных, но это было потом.

Вот и в этот раз, о котором говорил Григорук:

— Они не бросили самолет, и думаю, что оставить свой самолет — это для летчика не только потеря общественного авторитета, это личная трагедия. Мы должны бороться за самолет до самой последней возможности. Поэтому не бросил его и я.

Не говорит Григорук и о том, что за годы пребывания в полку получал за полеты только отличные оценки, о том, что его избрали секретарем партийной организации, и о том, что генерал, проверяя технику пилотирования, сказал:

— Вы хороший летчик, вы будущее нашей авиации, ее гордость.

— Вы, наверное, много читаете? — спрашиваю я Николая, восхищаясь его умением строить предложения, ясно и грамотно выражать мысль.

— Не сказал бы, что много, но читать люблю. Когда долго не читаю, а бывает и такое по различным причинам, то чувствую не только интеллектуальную слабость, но даже какую-то заторможенность мышления. Дело не в способности мыслить категорично, а в возможности мозга воспринимать происходящее. «Люди перестают мыслить, когда перестают читать». Это, кажется, Дидро сказал.

Старший лейтенант Григорук охотно рассказывает обо всем, что меня интересует, о своих товарищах, командирах. Говорит он о них тепло, с тем душевным радушием, с которым обычно говорят о настоящих друзьях.

— Майор Романов? — переспрашивает с улыбкой Николай. — Это настоящий командир. Он достоин подражания. Он очень разнообразен, широк круг его интересов, но в одном он неизменен: в методике подготовки летчиков. Он многому учит нас, много требует, много доверяет.

А я считаю, что доверие — один из самых сильно действующих воспитательных факторов. И наш командир использует это в полной мере. Говорят, что есть актер одной роли, писатель одной книги. Думаю, что летчика одного полета нет и не может быть. Ибо каждый полет неповторим, каждый полет — это творчество его автора. Можно ли сравнивать полет Чкалова на остров Удд с полетом в США? Майор Романов любит говорить: «Летчик рождается в борьбе, в тиши зреют гении». Трудностей он создает нам немало, но зато как много у нас радостей при их преодолении. И если когда-нибудь мне доверят командовать эскадрильей, я буду стремиться стать таким командиром, как Романов.

Один из советских военачальников как-то сказал: «Люблю с молодыми офицерами встречаться, от них заражаешься добрым зарядом энергии. Пожалуйста, находите для этого время. Честное слово, это взаимно полезно».

Я не могу уподобиться опыту и положению того военачальника, но слова его, по–моему, верны и для нашего возраста. Встреча с летчиком, коммунистом Николаем Григоруком оставила в моем сознании неизгладимый след.

Николай Григорук — не исключение в нашей армии. Такими людьми богата авиация. Это ее настоящее, ее будущее.

Прошли годы. Николай Григорук окончил академию имени Ю. А. Гагарина, женился, получил очередное воинское звание.

Между той встречей в августе 1968 года и сегодняшним днем — пролегли огромные события.

— Помните, — говорит он, — мы говорили о самолете. Лучший способ стать хорошим летчиком — сажать самолет на

свой аэродром. Это для нас, летчиков, создает традиции, они переходят от поколения к поколению. Конечно, Тимур Фрунзе продолжал и свою фамильную традицию — несгибаемость. На него и на многих других героев равняемся и мы, летчики 70–х годов.

Гуляет в поле ветер. Завывает злобно, протяжно. Люди обычно сторонятся ветра, а летчики нет, потому что они всегда направляют свой самолет навстречу ветру. Опираясь на него, они поднимают самолет в воздух.

Юрий Гагарин

Космос — это всегда хождение в непознанное и чуточку риска, реальность жизни и фантазия века, гражданское сопереживание и национальная гордость, радость ожидания и волнующее отрезвление: как они там?

Мы первыми запустили искусственный спутник Земли. Первыми получили фотографии обратной стороны Луны. Первая мягкая посадка на Луну автоматической станции. Первая телевизионная передача с поверхности нашего естественного спутника. Первый искусственный спутник Луны. Первые групповые и совместные полеты. Первая женщина–космонавт. Первый выход человека в открытый космос. Первая стыковка в космосе и создание орбитальной станции. Первая автоматическая космическая станция, с помощью которой была взята проба лунного грунта и доставлена на Землю. Первый автоматический аппарат «Луноход-1».

И самое яркое в этой блистательной космической эпопее — полет Юрия Алексеевича Гагарина.

Юрий Гагарин! Мы привыкли к этому имени. Оно стало символом мужества, мерилом подвига. Это имя знают во всех уголках Земли. Оно вошло в наше сознание апрельским днем 1961 года и будет жить вечно.

Этот рассказ–хроника последнего месяца его жизни основан на дневнике Юрия Алексеевича, рассказах его друзей и личных наблюдениях.

1 марта

Юрий Алексеевич проснулся рано. Прошел в комнату дочерей, поцеловал их и направился в кабинет. Откинув штору, долго смотрел в окно. Предстоял трудный день: Валентина Ивановна ложилась в больницу, а сам он утром следующего дня улетал на космодром.

Юрий Алексеевич собрал книги со стола, поставил на стеллаж. Без книг он не мог жить. Иногда писал сам. Преимущественно это были раздумья над прожитым, стремление заглянуть в будущее. Теперь много дней он не сможет сесть за письменный стол.

После завтрака Юрий Алексеевич уехал в Москву. А вечером прибыл в Дом офицеров Военно–Воздушной инженерной академии имени Жуковского на литературный вечер, который организовало Военное издательство Министерства обороны СССР. Юрий Алексеевич выступил перед читателями.

2 марта

Полковник Гагарин улетал на рассвете. Легко взбежал по трапу в самолет, поздоровался с экипажем и попросил разрешения занять правое кресло.

— Как прекрасна наша профессия! — сказал Юрий Алексеевич, надевая шлемофон и поудобнее усаживаясь в кресло второго пилота. — Летать хочу, летать. Вернусь с космодрома — буду летать.

Гагарин присутствовал на запусках многих кораблей и спутников. И теперь его ждали на космодроме. Ждали люди на стартовых установках, на КП — словом, все, кто имел отношение к запуску. Многие космонавты, находясь далеко от родной Земли, слышали его голос с командного пункта — бодрый, сильный, не раз приходивший на помощь. В далеком звездном пространстве он сокрушал жгучее одиночество, рождал уверенность.

3 марта

Воскресенье. На космодроме обычный рабочий день. Предстоит серия запусков. Люди увлечены и сосредоточены. Это обычно свойственно тем, кто хорошо знает свое дело. Приходит полковник Гагарин. Его встречают приветливо.

Он был прост и отзывчив. Каждый кто соприкоснулся с ним, уносил частичку щедро одаренной натуры.

Как-то здесь же, на космодроме, в один из вечеров Юрий Алексеевич вышел на свежий воздух побродить в одиночестве. Но едва он сделал несколько шагов по черной асфальтовой дорожке, сливающейся с темной ночью, как попал в окружение инженеров, техников, специалистов служб. Юрий Алексеевич остановился, весело посмотрел на обступивших ребят.

— Перекур, да? — спросил он высокого черноволосого капитана.

— Перерыв, товарищ полковник, — совершенно серьезно доложил он.

— Значит, будем гулять вместе?

— Так точно, вместе.

— И молча? — улыбнулся Юрий. Обстановка располагала к разговору: небо таинственно глазело тысячами звезд, легкий северный ветерок шелестел в листве деревьев, овевая прохладой.

— В 1871 году, — начал Гагарин, — во многих странах мира появилось в газетах сообщение о строительстве и полете первых воздушных шаров. Эти летательные аппараты называли воздушными снарядами, воздухоплавательными цилиндрами и еще другими, по тому времени сложными и непонятными,

словами. Мало кто знал, что еще в 1812 году механик–изобретатель Леппих «под завесой непроницаемой тайны» был помещен около Москвы, обеспечен необходимыми средствами для строительства воздушного шара.

Московский главнокомандующий Ростопчин даже дал указание увеличить число работающих в мастерской Леппиха до 100 человек, кроме того, обязал их работать по 17 часов в день. 15 августа должен был совершиться полет.

Но тайна не может долго оставаться сокрытой. Жители Москвы узнали о «чуде, способном поднимать ящики с разрывными снарядами, сбрасывать их с высоты на неприятеля, сея разрушения».

Ростопчин увидел в шаре спасение России от Наполеона. В военном ведомстве готовились нанести французским войскам удар под Смоленском. Но прошло 15 августа, а никакого чуда не явилось.

Разговор переходит на Болгарию, где Юрий Алексеевич побывал летом. Ему, первому из иностранцев, было присвоено звание Героя Социалистического Труда Народной Республики Болгарии.

4 марта

Служебные дела заполнили весь день. Полковник Гагарин побывал на всех объектах, ознакомился с особенностями пуска новой системы.

Вечером позвонил домой. Разговаривал с Леной и Галей. Дочери по очереди рассказывали свои новости: у подружки Аллы новая игрушка, соседский Мишка снежком в стекло попал, Андрей Волынов наизусть прочитал ребятам двора хорошие стихи… Юрий Алексеевич слушал дочерей и весело смеялся.

5 марта

Радио передало сообщение ТАСС: «5 марта 1968 года в Советском Союзе произведен очередной запуск искусственного спутника Земли «Космос-204». На борту спутника установлена научная аппаратура, предназначенная для продолжения исследований космического пространства в соответствии с программой, объявленной ТАСС 16 марта 1962 года». А в это время далеко от Москвы на стартовый стол вставала другая ракета с искусственным спутником Земли — «Космос-205».

Телетайпы передавали сообщения ТАСС, заново верстались номера газет, обсерватории всех континентов начинали наблюдение за спутником Земли, а в эфир неслось новое сообщение: «На орбите «Космос-205».

Поздно вечером Юрий Алексеевич вышел из здания координационно–вычислительного центра.

После многочасового напряжения, стрекота аппаратов, гудения моторов на улице казалось необычно тихо. Гагарин посмотрел на небо, привычно отыскал Полярную звезду, Большую Медведицу, задержал свой взгляд на созвездии Лебедя.

6 марта

Все отделы космодрома анализируют данные, поступающие со спутника. Идет подготовка к запуску очередных систем.

Наконец-то у космонавта появилось «окно» — свободное время. Сегодня у него другая работа — с собой привез верстку книги «Психология и космос», написанную им совместно с Владимиром Ивановичем Лебедевым. Это, пожалуй, первая книга, соединившая в себе раздумья космонавта и ученого. Гагарин читает верстку, внимательно проверяет фактический материал, вносит необходимые дополнения.

Потом еще раз просмотрел только что вышедшую в Воениздате книгу А. Киселева и М. Реброва «Уходят в космос корабли». Предисловие к этой книге написал он. Ему нравится книга — своеобразный справочник первых десяти лет советской космонавтики. В предисловии есть такие слова: «Мы живем в необыкновенное время. Ветер странствий наполняет паруса «космических каравелл», готовых отплыть к далеким и неведомым берегам».

Вечером звонил в Звездный городок, разговаривал с Галей и Леной. Девочки ждут подарки — игрушки.

7 марта

Первая половина дня — совещание. Обсуждаются первые итоги данных, полученных со спутников. Они радуют: аппаратура работает нормально. Государственная комиссия принимает решение о продолжении работ, определяет даты новых спутников. Со станции слежения и контроля непрерывно идет информация: все в допуске.

Юрий Алексеевич посылает жене поздравительную телеграмму к 8 Марта.

Вечером он выступает на торжественном собрании, посвященном Международному женскому дню. Ему не случайно поручили этот доклад: все знали, как Гагарин уважительно относится к женщине. В докладе Юрий Алексеевич приводил многими забытые факты из истории авиации, связанные с именами женщин. 1904 год. Презрев опасность и предрассудки, поднялась на воздушном шаре русская женщина Турчанинова.

Спустя несколько лет русская воздухоплавательница Ильинская поднимается на воздушном шаре, построенном на свои деньги. В 1911 году Лидия Зверева стала пилотом — первая из русских женщин. В феврале 1925 года Зинаида Кокорина получила звание военного летчика.

Говоря о наших днях, Гагарин рассказал о Валентине Терешковой.

— Наша авиация развивается стремительно. Но как бы сложна ни была техника, она безусловно будет послушна нежным рукам наших женщин. И снова наши женщины будут первыми, как были первыми их предшественницы, — так закончил свой доклад Гагарин.

Один из близких друзей Юрия Алексеевича сказал:

— Ты галантен, как француз.

— Что ты! Я тактичен, как русский. В общем-то у меня нет претензий к женщинам. Я прекрасно с ними сосуществую. Ведь у меня в семье их три.

8 марта

Юрий Алексеевич позвонил домой, поздравил дочерей и гостившую в его доме сестру Валентины Ивановны с праздником, отправил поздравительную телеграмму маме в Гжатск.

В середине дня он позвонил в Звездный городок Валентине Владимировне Николаевой–Терешковой и поздравил ее с днем 8 Марта.

9 марта

Гагарин получил разрешение побывать дома, в Звездном.

Вечером пригласил товарищей, чтобы отметить свой день рождения. Достали самовар. Юрий Алексеевич всех угощал ароматным чаем. Он любил гостей, шумные и долгие споры за столом.

Разговор невольно коснулся положения в Чехословакии. Гагарин вспомнил о своей первой поездке в эту страну.

— Однажды мы проезжали село, не помню точно его название. К нам подошел невысокий юноша и повел на кладбище. Над одной могилой на полутораметровой металлической пирамиде была укреплена красная пятиконечная звезда. А под стеклом виднелась маленькая фотография советского сержанта. Ниже подпись:

> «Гладков Константин Аполлинарьевич. Родился в 1925 году. Погиб 1.07.45 г.».

— Обратите внимание, — сказал юноша, — он погиб уже

после войны. Вот как это произошло.

И Юрий Алексеевич пересказал гостям услышанную историю.

На отшибе стоял небольшой домик. В нем жила молодая женщина. У нее скоро должен был родиться ребенок. В те первые послевоенные дни в лесах и горах Словакии бродили недобитые гитлеровцы. И вот однажды они ворвались в этот дом. Угрожая, фашисты потребовали у хозяйки еды, а когда она отказала, стали ее избивать. Один из фашистов ударил женщину ногой в живот. В это время в селе появился советский сержант. Услышав крик женщины, бросился к дому. Завязалась схватка. Он получил одиннадцать ран, а женщину спас. Фашисты скрылись. Она перевязала своего спасителя–сержанта, а тот, превозмогая боль, шутил: «Смерть не брала на войне, а теперь и подавно не возьмет… Родится у вас сын — назовите Юркой. Хорошее имя. Ах, забыл я, у вас нет таких имен. По–вашему это будет Жорж, наверное?» Женщина, понимая, как ему плохо, кинулась за помощью, а когда минут через сорок вернулась с врачом, он был мертв. В тот вечер у нее родился сын, и его назвали Юрием. Это был тот самый провожатый, молодой чех.

10 марта

Вылет в Москву! В самолете Юрий Алексеевич садится у борта и почти неотрывно смотрит в иллюминатор. Его мысли устремлены в будущее. Новые пуски дали хорошие результаты. Итоги командировки будут обсуждаться с генералом Н. П. Каманиным, и он, Гагарин, внесет свои предложения.

Дома Юрия сегодня не ждали. Пока готовили ужин, Юрий Алексеевич позвонил Валентине. Он хотел немедленно приехать к ней в больницу, но она убедила его побыть сегодня с детьми. После ужина он читал девочкам книжку. Потом разбирал почту.

Почта космонавтов начала свое существование с гагаринских писем.

Она необычна, эта Почта космонавтов, как называют теперь ее официально, и адреса на конвертах тоже необычные: «Министерство космоса», «Союз космонавтов», «Космическая школа», «Дом космонавтики», а то и просто — «Москва, космонавту…»

Письма разные. Но в чем-то все-таки схожие. Наверное, в том, что авторы их с открытым сердцем делятся своими радостями и неудачами, просят совета и дружеской помощи. Вот коротенькое письмо Анатолия Бобранова из Тулы, адресованное Ю. А. Гагарину: «…прошу, в следующий полет возьми меня. Я шофер, может быть буду полезен». Их тысячи, таких писем. А вот письмо совсем другое:

«Много вы получаете писем с поздравлениями за свой полет вокруг «шарика», но я уверен, у вас нет ни одного письма, написанного человеком, лишенным рук. К тому же у меня нет и обеих ног, но зато я имею четырнадцать ран на теле и сильно желаю жить, трудиться. Инвалидность я получил, защищая Родину от фашизма. В 1942 году, под Сталинградом, 17 декабря я в последний раз пошел в бой на своих ногах, держа винтовку в руках. И вот сейчас я инвалид, но это письмо пишу сам, без чьей-либо помощи, пишу вам, открывшим новую эру, эпоху полетов в космос. Спасибо вам, «небесные братья», прославившие нашу Отчизну навечно. Такое не забывается — это история и наша слава!

Спасибо вашим родителям, воспитавшим таких героев. Спасибо вашим женам, поддержавшим вас в столь трудном деле…

Антон Пустозеров».

Рассказывают случай с одним молодым станочником. Работал он спустя рукава, с ленцой. Если уговаривали — обещал исправиться, если ругали — он клялся, что больше так не будет. А сам работал все хуже. Терпение рабочих истощилось. Вызвали станочника на товарищеский суд. Что делать с ним? Кто-то предложил уволить и поставить на этом точку. Тогда поднялся токарь и сказал: «Предлагаю отобрать у него фамилию. Позорит он ее!» Парень побледнел. Он никак не мог ожидать, что услышит такое. И тут, пожалуй, впервые в жизни по–настоящему понял, до чего докатился. Фамилия его была Гагарин.

А письма из-за рубежа? Всех их не приведешь здесь. Вот одно из них:

«Дорогой друг! Сегодня я сел за стол, чтобы написать о своем намерении. Я стар, моя жизнь прошла в скитаниях далеко от Родины. Я ездил из страны в страну, из города в город. Ох и тяжелая эта задача — искать работу. Ныне я гражданин Канады, у меня есть дом, жена, двое детей. Но моя родина — Россия. Мне не избежать этого откровения, честно — ради него я и решил написать тебе письмо. Жаловаться на жизнь не могу. Я ведь сам ее сделал такой.

Мы из Одессы уехали в 1919 году. Почему мой отец бежал за границу — не ясно. Он мелкий торговец, крупного капитала не имел. Если что и было, так связи с черным рынком. За это большевики не стреляли. И все-таки бежал. Мать просила не уезжать, дом ведь здесь,

Родина! Отец избил ее, обругал грязным словом, от которого у меня и сейчас горько во рту. Мать умоляла меня остаться, повлиять на отца. Но я был глух к ее мольбам, я хотел во Францию, куда держал путь мой отец. Мать осталась бы, люби меня меньше, а так… утром и она пришла на пароход.

У нас были деньги, доступ в кружки русских эмигрантов, приютившихся в чужом краю. Мать так и не привыкла к этой жизни, часто плакала, страдала по всему русскому и вскоре умерла. Я не мог понять матери, своё пребывание в Париже считал (так думали все эмигранты) временным. Но жизнь эмигранта становилась безвыходной, безнадежной. Кто стрелялся, кто спивался, кто пускался в любовный водоворот.

Потом я уехал в Америку и там узнал о нападении Гитлера на Советский Союз. Америка, пышная, хвастливая, кичливая, испугалась. Гитлер стал реальной угрозой и Америке. Рузвельт протянул руку Сталину. Газеты писали о войне, но дух сообщений о России теперь был другой. Америка просила Россию, заискивала перед ней; с болью ожидая развязки, стал что-то понимать и я. Только Россия могла разбить фашистов. Моя Родина, место моего рождения. Я уехал из США. Победу встретил в Париже. Меня тянуло на Восток, на Родину, но удержала Николь. Она ждала ребенка, ехать со мной не могла и просила не оставлять ее. Мы поселились в Канаде, северо-западнее Монреаля.

Я рассказал о себе все. Я должен был это сделать. Первый раз в жизни я говорю о своем прошлом.

Господин Гагарин! В будущем году открывается выставка в Монреале, все русские с нетерпением ждут встречи со своей Родиной. Я приеду в Монреаль и проведу там несколько дней. Надеюсь, вы будете там. Прошу вас, побеседуйте с моими мальчишками и убедите их вернуться в Россию. Я не вижу для них, да и для себя с Николь, большего счастья, чем возвращение на Родину.

Верю в вашу доброту и надеюсь, надеюсь!

Я не красноречив да и виноват во многом, у вас же чистое сердце и ясный рассудок. Вы всемогущ, люди боготворят вас, и, конечно, в том числе мои мальчишки.

В Монреале я встречу вас в советском павильоне. В руках у меня будет ваш портрет. Мне за шестьдесят, ношу в дни отдыха украинскую рубашку.

С нетерпением ждем встречи.
Преданный Григорий Д.».

Почта приходит каждый день, и каждый день пачка, нет — гора писем для Гагарина. Только за три года (1965–1967) космонавтам пришло 50 914 писем, и из них 15 386 — Юрию Гагарину.

11 марта

Рано утром Гагарин обходит Звездный городок. Нет в нем, как в других городах, длинных проспектов, грандиозных архитектурных ансамблей, не славится он и памятниками старины. Очень молод: родился около пятнадцати лет назад в одном из живописнейших уголков Подмосковья. Но в нем есть все, что в каждом городе. Служебные корпуса, жилые дома, Дом культуры, школа, магазин… И ко всему этому Юрий имел отношение. Он заложил первый камень в фундамент детского сада. Вместе с проектировщиками выбирал место для Дома культуры. По его предложению руководство и коммунисты городка создали музей.

— Давайте, — обратился он к коммунистам, — создадим свой музей. Это будет своеобразным отчетом о нашей работе, да и вообще нужен ведь музей — для нас, для истории, для молодого пополнения.

Ныне в музее более трех тысяч экспонатов. Это подарки, которые космонавты получали во время своих поездок. Подарки от рабочих, земледельцев, глав государств и правительств, общественных организаций всех континентов нашей планеты. В них, безусловно, выражение любви и признательности Советскому Союзу, признание приоритета нашей страны в освоении космического пространства.

У каждого экспоната своя история, свой путь в музей. Летчикам–космонавтам Павлу Беляеву и Алексею Леонову национальный герой Греции Манолис Глезос вручил подарок, изготовленный им в тюремных застенках. Много месяцев, изо дня в день, из цветной соломки он складывал орнамент на темы древних мифов своего народа.

Большое место в музее занимают реликвии покорителей космоса, фотографии и альбомы, подарки и сувениры, картины и личные вещи, принадлежавшие героям космоса или побывавшие вместе с ними в звездном полете. Планшет Юрия Гагарина. Коробка карандашей, каждый из них связан друг с другом длинными прочными нитками, — этими карандашами Алексей Леонов рисовал в полете космические пейзажи. Сюда, в этот

музей, собрали все, что связано с историей коллектива, в котором живут и трудятся, готовятся к стартам наши космонавты.

…Прогулка по Звездному городку придает Юрию бодрости. Первый день работы после командировки будет очень напряженным.

На совещании у начальника центра подготовки космонавтов Юрий Алексеевич докладывает о проделанной работе на космодроме. Дает оценку действиям ряда лиц, вносит предложения.

В середине дня выезжает в Москву для доклада об итогах командировки генерал–полковнику авиации Каманину. Генерал — наставник космонавтов, Герой Советского Союза, человек легендарной судьбы, стремится передать опыт, знания, традиции первых советских авиаторов.

От него Гагарин едет в больницу.

Юрий и Валентина украдкой выходят из больницы, садятся в машину и едут по Москве. День солнечный, уже чувствуется весна. Юрий рассказывает жене о своей поездке. В больницу возвращаются вечером. Гагарин, смущенно улыбаясь, говорит дежурному врачу:

— Простите, пожалуйста. Я показал Валентине весеннюю Москву.

— Пожалуйста, Юрий Алексеевич. Мы предусмотрительно открыли ближнюю дверь.

Вот так да! А он выходил украдкой. Спасибо врачам.

12 марта

Юрий Алексеевич готовит завтрак. Дочки помогают. После завтрака вместе составляют распорядок дня.

Днем Гагарин проходит медицинский осмотр: к полетам допущен. Торопится, чтобы успеть на предварительную подготовку. Изучает упражнения, читает наставление, последние директивы… Как он хочет летать! Просит освободить его пока от всех других нагрузок.

В 15.00 звонит члену Военного совета начальнику политического управления ВВС генерал–лейтенанту авиации Н. М. Морозу. Просит разрешения не присутствовать завтра, в качестве гостя, на партийной конференции Ленинградского района Москвы, потому что предстоят полеты. Генерал Мороз разрешил, но посоветовал позвонить в райком партии.

Вечером в дневнике Гагарин записал:

> «Нет у меня сильнее влечения, чем желание летать. Летчик должен летать. Всегда летать».

13 марта

Летный день. После построения Юрий Алексеевич идет к самолету. Двухместный истребитель, бортовой номер — 18. Короткий тренаж в кабине. Погода благоприятствует. Видимость — 2 километра, высота облачности — не ниже 200 метров, скорость ветра у земли — 15 м/сек. Дует «боковичок», Гагарин летит по кругу, затем совершает контрольный полет в закрытой кабине.

Юрий очень доволен сегодняшним днем. Налет за день 1 час 52 минуты. На старте читает выпущенный боевой листок: «Гагарин на пути к звездам!» Ему приятно, что товарищи радуются за него. Перерыв в полетах, кажется, не очень отразился на его подготовке.

Вечером звонит Валентине: «Я снова летаю!»

14 марта

Гагарин в своем кабинете. Заполняет документацию.

Звонит в Дом культуры подполковнику И. С. Ульянову и просит оставить два билета на концерт Шурова и Рыкунина.

Гуляет с Галей и Леной. Забрели в лес. Пришли мокрые, в снегу.

Вечером на концерте сидит, как всегда, в девятом ряду на четырнадцатом месте. Рядом свободное кресло. Подполковник Ульянов спрашивает:

— Юрий Алексеевич, зачем вы купили два билета?

— Я один не хожу на концерты. Валентина всегда со мной.

Концерт Гагарину нравится. После концерта он поднимается к артистам и сердечно благодарит их за выступление. Они приглашают его сфотографироваться.

15 марта

В политотделе обсуждается план подготовки ко Дню космонавтики.

Вечером он беседовал с Борисом Большовым, к которому относится с большой симпатией. Кажется, Гагарин первый заметил в Большове огромный заряд энергии, способный привести к подвигу.

16 марта

Утром полковник Гагарин провел совещание руководящего состава центра подготовки космонавтов.

Галя и Лена уговорили пойти в кино, а после ужина стали готовить маме подарки, которые отвезут завтра в больницу.

17 марта

Празднично одетые Юрий, Лена и Галя сели в машину и поехали к Валентине. В Москве купили цветы, подарки. Юрий рассказал жене новости и, конечно, снова заговорил о своих полетах. Валентина одобрила его настойчивость. Она хорошо понимала состояние мужа и знала, что вслед за тренировками на самолете непременно должен последовать новый полет в космос.

Разве может Юрий не летать?

Домой приехали к вечеру. Девочки радовались встрече с мамой, Лена села за пианино.

Взялся за дневник. Записал разговор с женой, события, которыми были так богаты эти дни. Дневник Юрий вел не для памяти. В нем он записывал интересные разговоры, свои размышления, впечатления о новых знакомых. Не раз в дневнике он строго, пристрастно делал разбор собственного поведения, давал оценку своим поступкам. К сожалению, вел записи непоследовательно. Частые командировки, зарубежные поездки, служебная занятость не давали возможности ежедневно заполнять дневник.

18 марта

До обеда Гагарин готовился к следующему летному дню. В 15.00 собрался партийный актив Звездного городка, который расмотрел вопрос о роли коммунистов в овладении новыми космическими программами. Выступали руководители, космонавты, врачи, инженеры, ученые. В перерыве Юрий сказал товарищам:

— Грандиозно, захватывающе, интересно. Какие гигантские перспективы в освоении космоса! На очереди исследование океана. Подводный мир прекрасен, фантастически красив, мы стремимся подняться все выше, а акванавты — спуститься ниже. Мы в космосе собираемся строить лаборатории, дома, а акванавты в глубинах морей и океанов — собирать города.

Неуемная натура Гагарина стремилась в неизведанное.

19 марта

Снова Юрий Алексеевич совершил полет по кругу, контрольный — по маршруту, в зону — на отработку техники пилотирования. Оценки за полет все отличные.

Вечером читал роман Джозефа Хеллера «Уловка-22». Очень смеялся. На листке написал:

«Роман превосходный. Ребятам надо почитать. Обязательно. Что у нас? Геннадий Семенихин закончил роман «Космонавты

живут на Земле». Хорошо бы перенести его на сцену».

20 марта

Утром Юрий просмотрел почту, подписал ряд документов, обсудил некоторые неотложные вопросы.

На предполетной подготовке еще раз внимательно познакомился с упражнениями, которые ему предстояло выполнить в полете на двухместном истребителе «УТИ-МИГ-15» под номером 19. В 13 часов 36 минут вылетел в зону. Полет продолжительностью 30 минут стал еще одной ступенькой к самостоятельному вылету.

В ожидании следующего вылета он подошел к подполковнику Георгию Петровичу Гришину.

— Как дела, комиссар? — улыбнулся своей неповторимой улыбкой. — У вас прекрасная наглядная агитация на полетах, а все говорите, что нет хорошего художника.

— На полеты, Юрий Алексеевич, мы берем всегда самое лучшее.

— Вижу. Молодцы! Полеты — это самая важная наша работа.

Гагарин медленно пошел вдоль стартовой. Лозунги, плакаты, боевые листки, выписки из Наставления, фотогазеты — все это красочно отражало боевую учебу личного состава части. Юрий Алексеевич останавливался, внимательно читал и, если у него не было замечаний, шел дальше. Под конец заметил:

— А знаете, Георгий Петрович, вы никак не отразили прекрасную работу старшего техника–лейтенанта Реута. А ведь он, пожалуй, лучший в полку!

— Вы правы, Юрий Алексеевич, — согласился подполковник Гришин.

Последний полет в этот день завершился уже в пятом часу вечера. За день налетал 2 часа. Доволен: дела идут хорошо.

21 марта

В 10.00 в служебном кабинете Гагарина собрались инженер–полковник В. С. Серегин и инженер–подполковник Е. Д. Черкасов. Развернут перспективный план строительства Звездного городка. Продуманы все детали предстоящего разговора с генерал–полковником Комаровским относительно благоустройства Звездного. В одной машине выехали в Москву.

В приемной генерал–полковника А. Н. Комаровского задержались. Секретарь генерала Галина Николаевна Королева протянула Гагарину его фотографию.

— Подпишите, пожалуйста. На память моей дочке, Наташе. Скоро у нее день рождения, это будет для нее лучший подарок.

Юрий Алексеевич достал ручку, задумался, потом написал на снимке свои добрые пожелания Наташе.

— А каким числом датировать?

Галина Николаевна, счастливая от неожиданного подарка для дочери, ответила, не раздумывая:

— Да все равно. Любым числом.

— Когда у нее день рождения?

— Первого апреля.

Гагарин поставил дату: 1. 4. 1968 года.

Генерал–полковник Комаровский внимательно выслушал Гагарина и обещал помочь.

Выйдя из кабинета генерала, Юрий Алексеевич пожал руку подполковнику Черкасову. Ему нравился этот энергичный офицер, отдающий много сил строительству Звездного городка, созданию тренажных павильонов, лабораторий, жилых домов. Нелегка должность заместителя командира по материально–техническому обеспечению, круг его обязанностей безграничен, но Черкасов неутомим, любит свою работу. Черкасов видел, что Юрий Алексеевич очень доволен встречей с генералом Комаровским. И, словно угадав ход мыслей Черкасова, Гагарин сказал:

— Помните, Евгений Дмитриевич, как Главный маршал авиации Вершинин говорил о нашем городке? Он хотел видеть Звездный городок городом будущего!..

В жизни Гагарина Главный маршал авиации Константин Андреевич Вершинин сыграл особую роль. Весной 1960 года Главнокомандующий ВВС принял в своем кабинете группу молодых летчиков, только что отобранных для подготовки к полету в космос. Константин Андреевич вышел к ним из-за стола, поздоровался с каждым летчиком, внимательно рассматривая молодых, стеснительных ребят, старших лейтенантов авиации. Они впервые оказались на такой встрече, впервые с ними говорил главком. Гагарин, Шанин, Леонов и другие сильно волновались. Константин Андреевич понял их состояние и все же сразу стал говорить о главном.

— Вам предстоят большие и важные дела. Новы ведь не из трусливого десятка, правда? Я в авиацию ушел в 1930 году из пехоты. А в космонавты вы идете из авиации. Это родственная профессия. Вот вы, — Вершинин обратился к Гагарину, — не боитесь полететь к звездам?

— Никак нет, — ответил тот.

— А ведь кто-то из вас полетит первым!..

22 марта

Летный день. Юрий летает с подполковником Александром Устенко. Устенко — опытный летчик, много лет испытывает самолеты, считает себя учеником полковника Владимира Серегина и очень этим гордится. Устенко знает, что скоро Гагарину будет разрешен самостоятельный полет, а поэтому особенно придирчиво проверяет технику пилотирования, посадку. Гагарин работает четко, фигуры выполняет с изяществом. Оценка отличная.

Ему доставляет удовольствие быть предельно точным. Не для похвалы он так старался. Он не имел права быть последним, даже средним. Мог быть только лучшим.

Был солнечный день, таял снег, Юрий ожидал второго в этот день полета. В домике собралось много народу, разговаривали, шутили.

23 марта

Гагарин едет к генерал–полковнику авиации Н. П. Каманину.

— Очень высокий темп, Юрий Алексеевич, — говорит генерал. Он, видимо, тревожится, чтобы не было перегрузок.

— На то мы и космонавты, чтобы выдержать перегрузки, — угадав его мысль, отшутился Юрий Алексеевич.

Николай Петрович хорошо знал волю и одержимость Гагарина. Он видел его на тренировках, знал, что Юрий всего себя отдавал работе. Генерал не собирался отговаривать Гагарина от полетов, а значит, и от подготовки к следующим стартам. Он и сам, окажись на месте Гагарина, никогда бы не перестал летать…

Юрий Алексеевич едет в больницу. Беседует с врачами о самочувствии Валентины. Заезжает к Евгению Анатольевичу Карпову. Гагарин дружите этим образованным человеком. Карпов был первым командиром космонавтов, он их учил, готовил к полету, не имея ни опыта подготовки, ни разработанной программы. Ведь все только начиналось. Все они: космонавты, ученые, медики, командиры — были первыми. А первым всегда труднее.

На сей раз к Евгению Анатольевичу вопрос особый, глубоко личный: как помочь Валентине?

24 марта

Юрий Алексеевич, Галя и Лена отправились в больницу. С разрешения врача Гагарины едут кататься по Москве, а потом поедут в Звездный городок. Валентина говорит, что чувствует себя хорошо, что врачи обещали скоро выписать. Юрий рассказывает ей о полетах. Незаметно он увеличивает скорость. Ведет машину ловко, сноровисто.

— Юра! — предупреждает Валентина.

Юрий улыбнулся, но тут же уменьшил скорость. Валентина вспомнила, как однажды он проехал под красный свет. К нему подошел милиционер. Юрий стал извиняться.

— Да что вы, Юрий Алексеевич! — сказал находчивый милиционер. — Да ездите вы свободно, как в космосе. Наша задача — вас охранять.

Дома, в Звездном городке, Валентину ждали гости. Ее сестра хозяйничала, накрывала стол. Тут же был и брат Юрия Валентин. Вскоре приехали корреспонденты «Огонька» Алексей Голиков и Дмитрий Ухтомский. Это короткое интервью было условлено раньше. Пришел Алексей Леонов. Принес набор инструментов и чехол для ружья. Ко дню рождения мужа Валентина купила ему ружье, которому он очень обрадовался.

— Вот это да! Шестизарядный дробовик. Пропала вся дичь и живность. Мы с Алешей собираемся на уток.

25 марта

С утра полковник Гагарин присутствует на занятиях по марксистско–ленинской подготовке. После занятий звонит в МГК КПСС и уточняет: где и когда можно зарегистрироваться ему как делегату XIX городской партийной конференции? Звонит генерал–полковнику авиации Павлу Степановичу Кутахову. Просит принять его.

К Гагарину приходит инженер–полковник Владимир Сергеевич Серегин с документами. Разговор очень важный, он занимает много времени. Между Гагариным и Серегиным установились отношения, которые обычно бывают между двумя незаурядными людьми. Полковник Серегин был скромным, тактичным, образованным офицером, он имел большой житейский опыт и отлично ладил с людьми. Еще на фронте научился не просто приказывать подчиненным, а своими действиями убеждать их в необходимости выполнить приказ. Не без влияния Каманина, Горегляда, Серегина, а также многих других командиров и политработников проходило формирование характера Юрия Гагарина, у них он учился руководить людьми.

26 марта

Полковник Гагарин выехал в Москву. В издательстве «Молодая гвардия» он встретился с редактором книги «Психология и космос», верстку которой закончил читать. Расписался и поставил дату «25 марта 1968 года». В комнате редактора собрались сотрудники, Юрий Алексеевич поздравил всех с завершением работы над книгой.

— Переквалифицируйтесь, Юрий Алексеевич, в писатели, — предложил кто-то.

— Что ж, можно! Вот только потренироваться надо. — И тут же совсем серьезно сказал: — Труд писателя чрезвычайно сложен. Он, пожалуй, сродни труду космонавтов. А то и еще сложнее.

По инициативе ряда журналистов в агентстве печати «Новости» готовился сборник «В 2017 году». Книга прогнозов В своем очерке «Ступени во Вселенную» Юрий Алексеевич писал: «Если прогрессивное человечество объединит свои усилия, то я верю, что людям тогда удастся построить первые ступени в космос, а может быть, добраться и до Марса. Немало добра дало бы такое дружеское освоение космоса и для сугубо земных дел, например для активного воздействия на климат нашей планеты».

До встречи с генерал–полковником авиации Кутаховым оставалось еще несколько минут. Гагарин зашел к генералу Каманину. В политическом управлении ВВС встретился с генералом Чугуновым, подробно доложил ему о своих проектах. Николай Васильевич Чугунов осведомился о здоровье Валентины, пожелал ей быстрейшего выздоровления. Генерал Кутахов к назначенному времени был в кабинете. Гагарин, Серегин, Черкасов представились первому заместителю Главнокомандующего ВВС. Генерал Кутахов интересовался жизнью космонавтов, их подготовкой, подробно расспросил о работе. Из главного штаба ВВС Гагарин поехал в больницу.

В 15.00 Юрий был на предварительной подготовке к полетам. Затем вернулся в свой служебный кабинет, прочел почту, документы, вызвал для беседы товарищей. В настольном календаре написал:

> «27 марта — полеты, телевидение — «Огонек» ко дню космонавтики в 17.00.
>
> 28 марта — побывать у Вали. Дворец съездов — 100–летие А. М. Горького».

Утомленный, но довольный прожитым днем, Юрий медленно шел домой. Останавливался, глубоко вдыхал мартовский воздух. Мял в руках снежок.

Вечер провел с детьми. Спать лег рано. Завтра снова полеты.

27 марта

В 10.00 майор Лев Вялых доложил генерал–майору авиации Чугунову о том, что дежурство сдал. Я, стоявший поодаль, сделал шаг вперед и доложил, что дежурство принял. Выходя из кабинета генерала, Вялых пожелал мне спокойного дежурства. Спокойное дежурство… Редко оно бывает спокойным. Но пока

было относительно тихо. Трещали телефонные аппараты, выходили и входили офицеры управления, иногда справлялись: «Как там?» — указывая на плотно прикрытые двери кабинета генерала Чугунова.

В рабочей тетради дежурного я прочитал записи, оставленные моим предшественником майором Вялых: «1. Передать билеты в Звездный городок на торжественное заседание, посвященное 100–летию со дня рождения А. М. Горького (напомнить Гагарину — выступает)». Потом шли пункты второй, третий, четвертый… Обычные задания дежурному. Время летит стремительно, поручения следуют одно за другим.

И вдруг сообщение: «Исчезла на локаторе отметка самолета Гагарина».

Время, кажется, остановилось. Стало тихо в комнате, коридорах. Никто не входил и не выходил. Тишина стала нестерпимой, хотелось рвануться, что-то делать, но только не сидеть, не смотреть ошалело на телефон, принесший такое известие. На мгновение выглянуло солнце. Потом за окном о металлический карниз стукнула капля — начал таять снег.

Почему нет связи с Гагариным? Что случилось? Тянулись томительные часы надежды. Включены дополнительные радиолокаторные средства, в воздух подняты поисковые вертолеты, комплектуются оперативные отряды, на аэродром одна за другой выезжают «Чайки», ЗИМы, «Волги».

В 16.00 полковника Сушина и меня вызвал генерал Чугунов.

— Вот личные дела, — сказал он, — надо писать биографические справки.

Мы видели, как тяжело генералу говорить, отвечать на бесконечные телефонные звонки, брать в руки личные дела Гагарина и Серегина и давать указания полковнику Сушину и мне подготовить соболезнование Валентине Ивановне, родителям Юрия Алексеевича, Таисии Степановне Серегиной, родителям Серегина…

Звонит телефон. Наверняка сейчас кто-то спросит: «Это правда?» И этому человеку нужно ответить. Перед глазами, как живая, светилась улыбка Юрия. Беру телефонную трубку.

— Вас слушает дежурный…

— Говорит капитан второго ранга Кучеров. Я хотел связаться с Юрием Алексеевичем Гагариным и сообщить ему, что буду встречать его у двенадцатого подъезда Дворца съездов. Алло, алло…

Что я мог ему сказать?

— Я слушаю вас…

— Я хотел бы связаться с Гагариным.

— Можно перенести все на завтра?

— Можно.

В комнату стремительно вошел полковник Борис Александрович Котт. Он принес письмо, полученное от одной из американских нотариальных контор. В письме сообщалось, что созданное в США акционерное общество готово рассмотреть просьбу мистера Гагарина в случае, если он захочет приобрести земельный участок на Луне. Разумеется ему, как первому космонавту, предоставляются льготы.

— Давай сейчас позвоним Юрию Алексеевичу, — предложил Борис Александрович. — Пусть посмеется.

— Нет, сейчас не стоит…

Я отвел глаза. Пока я не мог сказать правду.

Полковник ушел. А мне надо выполнять поручения генерала Чугунова. Но я никак не мог сосредоточиться, не мог привыкнуть к той мысли, что Юрия уже нет. Он ждал сегодняшний день — он должен был лететь самостоятельно и придавал огромное значение этому первому после большого перерыва полету. Утром к нему подошел подполковник Гришин. Он давно уже собирался взять у Гагарина автограф. И вот, наконец, сегодня он принес Гагарину книгу «Дорога в космос».

— Подписать? — Юрий Алексеевич возвратил книгу. — С удовольствием подпишу, но только после самостоятельного вылета.

Гагарин попросил разрешения у техника, сел в кабину и провел самостоятельный тренаж. А в это время шла разведка погоды. Командир части собрал личный состав, дал последние указания на полеты. На «спарке» после Юрия Гагарина должен лететь Андриян Николаев. Он находился в домике, когда Юрий собирался идти к самолету. Андриян видел, как Юрий направился к выходу и вдруг остановился: «Документы не взял. Всякое может быть, вдруг пригодятся». Вернулся, сунул в карман куртки удостоверение личности, вынул талоны на питание. Опять убрал их в карман, улыбнулся, сказал:

— Пригодятся, если сядем на вынужденную.

Андриян Николаев стремительно преградил Гагарину дорогу:

— Юрии Алексеевич, можно сейчас я полечу? А вы потом, несколько позже…

Юрий снова улыбнулся. Но как-то холодно, без обычной лучезарности. Андрияну показались странными и эта улыбка, и озабоченность, неожиданно появившаяся на лице друга, и он повторил настойчиво:

— Разрешите мне первому лететь?

— Понимаешь, нельзя, — тихо сказал Юрий, пожав руку друга. — Лететь должен я. На нас с тобой, Андриян, смотрят, каждая наша ошибка непростительна.

Широко, как прежде, по–гагарински, улыбнулся, в глазах появились задорные огоньки, и вышел на улицу.

Сегодня утром, когда автобус уже выруливал на дорогу, Гагарин вспомнил, что забыл пропуск. Попросил, чтобы остановили автобус, извинился. Его отговаривали: кто же тебя не знает, кто будет спрашивать пропуск?! Он был непреклонен: «Должен быть порядок». Гагарин вернулся с пропуском через пять минут.

Через несколько минут Гагарин и Серегин поднялись в воздух…

Всего в нескольких десятках километров от аэродрома жители совхоза Новоселово привычно начинали свой трудовой день. Пенсионер Николай Иванович Шальнов, уважаемый на селе человек, в прошлом учитель, в это утро вышел на прогулку. На улице было тихо. Николай Иванович уловил гул самолета. Видимо, он был где-то высоко в небе, за облаками. Звук приближался и то становился густым, сильным, то удалялся и становился похожим на равномерное гудение жука. Вдруг Николаю Ивановичу показалось, что самолет загудел где-то совсем близко. Учитель поднял голову и увидел, как из облаков с ревом выскочил истребитель и, легко покачивая крыльями, как по наклонной горке,, пошел к земле. Шальнов подумал, что с самолетом что-то произошло, что через несколько секунд может быть катастрофа. Если бы можно было что-то сделать, помочь, остановить! Но самолет неумолимо шел к земле. Потом вроде бы самолет на некоторое время обрел прочность. И даже, подняв нос, стремился уйти в небо. Но вот он пролетел почти над домом Шальнова и, подобно урагану, со свистом и диким ревом, ломая верхушки берез, врезался в лес.

Услышав взрыв, в кабинет директора совхоза Иванова сбежались люди.

— Срочно направить к месту падения трактор!.. Соедините меня немедленно с Москвой! Вызов экстренный!.. Лыжников — к месту падения!..

Иванов звонил, отвечал на звонки, но он и сам еще не знал, какой упал самолет, что случилось с летчиком. Он надеялся, что, может быть, успеют помочь им.

Над деревней на небольшой высоте пролетели вертолеты. Они вели поиск. Оцеплен район катастрофы, идет фотографирование, исследуются обломки, группа солдат ведет раскопки. На брезент складывается каждый агрегат, даже

малейшие детали от разбившегося самолета. Производятся замеры их, взвешивание.

Теперь оставалось только точно определить: почему произошла катастрофа? Отказ техники? Нет. Инженеры убедительно доказали, что двигатель работал. Показания замерших стрелок приборов говорили о том, что все системы работали нормально.

Стало холодно. Подул резкий ветер. Все работали молча, сосредоточенно. Иногда собирались в кружок, перекурить. Тихо говорили о Юрии Алексеевиче. Говорить было тяжело…

Бывает так, что в памяти встает из прошлого какая-то одна картина и, живая, стоит перед тобой в мельчайших подробностях.

…3 декабря 1967 года мы с Гагариным встретились в Звездном. Было тихо, шел снег. В коротком пальто, сунув руки в карманы, Юрий Алексеевич медленно шагал впереди.

— Знаешь, — сказал он вдруг, — как мало времени отведено нам на жизнь. Сейчас с удовольствием бы снова раскрыл заветные страницы Толстого, Тургенева, Шолохова. У них — жизнь, настоящая жизнь. Иногда я остро чувствую, что мало читаю художественной литературы, — на одном дыхании закончил Гагарин. — Очень много работы. Я ведь хочу еще разок слетать в космос.

Юрий Алексеевич остановился и зачарованно посмотрел вокруг. Деревья оделись в пушистый снег. Лицо Гагарина стало сосредоточенным.

Мы заговорили о профессиях, об увлеченности людей своей специальностью.

— Космонавт, — сказал Юрий Алексеевич, — это уже профессия. Может быть, и не самая тяжелая из всех существующих профессий, но, бесспорно, требующая большого упорства, выдержки, воли, хладнокровия и мужества. Безукоризненное знание целого ряда наук и приобретение на их основе твердых навыков — без этого профессия космонавта немыслима.

— Наука доказывает, что космонавт — профессия древняя, — вставил я.

— Меня не обидишь. — Гагарин улыбнулся. — Знаю, к чему ты клонишь. Ты сейчас станешь доказывать, что на Земле были пришельцы других миров. Если бы это было так, я бы охотно уступил первенство. Но не уверен, что нашу Землю посещали обитатели других миров. Скорее всего — это просто–напросто человеческая мечта, фантазия. Как-то я читал корреспонденцию о якобы имеющемся на нашей Земле космодроме…

Я также помнил это газетное сообщение. Газеты извещали

мир о том, что в северо–восточной части Африканского континента, неподалеку от Файюмского оазиса, на ровной, как стол, площадке обнаружен каменный монолит со следами, отдаленно напоминающими упоры для пуска ракеты. Каждый день газеты сообщали одну новость ошеломляющее другой. Досужие репортеры спешно искали свидетелей происшествия. И нашли. В аравийских песках отыскали папирусы, в которых якобы сообщалось о том дне, когда нашу Землю посетили пришельцы с других планет. Потом стали находить металлические детали, химический анализ которых показал, что на Земле таких сплавов не знали. Нашли радиоактивный песок.

Тогда я подумал, что внимание людей к доселе неизвестному оазису подогревалось тягой человечества к космосу, стремлением преодолеть земное тяготение.

И вот в космосе Гагарин. Сенсация века, эпохальное событие заслонило все прогнозы археологов, искателей неизвестного.

Прошло несколько лет. Мир обогатился знаниями орбитальных полетов, стартами на Луну, Венеру, Марс, и снова всплыли предположения о посещении Земли инопланетянами.

— Мы теперь знаем намного больше о космосе, а поэтому обязаны относиться строже к такого рода версиям, — заключил Гагарин.

…Люди не могут, не хотят примириться с мыслью, что Гагарина нет. Тысячи писем от парней с просьбой зачислить в отряд космонавтов. Особенно много таких просьб от пионеров. Выражая их мнение, Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина писал:

> «…Он был нашим большим другом. Мы встречались с ним на сборах в Артеке, тесной толпой окружали в школах и дворцах пионеров. Мы и сейчас слышим его голос, видим его улыбку, вместе с ним всматриваемся в непокоренные звезды. В каждом из нас живет его улыбка, мечта, мужество.
>
> Нас миллионы. И каждый из нас всегда готов продолжить полет, начатый пионером космоса».

Одно из крупнейших сербских сел в Югославии отныне будет называться Гагаринов–Лозовик. Во французском городе Вильнев-де–Руа центральной площади присвоено имя Юрия Гагарина. Именем первого в мире космонавта назвали в Венгрии электростанцию, строящуюся близ городка Дьеньдеша. В Польше его именем названа высшая инженерная школа в Зеленой Гуте, первый камень в основание которой в 1961 году заложил Юрий Гагарин.

Матери его именем называют своих детей, в каждом областном городе Советского Союза есть улица Юрия Гагарина.

Родной город космонавта, Гжатск, принял имя первооткрывателя звездных путей.

Люди не забудут подвиг Колумба Вселенной.

Есть упоение в бою

Летом 1974 года летчика–космонавта СССР, дважды Героя Советского Союза, генерал–майора авиации Георгия Тимофеевича Берегового поздравляли с избранием депутатом Верховного Совета СССР.

Каждый раз он вставал и сосредоточенно–деловито отвечал:

— Спасибо.

Или торжественно рапортовал:

— Служу Советскому Союзу.

Собранность, деловитость, тактичность — это от армии. Ведь более тридцати лет он в ее боевых и активных рядах. А может быть, это от профессии: испытательной, космической. Она проникает в душу, сознание, психологию. Пороки дорого стоят: забывчивость — блужданием, недисциплинированность — гибелью.

Нет, все эти положительные качества от воспитанности, ответственности, устремленности.

Однажды его попросили рассказать о себе.

— Рассказать о себе? — смущенно улыбаясь, обратился он к присутствующим. — А что же я могу о себе рассказать? Жизнь как жизнь. Ничего особенного. Учился, воевал, испытывал самолеты, а теперь вот в космонавтах состою.

— Георгий Тимофеевич, вы что-нибудь о полете в космос.

— О нем уже столько написано, что нового добавить нечего.

— Тогда об испытательной работе.

— А что, если я вам о войне расскажу, а? Здесь присутствуют товарищи из Чехословакии. Я воевал в небе их страны, принимал участие в освобождении ее от фашистов. Можно?

— Только, чур, что-нибудь поинтереснее.

— Принимаю. Что-нибудь интересное? Слушайте.

Георгий Тимофеевич встал, вышел из-за стола, расстегнул тужурку, освободил руки для широких движений, склонил голову влево и долгим задумчивым взглядом посмотрел в пол.

— Ну, вот, — сказал он, наконец, окончательно, видимо, вспомнив эпизод, который хотел рассказать. — Было это в мае 1945 года. Не помню точно село, где мы создали свой временный грунтовой аэродром. Хотя в Европе была уже победа, в Чехословакии еще не наступил мир. Недобитые фашистские подразделения прятались в лесах, руинах, нападали на мирных жителей. В один из дней фашисты открыли артиллерийский беспорядочный огонь, по. нашему аэродрому, стремясь уничтожить летчиков, самолеты, взрыхлить взлетно–посадочную

полосу.

Гитлеровцы стреляли из укрытия, а затем тут же меняли свое местонахождение. Найти их было трудно. Нам стрелять беспорядочно нельзя: кругом мирные, беззащитные жители. Возникла сложная ситуация: вроде объявлено о победе, а мира нет. Значит, война не окончена. Получили мы приказ: найти эти кочующие бандитские группы гитлеровцев и уничтожить их. День летаем, второй, третий — не можем найти. Днем они прячутся, ночью нападают на селения и города. Чехословацкие товарищи просят помочь. Да мы и сами хорошо понимаем, что надо, но как?..

И вот однажды сидим мы в землянке, над картой маракуем, входит к нам группа мальчишек: человек пять-шесть. Волнуются, сбивчиво рассказывают, что знают они, откуда фашисты стреляют. И что на колокольне местного костела спрятался их наводчик, корректировщик. Получалось просто детективная история. Мы не знаем, мальчишки знают. Переспрашиваем, уточняем и выясняем, что уже много дней они следят за движением боевой техники. Свои дозорные посты они установили на всех дорогах в радиусе десяти километров. Ну и ну! Вояки! Ведем ребят обедать, а в это время один экипаж посылаем на разведку в тот самый район, который указали ребята. Ребята-то голодные, а сами едят плохо, волнуются: а что, если они ошиблись? Вернулся разведчик, сел, вылез летчик из самолета и бегом в столовую. Сердитый на вид. Кое-кто подумал: не нашел фашистов там.

— Кто из вас указал на этот район? — спросил он напугавшихся ребят.

Молчат, жмутся друг к другу, аппетит, конечно, совсем у них пропал. И вдруг встает один такой остроносый, в коричневой вельветовой куртке и храбро, уверенный в себе, говорит:

— Я сказал!

Летчик бросается к нему, обнимает его.

— Молодец, ты точно указал район. Вот тебе на память от нас всех сувенир, авиационный компас. Новенький. Ох как он мне нужен! Но отдаю тебе. Иди правильным курсом.

Мальчишка смотрит в смотровое стекло компаса, на плавающую картушку, а сам уже еле верит, нет, не подарку, который получил, а тому, что точно они указали район скопления фашистов, что не успели гитлеровцы изменить место своего сосредоточения и скоро их там уничтожат.

Через час с фашистами было покончено, и больше они не терроризировали наших чехословацких товарищей.

— Ну, а что с мальчиком?

— Не знаю.

— А как его звали?

— Зденек! — раздался голос с шестого ряда. — Зденек Хладик! — повторил он.

Георгий Тимофеевич рассеянно улыбнулся, не придавая серьезного значения догадкам. Ох уж эти досужие на домыслы люди! Поднял глаза и увидел стоящего майора чехословацкой Народной армии. Невысокий мужчина с напряженным лицом смотрел в упор на Берегового. Космонавт вспомнил, что он когда-то видел эти темные, упрямые глаза.

— Как его звали? — тихо спросил Береговой, о чем-то смутно догадываясь.

— Зденек Хладик, товарищ генерал. Простите, — поправился он, — майор Зденек Хладик.

Береговой погасил улыбку, застегнулся на все пуговицы и медленно пошел по среднему проходу.

— Спасибо, Зденек, дорогой, — взволнованно сказал космонавт, заключая в объятия майора.

— Это вам спасибо, товарищ генерал. Ваш авиационный сувенир хорошо работает по сей день. По вашему компасу сверяю свой путь. Стал летчиком, а сейчас кончаю военную академию.

Встречи! Сколько их было у Георгия Тимофеевича — не перечесть. Встречи с пионерами, комсомольцами, рабочими, военнослужащими, делегатами конференций, симпозиумов, коллоквиумов, участниками пленумов, совещаний.

Калейдоскоп встреч, тысячи неповторимых лиц, разных, неодинаковых, но весьма памятных. Много раз он всматривался в лица, в глаза гостей.

Однажды из огромного зала, из тысячи глаз, устремленных на сцену, Береговой приметил два, с особой внимательностью рассматривающих его. Эти два пытливых глаза принадлежали мужчине лет пятидесяти, невысокого роста, полнеющему, в черном костюме, при боевых наградах.

Стоило Береговому чуточку присесть, спрятаться за спину впереди сидящего, как тотчас приподнималась голова человека в зале. Если же Береговой выпрямлялся, то любопытствующий незнакомец спокойно откидывался на спинку кресла.

Да, да, человек в зале с повышенным интересом следил именно за ним, летчиком–космонавтом Георгием Береговым.

Нервная напряженность сменилась рассеянностью. Не помнил Георгий Береговой, как выступил, как дождался окончания вечера. «Кто бы это мог быть? — думал он, направляясь к выходу. — Почему именно я подвергся такому исследованию. Здесь явно не простой интерес к личности

космонавта».

Среди многоголосья уставших людей Береговой услышал свое имя: «Жора!» Так звали его на фронте друзья, с которыми он летал, делил нелегкую боевую жизнь. Береговой оглянулся, никого знакомых. И снова сковала его напряженность, к нему вернулась обычная для него сосредоточенность, когда он мог мгновенно реагировать на происходящее. Идущие впереди останавливались, уступали космонавту дорогу, приветливо улыбались, и Георгий Тимофеевич, уже освоившийся с тяжелым бременем славы, тоже останавливался и тоже уступал дорогу.

— Жора! — Теперь Береговой совершенно явственно услышал свое имя и понял, что зовут именно его. Правда, голоса этого он раньше не слышал.

— Это вас, Георгий Тимофеевич, — сказал генерал и показал головой вправо, на невысокого человека в черном костюме при орденах.

Береговой благодарственно улыбнулся генералу и, стремясь не помешать людскому потоку, направляющемуся к выходу, стал осторожно выбираться к стене. Этого человека он не знал, даже ни разу не видел и сейчас думал о том, как себя вести.

Береговой волновался. Подняв глаза на невысокого человека, космонавт увидел его волнение.

— Жора, родной, здравствуй, — шагнул навстречу космонавту незнакомец, протянул руки, обнял, притерся щекой к его груди.

— Здравствуй, — пролепетал Береговой, стремясь так же искренне ответить на приветствие. Георгий Тимофеевич перешел на дружественный тон, обхватил руками невысокого полнеющего мужчину, шлепнул по спине, напрягая память, пытался вспомнить: кто же это?

— Как я рад тебе, Жора! — отстраняясь, сказал незнакомец. — Думали ли мы тогда, в сорок первом, у стен нашей столицы, что встретимся уже немолодыми и вспомним фронт? Ты любил говорить: «Максим, у тебя и имя стреляющее»…

«Максим, у стен Москвы, Западный фронт? — думал Береговой. — Но ведь я никогда не был на Западном фронте. Не знал я и Максима!»

— …Помнишь, — продолжал мужчина, — как мы летали на Юхнов? Ведь мы первыми обнаружили гитлеровскую колонну…

Георгий Тимофеевич обернулся: сзади стояли участники собрания и с нескрываемым обожанием смотрели на трогательную встречу фронтовых друзей.

— Все я помню, Максим, — заражаясь весельем, сказал Береговой. — И ту удивительную холодную зиму, и как ты

прикрывал меня в бою, как на праздники отдавал свои фронтовые сто грамм.

— Помнишь? — экспансивно вскричал Максим. — Правда, помнишь? Но, Жора!..

И они долго вспоминали те далекие боевые дни.

А когда зал опустел, последние посетители покинули Дом культуры, к Георгию Тимофеевичу подошел знакомый генерал.

— Чрезвычайно трогательная встреча, Георгий Тимофеевич, — сказал он. — Оказывается, вы были и на Западном фронте. Не знал я об этом.

— Да не был я.

— Как не был? Вы же только сейчас сказали.

— Сказать-то оказал. Но не был я в числе участников Московской битвы. Не знал я и Максима. Видимо, он ошибся, принял меня за своего фронтового друга, очень похожего на меня. Он ждал этой встречи десятки лет. Я не мог его разочаровать. А может быть, и в самом деле мы встречались, но только не на Западном фронте. Ведь могло так быть?..

Много обязанностей у генерала Берегового. Рабочий день заполнен до предела. И все время у него люди, встречи. Когда же появляется окно в жестком расписании дня, он ведет гостей по Звездному городку и рассказывает о нем. Рассказчик он отменный. Говорит с юмором, весело и понятно.

Так вспоминает он обычно о Нептуне.

А история эта презабавная, тем более герой ее сам Георгий Тимофеевич Береговой.

В каждом городе исторически складываются свои обычаи, традиции. Появление их связано с родом деятельности жителей, природными условиями, окружающей средой и другими важными факторами. Возникли они и в Звездном городке — городе космонавтики. Например, всем городом торжественно встречают там товарищей, вернувшихся из далекого космического путешествия, или перед полетом участники его делают запись в особую книгу, хранящуюся в мемориальном кабинете первого космонавта мира Юрия Алексеевича Гагарина. Есть в Звездном городке и традиционный праздник Нептуна — красивое, торжественное состязание в силе, выносливости, ловкости на воде.

Возник этот праздник в те годы, когда подготовка к полету в космическое пространство только начиналась. Как приспособить организм человека к таинственной загадке космоса — невесомости? И космонавты по рекомендации ученых занимались гимнастикой, тяжелой атлетикой, плаванием, прыжками в воду, греблей, акробатикой. Результаты по каждому виду спорта

должны быть весьма внушительными. Из всего разнообразия упражнений и видов тренировок космонавтам особенно пришлись по душе водные занятия: плавание, прыжки в воду, приземление на воду с высоты, подводное ориентирование.

— Завтра у нас Нептун. Летим на праздник Нептуна, — шутили они.

Была в этой шутке значительная доля правды. И состояла она в том, что испытания космонавтов на воде проходили 23 июля, в день, когда, по случайному совпадению, у древних римлян устраивался праздник в честь владыки морей Нептуна.

Праздник нравился всем. Его проводили, естественно, не на море, а в бассейне Звездного городка. «Владыкой моря» неизменно бывал Юрий Алексеевич. Его облачали в доспехи царствующей особы, окружали верноподданическими слугами повелителя морей. По правую руку от него сидела в блестящем чешуйчатом костюме Русалка — Валентина Владимировна Терешкова.

Нептун обычно громко и нетерпеливо стучал огромным трезубцем и заставлял очередную жертву бросаться в воду. По его приказу один из космонавтов поднимался на вышку, нырял и находился под водой столько времени, сколько требовали условия тренировки. Оказавшись в воде, космонавт должен был лежать неподвижно — сберегать силы, выравнивать дыхание или плыть под водой, ориентируясь по компасу, снимать специальный костюм, разворачивать спасательные средства.

Каждому космонавту надлежало побывать в царстве Нептуна, доказать свое умение в любых условиях выполнить поставленную задачу. Не обходилось, конечно, и без курьезов. Однажды на вышку поднялся Георгий Тимофеевич Береговой. Он нерешительно подошел к краю и остановился. Стихла музыка. Нептун ударил о пол трезубцем, приказал прыгнуть в воду.

Но Береговой не прыгнул, даже не принял спортивную стойку.

Нептун обернулся, разгневанно сверкнул глазами: ослушание, дескать, неслыханное.

— Юрий Алексеевич… — обратился с вышки Георгий Тимофеевич.

— Я царь Нептун — великий повелитель морей и океанов, полновластный хозяин глубин и всех богатств, спрятанных под водой, — нравоучительно оборвал Гагарин ослушника.

— О великий царь, — взмолился Георгий Тимофеевич, — не вели бросать в воду за ослушание. Плавать я хорошо не умею! Даю обещание через некоторое время пройти самые трудные испытания и ничем не разгневать тебя.

Сдержал свое слово Георгий Тимофеевич. Он научился плавать, прыгать в воду с вышки, сдал по плаванию на второй спортивный разряд и вскоре, попав в царство Нептуна, с честью выдержал все испытания.

Праздник Нептуна полюбили в Звездном городке. И когда летом 1973 года закончили строительство нового открытого плавательного бассейна, его назвали «Нептун». Как было заведено и раньше, состоялся карнавальный праздник царя морей. Теперь он имел нарядную маскарадную свиту: двух чудо–богатырей — телохранителей, много русалок с длинными косами, послушного и гордого морского конька и, конечно, неизменного Брадобрея с обязательными атрибутами: бритвой, помазком, салфеткой. Вперед выходят русалки. В руках они несут раковину, в которой хранится грамота тем, кто построил это чудо–озеро.

— Дорогие звездоградцы! — обращается царь морской к присутствующим. — Много видел я озер: глубоких, широких, узких, длинных, горячих. Ваше же озеро — самое прекрасное. Черпайте в его водах вдохновение и бодрость. Плавайте, ныряйте, загорайте, но выкуп все-таки внесите.

Дважды Герой Советского Союза летчик–космонавт СССР генерал–майор авиации Георгий Тимофеевич Береговой подает сигнал, и тотчас к Нептуну подплывают гребцы с бочкой живой рыбы. Царь поднимает одну рыбину над головой, любуется ею, дает посмотреть другим, потом опускает ее в воду. Нептун поднимает руку, выскакивает глашатай и бьет в барабан…

Веселятся, отдыхают звездоградцы. Завтра предстоит напряженный рабочий день, завтра снова пытливый ум советских космонавтов унесется далеко в просторы мироздания.

Ведет гостей Георгий Тимофеевич по городку, непрерывно останавливается, чтобы поприветствовать знакомого, встретившегося на аллеях городка, ответить на вопрос своих подопечных, рассказать о новом факте, только что всплывшем в памяти.

Высокий, статный, в мундире, увенчанном высшими боевыми наградами Родины, генерал Береговой широким жестом как бы охватывает город и говорит о перспективе его развития.

…Георгий Тимофеевич прощается. Его ждут дела. Ждут новые задания правительства, новые трассы, новые штурмы Вселенной. Их поведут подчиненные генерала Берегового, поведут по точным маршрутам, как учили в авиации: на расчетную орбиту.

В космос мы шли стремительно.

Двадцатый век опередил фантастов, предсказавших полет человека в космос лишь в будущем столетии, выявил новое поколение советских людей: беззаветно мужественных, широко

образованных, ставших примером для современной молодежи.

К числу таких принадлежит дважды Герой Советского Союза летчик–космонавт СССР генерал–лейтенант авиации Владимир Александрович Шаталов.

Владимир Александрович трижды побывал в космосе. Сейчас он руководит подготовкой советских космонавтов. Служебная деятельность генерала Шаталова не укладывается в рамки лишь должностной ответственности: Шаталов — руководитель, Шаталов — космонавт.

Ему звонят, пишут, приглашают на встречи, к нему обращаются на улице.

Владимир Александрович выходит из-за стола — высокий, статный, приветливо улыбается:

— Журналисты настойчивы и последовательны, как космонавты. Преодоление барьера недоступности напоминает некоторые ступени преодоления трудностей в космосе. Вы должны нас понять и простить.

Генерал Шаталов не торопит беседу, он сосредоточенно слушает вопросы, смотрит в глаза собеседнику. То ли от напряжения, то ли от усталости у глаз его сложились веерообразные морщинки.

Читатель хочет все знать о космонавте Шаталове, Советских людей интересует жизнь и подготовка к полетам других космонавтов. Наконец, советско–американские соглашения о совместных исследованиях в космосе.

Говорит Владимир Александрович медленно, обдумывая каждое слово, давая возможность все записать. Главное внимание — собеседнику.

О себе рассказывает скупо, все больше о людях, с которыми его сводила жизнь: учился у них, стремился взять лучшее. Минули, но не прошли бесследно годы учебы в ленинградской школе, в Липецкой спецшколе ВВС, в Качинском авиационном училище летчиков, в академии имени Ю. А. Гагарина…

Зазвонил телефон. Генерал Шаталов учтиво сказал: «Извините», снял трубку.

Пока идет телефонный разговор, с интересом осматриваю по–деловому обставленный кабинет. Скромная, без вычурности мебель. Многочисленные сувениры. На квадратном столике несколько телефонов, рабочая тетрадь с записями встреч, переговоров, расписанных до минуты.

Положив телефонную трубку, генерал Шаталов продолжает прерванный разговор.

— В 1957 году Советский Союз впервые в мире запустил в космос искусственный спутник Земли. Прошло всего лишь около

двадцати лет. Но советская космическая наука за этот сравнительно небольшой срок достигла огромных успехов.

— Можно ли говорить о какой-либо периодизации в освоении космического пространства?

— Чисто хронологического деления нет. Есть поэтапные периоды. В недавно изданной книге журналиста Льва Колодного «Земная трасса ракеты» говорится: «Ракета не сразу вырывается на просторы Вселенной. Сначала срабатывает первая ступень, развивая большую скорость, затем — вторая, многоступенчатая ракета летит к далекой цели. Так и космонавтика. Ее первая ступень — теория Циолковского, вторая — энтузиазм учеников Константина Эдуардовича. Потом сработала мощная ступень — ГИРД — группа изучения ракетного движения, построившая первые советские ракеты, и ГДЛ — газодинамическая лаборатория, сконструировавшая первые совершенные отечественные двигатели на жидком топливе».

Не отрицая такого образного деления, я хотел бы напомнить о выдающемся полете летчика–испытателя Григория Яковлевича Бахчиванджи. 15 мая 1942 года он на самолете «БИ-1» конструкции В. Ф. Болховитинова, с жидкостным ракетным двигателем, совершил первый полет в СССР.

В космос мы шли стремительно, но осторожно, планомерно. Помните, в 1959 году стартовала первая советская космическая ракета — искусственная планета «Мечта». Потом был перелет с Земли на Луну с вымпелом СССР и, наконец, триумф человеческой мысли — полет в космос Юрия Алексеевича Гагарина.

Американский публицист Альберт Кан тогда писал:

«По национальности я американец. По роду — человек. Как американец, как человек, я всем сердцем ликую сегодня.

Отсюда, из нашего дома, из джек–лондоновской Лунной долины, из Калифорнии, моя жена, три моих сына и я простираем руки через сушу и океан и обнимаем тебя, дорогой Юрий Алексеевич.

Спасибо всей твоей большой семье — изумительному советскому народу».

— Владимир Александрович, насколько опасен космический полет?

— Когда-то поезд называли Змеем Горынычем, и люди боялись ездить «по железке». А сейчас им уже самолет подавай! И недалек час, когда люди отдадут предпочтение космическому транспорту. Но всякое новое дело потому и трудное, что оно еще непознано.

Открытие, штурм, покорение космоса не были бескровными.

И всегда труднее первым. Непредвиденное случилось с экипажем корабля «Союз-11». Успешно выполнив всю программу полета, Георгий Добровольский, Владислав Волков и Виктор Пацаев погибли, возвращаясь домой. Во время пожара на мысе Кеннеди сгорели мужественные американские космонавты Вирджила Гриссом, Эдвард Уайт и Роджер Чаффи.

Природа всегда предъявляет суровый счет первопроходцам.

— Владимир Александрович, нельзя ли, забегая вперед, узнать что-нибудь о будущих полетах? Какие они будут?

— Полет и подготовка к нему всегда влекут за собой много неизведанного, непознанного. И заранее предрешать что-либо не стоит.

Наши космонавты упорно и много работают, готовясь к новым полетам. В хорошей форме находятся Алексей Леонов, Анатолий Филиппенко, Николай Рукавишников, Валерий Кубасов и другие. Но пилотируемые полеты — лишь часть нашей космической программы.

Большое значение в изучении небесных тел Солнечной системы мы придаем автоматическим аппаратам. Они прокладывали и будут прокладывать путь людям, хотя, конечно, и не в силах во всем заменить человека.

На сегодняшнем этапе нам предстоит изучить околоземное пространство. Мы первыми начали его глубокое исследование. Уверен, что очень скоро на орбиту здесь выйдут транспортные космические корабли, комплексные орбитальные станции длительного существования, на которых будут созданы превосходные условия для жизни и работы целого научного коллектива.

— Следовательно, Луна, вернее, высадка людей на нее — задача второстепенная?

— Нет. Это не так. Мы считаем, что необходимые сведения о естественном спутнике Земли, характере его почвы, географии и рельефе могут быть получены с помощью автоматических станций, которые уже успешно справляются со своей задачей и на Луне, и на Марсе, и на Венере. Решение лунной проблемы даст человечеству ключ к познанию истории образования Земли и других планет Солнечной системы, к разгадке причин возникновения жизни. В дальнейшем освоение Луны станет важной вехой в развитии человеческого общества на пути покорения космического пространства.

Владимир Александрович встал, подошел к большому, во всю стену окну, залитому ярким солнцем, долго смотрел на чистое, бесконечно высокое небо, как, наверное, смотрел на него тысячу раз, еще будучи военным летчиком, в ожидании команды на

вылет.

Неожиданно повернувшись, он спросил:

— Вы ждете чего-то сенсационного, да? Теперь полеты не сенсация. Теперь их воспринимают как должное. В 1957 году «Бип–Бип» вызвал столько энтузиазма, восторгов, что первому спутнику посвящены песни, стихи. Запуск к Венере значительно сложнее запуска первого ис–куственного спутника, а о нем уже столько не пели, да и стихов, верно, меньше писали. Сенсаций будем ждать от ученых, изучающих результаты многочисленных полетов. Теперь космос должен раскрыть свои тайны…

— Владимир Александрович, сейчас много говорят и пишут о международном сотрудничестве в освоении космического пространства. Насколько широко будет это сотрудничество в недалеком будущем?

— Эти вопросы несколько выходят за пределы моей компетенции, однако попытаюсь на них ответить. Вам хорошо известно сотрудничество СССР в области освоения космоса с социалистическими странами. Его результат — запуск искусственных спутников Земли «Интеркосмос», геофизических ракет «Вертикаль».

Хорошие контакты в этой области у нас с Францией. Печать уже сообщала о том, что советские космонавты Георгий Береговой, Константин Феоктистов, Виталий Севастьянов и другие побывали в США.

Гостей американцы приняли радушно. Внимание к со ветским космонавтам было столь велико, что, по отзывам одного из американских журналистов, «русские растопили холодные сердца янки». Был в гостях у американских космонавтов и я.

С американскими коллегами сразу установились добрые отношения, дружеские, деловые. С особенно большой симпатией вспоминаются встречи с астронавтом Дональдом Слейтоном, руководителем подготовки американских астронавтов, Томасом Стаффордом, исключительно скромным человеком, отличным летчиком–испытателем, четырежды побывавшем в космосе.

Мы тоже принимали у себя американских космонавтов.

В июле 1974 года американские астронавты нанесли нам ответные визиты. В Звездном городке гостили экипажи и технический персонал американской стороны совместного полета. Программа пребывания американских коллег в нашей стране предусматривала интенсивное изучение космического корабля «Союз», встречи с технической дирекцией советской стороны совместного проекта.

Поначалу двухгодичный срок совместной подготовки казался непомерно большим — хотелось быстрее в полет. Но вскоре

убедились, что неясных вопросов очень много: относительно полетной документации, терминологии, языка, последовательности операций при стыковке…

> «Действительность превзошла все наши ожидания. Мы счастливы, что побывали в вашей прекрасной стране. Я думаю, что совместный полет, который мы планируем провести в 1975 году, поможет состыковать наши сердца, наши страны, наши великие народы ради мира на земле».

Эти слова принадлежат Джеку Луеме, самому молодому американскому астронавту.

Когда выдавалось свободное время, гостям старались показать что-нибудь интересное. Бывали они в театрах и в музеях столицы, ездили в Ленинград и другие города, знакомились с замечательными памятниками русской старины.

Как-то вечером в Звездном городке услышали мы историю, которая произошла с Георгием Тимофеевичем Береговым в Хьюстоне. За достоверность фактов не ручаюсь, а случилось будто бы вот что.

…Американские астронавты Фрэнк Борман и Нейл Армстронг — гиды Георгия Тимофеевича — старались показать Америку как она есть. В космическом темпе и с цирковой разнообразностью мелькали города, люди, аэродромы… Хозяева были неистощимы на юмор и угощения.

— О, мистер Береговой, — оглядывая Георгия Тимофеевича, сказал Нейл, первым из космонавтов ступивший на Луну. — Вы спортивны по–американски.

— А вы, Нейл, — в тон ему ответил Георгий Тимофеевич, — простодушны по–русски.

В космическом центре в Хьюстоне Берегового знакомили с американским пилотируемым кораблем «Аполлон». Устраиваясь в кресле командира, Береговой заметил хитроватые улыбки своих гидов, поспешно покидающих кабину корабля, и догадался, что готовится сюрприз, что его хотят поставить в смешное положение. Он сосредоточился, пытаясь разгадать, что за шутку собираются сыграть над ним добродушные спутники. А они уже задраивали люк космического корабля.

— Хэлло, сэр! — донеслось из бортовых динамиков. Говорил Нейл Армстронг. — Вы можете полетать самостоятельно.

«Представляю, как они там веселятся, — подумал Береговой. — Только бабушка еще надвое сказала»… И Георгий Тимофеевич включился в игру.

— Хэлло, командир семнадцатого просит установить отсчет

времени, — на английском ответил он Армстронгу.

Но в ответ на просьбу из динамиков не донеслось ни звука. Молчание затягивалось. Почувствовав растерянность хозяев, Георгий Тимофеевич наклонился к микрофону:

— Сэр, семнадцатый просит запуск. Экипаж готов к полету по маршруту: Земля — Марс — Земля. Если, конечно, этот корабль осилит маршрут.

— Хэлло, Георг! Мы отключались, потому что в эфире сейчас кто-то говорил голосом, как две капли напоминающим ваш! Кто-то, подражая вам, говорил по–английски.

— Вы не ошиблись, Нейл, — улыбнулся Береговой, — это говорил я.

— О, Георг! Хэлло, можно кончать эту неудавшуюся шутку. Пожалуйста, возвращайтесь на Землю.

— Нет, Нейл, полет только начался, я еще хочу посмотреть на нашу старенькую планету.

— Но как же вы взлетите?

— Взлечу!

— Да, да, пожалуйста. Я еще плохо понял ваш характер. — И он тут же подал команду вспомогательным службам: — Отсчет времени… Готовность одна минута… Старт!

Нейл радовался своей находчивости и возможности продолжить эту приятную игру.

Двадцать пять минут, находясь на имитирующем аппарате, Георгий Береговой управлял всеми системами корабля «Аполлон». Он совершил «полет» в космическое пространство и «посадил» корабль в заданном районе. Все было как в реальном полете.

ГеоргиюТимофеевичу преподнесли цветы, когда он вышел из корабля, точно так, как делается у нас, в Звездном. Потрясенные, удивленные блистательными результатами «полета», стояли Борман и Армстронг.

— Георг, — восторженно сказал Армстронг, — мы не подозревали, что вы знаете наш корабль. Браво!

Георгий Тимофеевич улыбнулся.

— Космонавту надо знать все. Когда-то я летал на истребителях «Кингкобра». Вот и изучил язык, принципиальную схему управления американскими летательными аппаратами. Это было в воину…

— Вы нас простите, Георг, — смущаясь, сказал американский астронавт Нейл Армстронг и обвел рукой присутствующих астронавтов.

— Не за что. Вы помогли мне восстановить утраченные навыки. Теперь, случись беда на орбите, смогу оказать вам

квалифицированную помощь.

Вопрос о сотрудничестве с США стоял давно, можно сказать, с первого космического полета. Уже тогда стало ясно, что освоение космоса — дело всего человечества.

Длительные полеты к планетам Солнечной системы, требующие огромных материальных ресурсов, научных достижений, возможны лишь при объединении усилий ряда стран.

«Без первого искусственного спутника Земли и полета Юрия Гагарина, без исследований ученых многих стран полеты к Луне не могли бы состояться…» Это высказывание принадлежит Фрэнку Борману. Хорошие слова, и нет надобности их комментировать.

Между СССР и США уже идет оживленный обмен «космическими новостями». Скажем, лунный грунт, доставленный станциями «Луна-16» и «Луна-20», изучают в научных центрах США. Образцы пород, привезенных на Землю экипажами «Аполлонов», исследуют советские ученые. Наблюдения, собранные «Марсом-2» и «Марсом-3», анализируются вместе с данными, пришедшими от «Маринеров». Научная информация, полученная с советских спутников «Метеор», регулярно передается в Вашингтон, а с американских метеоспутников — в Советский Союз.

Уже сейчас от использования сведений с метеорологических спутников мы имеем, как говорят специалисты, многие миллионы рублей экономии. Из космоса мы разведываем полезные ископаемые, изучаем моря и океаны, исследуем вопросы предотвращения эрозии почвы. Космонавтика значительно увеличила сбор всевозможной научной информации. Вы подумайте, за десять суток геофизический спутник выдает такое количество информации о магнитном поле Земли, какое в обычных условиях можно было получить только за десять лет.

— Что же еще дает космонавтика?

— В любой точке Земли мы можем вести прямой прием по телевизионному каналу, телефонные переговоры со всеми городами и населенными пунктами Земли без коммутаторных станций. Работает служба наблюдения и предупреждения стихийных бедствий, служба навигации, можно провести картографирование любого участка планеты — все это нам дает космическое землеведение.

Перспективы, открываемые космонавтикой, необозримы. Многие ученые всерьез обсуждают вопрос о создании на орбите гигантского зеркального отражателя — своего рода искусственного Солнца. Некоторые ученые уже думают о

строительстве в космосе атомных электростанций, о добыче наиболее ценного сырья на планетах. Фантастика? Космонавтика вся вышла из фантастики.

Собеседник Шаталов необыкновенный. Он хорошо начитан не только в чисто профессиональном плане. Его суждения о книгах, кино, изобразительном искусстве точны, конкретны, немногословны. Немногословие — одна из характерных черт космонавта. Видимо, жизненный принцип: «времени мало не только у тебя, но и у собеседника — береги его», — железное кредо Шаталова.

Космонавту приходится много ездить по планете. В США — для подготовки совместного космического эксперимента 1975 года, на Кубу — как председателю Общества советско–кубинской дружбы, в Югославию — как депутату Верховного Совета СССР в составе делегации советских парламентариев.

А ему хочется походить по родной земле, посмотреть вблизи на то, что он видел с высоты космических орбит, через призму космического вакуума.

— Забраться в глубину Руси, — мечтательно говорит он, — и пешком в безлюдье и тиши…

Биография космонавта Шаталова очень привлекает журналистов. Стремительный служебный взлет не случаен. В 1963 году принят в отряд космонавтов. В 1971 году, сменяя генерал Каманина, он становится руководителем подготовки советских космонавтов, трижды побывав в трудных испытательных полетах в космосе. Труд повседневный, упорный, целеустремленный наполняет его жизнь.

Облаченный доверием партии и правительства, он целиком отдает себя делу, название которому волнующее и вдохновенное — космические исследования.

Покой нам только снится

Журналисты назвали июль 1975 года — космическим….Июль — самый разгар лета, время отпусков и кинофестивалей. А тут космическая одиссея, впервые в мире стыковка в космосе двух кораблей разных государств…

Люди у телевизоров, они видят Северную Америку, Казахстан, столицы великих государств, да что это, они видят — планету. Она так мала и она еще не ухожена, как хотелось бы, еще не так прекрасна, как должна быть. Но она одна в этой Галактике, наверное одна.

Пятнадцатого июля в шестнадцать часов пополудни радио и телевизионные станции мира передали сообщение ТАСС: «…В Советском Союзе произведен запуск космического корабля «Союз-19»… Этим полетом положено начало первому в истории космонавтики крупному совместному научному эксперименту по программе «Союз — Аполлон», осуществляемому СССР и США…»

Свершилось! Началось! Да здравствует наука! Это была мечта людей.

Помните, у Константина Циолковского: «…Человечество не останется вечно на земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет все околосолнечное пространство». Об этом мечтали Жюль Верн и Алексей Толстой, Герберт Уэллс и Александр Казанцев, Антуан де Сент–Экзюпери и Иван Ефремов.

Фридрих Цандер, Мартин Кэйдин, Сергей Королев, Ашиль Эро, Ари Штернфельд, Герман Оберт, Роберт Годдард, Анатолий Благонравов, Роберт Эно–Пельтри, Алла Маневич, Герман Гансвиддт, Владимир Артемов закладывали практические основы международного сотрудничества в освоении космического пространства.

В 1957 году были организованы совместные наземные оптические наблюдения ученых социалистических стран за спутниками и исследования верхней атмосферы, основанные на их результатах. В 1967 году принята программа «Интеркосмос», в реализации которой участвуют девять социалистических государств. В ходе ее осуществления уже запущены тринадцать спутников, две геофизические ракеты «Вертикаль», значительное количество метеорологических ракет, проведен ряд комплексных экспериментов.

В 1971 году создана международная организация «Интерспутник». Страны — ее участницы пользуются на своей территории станциями для приема и передачи через спутники

связи «Молния» телефонно–телеграфных сообщений и программ телевидения. Такие станции уже построены в Монголии, на Кубе, в Польше и Чехословакии, сооружаются в ряде других социалистических государств. Советским ракетоносителем 19 апреля 1975 года запущен первый индийский спутник Земли. Он спроектирован и изготовлен индийскими специалистами при консультации и технической помощи советской стороны.

Проводятся совместные работы в космическом пространстве с учеными Франции.

Люди, создавшие космические корабли, думали о том, как их поднять в пространство мироздания, и о том, как потом снять оттуда. А если вдруг не удастся?

Увеличивая выпуск автомобилей, человечество строило дороги, кемпинги, мотели и больницы.

Как же быть с все возрастающими стартами в космос, как обеспечить безопасность пионеров Вселенной?

К одной цели СССР и США шли различными путями.

Но вот в СССР в 1967 году произвели на орбите автоматическую стыковку двух кораблей. Прежде чем послать на такой эксперимент космонавта, стыковку повторили.

На памяти были недавние происшествия в околоземном пространстве. 19 марта 1965 года через 26 часов 2 минуты после запуска на 18–м витке на корабле «Восход-2» отказала автоматика. Спокойный, но напряженный голос командира Павла Ивановича Беляева донес на землю тревогу: «Тормозная установка не сработала».

Померкла радость ожидания. Все присутствующие ошеломленно смотрели на динамик, принесший эту весть: они хорошо понимали, что могло произойти сейчас.

— Паша, валяй вручную. — Это был голос Юрия Гагарина.

Беляев берет управление на себя и направляет корабль к Земле.

В марте 1966 года американские астронавты Нейл Армстронг и Дэвид Скотт из-за потери управления кораблем «Джемини-8» совершили аварийную посадку в Тихом океане.

В апреле 1970 года на корабле «Аполлон-13», направлявшемся на Луну, произошел ряд серьезных отказов, чуть не приведших к гибели астронавтов. Полет на Луну пришлось прервать.

Отказы техники, так называемые «нештатные» ситуации, не прекращались.

В день исторического полета Юрия Гагарина ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и правительство СССР приняли обращение, в котором подчеркивалось:

«Победы в освоении космоса мы считаем не только достижением нашего народа, но и всего человечества. Мы с радостью ставим их на службу всем народам, во имя прогресса, счастья и блага всех людей на Земле».

«О возможной помощи Советского Союза я думал в один из самых критических моментов в программе «Аполлон», — говорил много месяцев спустя доктор Гленн Ланни. — Космический корабль «Аполлон-13» находился за сотни тысяч миль от Земли, когда взорвались кислородные баки. Этот несчастный случай уничтожил главный запас кислорода, взрывом повредило почти всю систему энергоснабжения. Увы, в тот драматический момент мысль о чьей-либо помощи я отбросил сразу же после того, как она возникла. Как инженер, я знал, что все эти годы наши страны проектировали и строили космические корабли и стыковочные устройства по–разному. У вас была одна система, у нас — другая...»

Доктора Гленна Ланни в США называют «крестным отцом» программы «Аполлон». Шестнадцать лет он занимается космосом. За успешные работы по спасению экипажа корабля, терпевшего бедствие, НАСА наградила его медалью «За выдающиеся заслуги».

И все-таки идея более широкой космической кооперации становилась реальной темой международных соглашений. Ведущие космические державы СССР и США договорились о проведении первого в мире эксперимента стыковки кораблей различных конструкций. Идея ЭПАС начала претворяться в жизнь.

Были утверждены экипажи для этого исторического полета.

Первые два экипажа — это уже известные космонавты А. Леонов и В. Кубасов, А. Филиппенко и Н. Рукавишников. Третий и четвертый экипажи составили «новобранцы» космоса Ю. Романенко и А. Иванченков, В. Джанибеков и Б. Андреев.

Алексей Леонов… Он поражал своей работоспособностью, не угасающим интересом к своей профессии, вдохновенным творчеством, гагаринским оптимизмом, юношеским бесстрашием. А еще упорством и терпением. Потом, когда он встретится и подружится с Томасом Стаффордом, Алексей подивится схожести их судеб. А она была безжалостна к обоим.

Алексей Леонов пришел в отряд космонавтов в 1960 году. Он вошел в первую группу космонавтов, которую позднее назовут гагаринской.

Начались бесчисленные тренировки.

Один за одним стартовали в космос корабли, а Леонов все

тренировался. Обиды не было: все его товарищи были достойными коллегами, и все имели право на полет.

— В нашем деле, — скажет потом Алексей Архипович, — ждать не последнее дело.

И он ждал, ждал и учился, ждал и тренировался.

И однажды (было это в 1963 году), наконец, академик Королев сказал:

— Следующим вы пойдете, программа сложная.

Павел Иванович Беляев, опытный и солидный человек, был утвержден командиром «Восхода-2». Вторым пилотом — Леонов. Характеризуя новый экипаж, Сергей Павлович говорил:

— Что касается командира корабля… человек он очень спокойный, неторопливый… но очень основательный. Он не мастер говорить длинные и красивые речи, но тем не менее он все делает очень… фундаментально.

Полет подтвердит правильность психологических и деловых характеристик экипажа.

Весельчак и балагур Алексей Леонов был у академика на особом счету. Сергей Павлович великолепно владел собой, своим настроением, чаще был сосредоточен, строг, но при виде Леонова смягчался, говорил:

— Я бы отметил основную черту Леонова — живость ума. Это первое. Второе — хорошее усвоение им технических знаний. Третье — прекрасный характер. Он художник, сам рисует, очень общительный, очень, по–моему, добрый и располагающий человек. Смелый летчик. Он технически прекрасно владеет современными реактивными истребителями. Мне кажется, что этот человек заслуживает самого большого доверия.

Сергей Павлович вникает во все детали подготовки экипажа, учит их, инструктирует, напутствует.

Экипажу он говорит:

— Подготовка к старту проходит нормально. Были кое–какие неполадки, — не скрыл ученый. — Они устранены. Полет и сам эксперимент по выходу — сложны. От вас требуем четкого выполнения программы… — Сергей Павлович добавил: — Вам самим следует учитывать все обстоятельства и принимать разумные решения. Всего на земле предусмотреть невозможно. Повторяю, мы об этом не раз с вам говорили во время тренировок, — надо действовать по обстоятельствам. Земля, конечно, останется вашим советчиком. Но на корабле — и ваша жизнь, и судьба эксперимента в ваших руках…

Если заметите неполадки, все может быть, не лезьте на рожон. Вы меня поняли? — строго спросил конструктор. — Не нужны рекорды, нужен серьезный научный эксперимент. Вы

понимаете, как много мы ждем от него? То, что мы проведем завтра, откроет целое направление в космических исследованиях.

При подготовке к полету корабля «Восход-2» летчики–космонавты участвовали в разработке эскизного проекта скафандра, шлюзовой камеры, систем управления шлюзованием, всех дополнительных систем и оборудования, которых не имел первый корабль подобного типа. Космонавты принимали участие в испытаниях нового снаряжения и оборудования, вносили предложения, необходимые для их доработки. Все предложения космонавтов были приняты.

Тщательная подготовленность и всевозможная предусмотрительность принесли свои плоды.

Выйдя в открытый космос, Леонов снял заглушку кинокамеры, покрутил в руках: что же с ней делать? Беда, правда, небольшая, размахнулся и швырнул в сторону Земли: может быть, вернется к родным пенатам!

Продолжая работать по программе, Алексей Архипович оттолкнулся от корабля и поплыл в свободном безопорном пространстве. И тут же наблюдавший за Леоновым командир корабля Павел Иванович Беляев передал всему человечеству:

— Человек вышел в космическое пространство…

Когда подошло время возвращаться на Землю — отказала автоматика ориентации и посадки. И это было преодолено.

Новая неожиданность ждала их на Земле. Корабль опустился между двумя большими елями, в глубокий снег. Оседая, снег увлекал корабль вниз, в опасное защемление между деревьев.

Много раз рассказывал Алексей Архипович о полете на «Восходе-2», но никогда он не вспоминал эти «нештатные» ситуации. Как художник, он всегда говорил о красоте космического видения:

«При открывании наружной крышки шлюза космического корабля «Восход-2» необъятный космос предстал перед моим взором во всей своей неописуемой красоте. Земля величественно проплывала перед глазами и казалась плоской, и только кривизна по краям напоминала о том, что она все-таки шар. Несмотря на достаточно плотный светофильтр иллюминатора гермошлема, были видны облака, гладь Черного моря, кромка побережья, Кавказский хребет, Новороссийская бухта. После выхода из шлюза и легкого отталкивания произошло отделение от корабля. Фал, посредством которого осуществлялось крепление к космическому аппарату и связь с командиром, медленно растянулся во всю длину… Мчавшийся над Землей космический аппарат был залит лучами Солнца. Резких контрастов света и тени не наблюдалось, так как находящиеся в тени части корабля

достаточно хорошо освещались отраженными от Земли солнечными лучами. Проплывали величавые зеленые массивы, реки, горы.

Ощущение было примерно таким же, как и на самолете, когда летишь на большой высоте. Но из-за значительного расстояния невозможно было определить города и детали рельефа, и это создавало впечатление, что как будто бы проплываешь над огромной красочной картой».

В январе 1966 года в больнице, на операционном столе оборвалась жизнь Сергея Павловича Королева.

Эго было так неожиданно и так невосполнимо! Вместе с ним, казалось, ушла из-под ног земля, надежда, перспектива, та величайшая нравственная опора, отсутствие которой замечалось лишь с ее уходом.

Сергей Павлович так оценивал полет «Восхода-2»:

«Полет Юрия Гагарина открыл эпоху космической навигации. А эпоха работы человека в свободном космосе началась в истекшем, 1965 году в тот мартовский день, когда Алексей Леонов шагнул из шлюза в открытое пространство и свободно поплыл в нем».

Как-то, прочтя в газетах отчет Леонова о полете, Королев выделил запомнившиеся ему следующие слова:

> «…Во время полета наше внимание привлек предмет, купавшийся в солнечных лучах. Мы с Павлом вскрикнули от удивления и радости. В стороне от корабля, примерно в километре, «плыл» искусственный спутник Земли. Эта встреча нас очень взволновала. Подумалось, что настанет время и встречи в космосе с другими посланцами Земли станут обычными. На космических дорогах не раз еще встретятся корабли».

При встрече он сказал Алексею Архиповичу:

— Знаю, знаю, на что замахиваешься, это реально, будем общаться в космосе с посланцами других стран.

Алексей Архипович покраснел и, будто уличенный в чем-то преждевременном, глухо сказал:

— Это я по наитию, Сергей Павлович, и, кстати, развивая именно ваши идеи.

— Мои? У меня разве есть идеи?

— Когда я был в полете, вы сказали журналистам, что, наконец, надо считаться и с таким фактором, что ведь может в конце концов сложиться такая ситуация, когда один корабль должен оказать помощь другому. Но каким же образом? Ведь корабли представляют собой очень защищенные в тепловом и в

прочностном отношении конструкции. Значит, можно подойти к кораблю и ничего, собственно говоря, не сделать, потому что если его просто разгерметизировать через входной люк, то люди там погибнут. Значит, должна быть отработана такая система шлюзования, жизнеобеспечения и выхода из корабля, которая бы давала возможность оказать такую помощь…

Сергей Павлович выслушал и, смеясь, сказал:

— А ведь верно, говорил. Я эту идею своровал у Валерия Брюсова. Еще в 1912 году он писал. Сейчас вспомню. Сразу могу читать только Есенина. Ах, вот.

Но есть еще мечта чудесней и заветней;
Я снова предан ей, как в юные года.
Там, далеко от нас, в лазури ночи летней,
Сверкает и зовет багряная звезда.
Томят мою мечту заветные каналы,
О существах иных твердят безвольно сны…
Марс, давний, старый друг! Наш брат!
Двойник наш алый!
Ужели мы с тобою вовек разлучены!
Не верю! Не хочу здесь, на зеленом лоне,
Как узник взор смежить! Я жду, что сквозь эфир,
В свободной пустоте, помчит прибор Маркони
Приветствия земли в родной и чуждый мир;
Я жду, что, наконец, увижу шар блестящий,
Как точка малая, затерянный в огнях,
Путем намеченным к иной земле летящий,
Чтоб братство воссоздать в разрозненных мирах.

— А я, Сергей Павлович, у вас похищаю мысли.

Это была последняя встреча с академиком Королевым.

Потом, много месяцев спустя, журналисты напишут:

«Часы, прошедшие до приземления «Восхода», оставили свой след. Казалось, на висках Сергея Павловича появилось больше седины, возле глаз стала плотнее паутина морщинок, а у рта чуть глубже складки».

Пришла беда, открывай ворота.

Трагически погиб один из самых близких друзей — Владимир Михайлович Комаров. Это была первая космическая, но потому и самая тяжелая утрата.

Алексей Архипович хорошо понимал, что исследование космического пространства дело трудное, новое, таинственное,

что оно вряд ли обойдется без жертв, но привыкнуть к этой мысли он не мог.

Владимира Михайловича Комарова хоронили на Красной площади у Кремлевской стены в канун первомайских дней. Столица была уже в праздничном убранстве, в ярком огниве кумача, расцвечена весенним солнцем. И вдруг рядом лег черный креп.

Юрий Алексеевич Гагарин подбадривал всех, заботился о супруге и детях Владимира Михайловича Комарова, сдерживал себя, не давал волю чувствам.

В тот день он сказал: «Мы клянемся тебе, что научим «Союз» летать…»

И научили. Космические корабли «Союз» пошли в просторы мироздания, понесли славу советской науки.

Начала складываться новая программа полета, и Алексей Леонов включился в сложный. этап тренировок. Юрий Алексеевич Гагарин был постоянно рядом — он добивался разрешения на второй полет и вдохновленно, с величайшей самоотдачей занимался.

Все с нетерпением ждали весны. Новые полеты, новые планы, но никто тогда и не мог предположить, что она принесет и новую беду.

27 марта 1968 года во время учебно–тренировочного полета погиб Юрий Алексеевич Гагарин.

Неожиданная весть, приведшая Леонова в смятение, через несколько минут вызвала в нем неукротимую энергию. Он настаивал на прослушивании эфира — самолет мог в крайнем случае сесть на вынужденную. Вместе с Гагариным во второй кабине летчик–инструктор, командир части, Герой Советского Союза Владимир Серегин. Два таких аса. Не может быть!

Тогда Леонов попросил разрешения полететь на поиск, прыгнуть на парашюте, найти — ведь они, может быть, нуждаются в помощи!

В последнее время, когда Валентина Ивановна Гагарина лежала в больнице, Юрий Алексеевич часто бывал у Леоновых, участвовал с ним в тренировках… Так трудно поверить, что его нет!

«Я закрываю глаза, — говорил Алексей Архипович, — и передо мной встает Юрино лицо. Оно очень подвижное, его лицо. Малейшие оттенки настроения отражаются на нем и быстро меняются, как у всякого горячего по натуре человека…»

Работалось в эти дни трудно. Дома на мольберте стоял холст. Леонов брал кисть, вешал на палец палитру, подходил к подрамнику и замирал.

Он создал уже немало картин, красочных, посвященных трудной профессии космонавтов, наполнил их мажорной гаммой красок, в каждом сюжете четкость, уверенность в победе человека над стихийными силами природы…

Его картины экспонировались на выставках, выставлялись на отчетных показах в Москве, Орле, Симферополе, Братиславе, Праге, Оттаве, Хельсинки. О нем писали как о признанном художнике, издательства охотно выпускали альбомы его работ… Но зачем все это, если нет Юрия…

Мысли бессвязно скакали, носились, метались. Алексей Архипович вспомнил почему-то свою поездку во Францию. Там сотрудники посольства однажды ему сообщили, что жена Антуана де Сент–Экзюпери желает встретиться с ним. Строптивая и экстравагантная Консуэло, всегда бежавшая от летчиков, просит аудиенции у летчика.

— В любой день и час.

Невысокая, аккуратная женщина, современно одетая, со следами былой красоты, с хорошими манерами и плохим характером, говорит:

— Я просила этой встречи, месье Леонов, чтобы сказать, что вы напомнили мне Антуана.

— Спасибо. Я необычайно счастлив, что вижу спутницу великого Экзюпери.

— Вы знаете Антуана, читали его, да? Он правда неплохо писал?

— В нашей стране любят Экзюпери, его книги изданы огромным тиражом. «Маленький принц» идет в театрах многих городов…

— Антуан сделал много ошибок. Однажды он плохо написал о вашей стране, гостем которой был в 1935 году. Он потом очень переживал. Если бы он знал, что русские станут первыми в космосе… Потом он написал и такие строчки:

> «Постепенно я начинаю понимать, как я был наивен, когда верил всяким россказням… Я не стану больше удивляться внешним проявлениям жизни… По собственным ошибкам я вижу, как настойчиво стараются у нас исказить русский опыт. Нет, эту страну надо искать в чем-то другом. Лишь через это другое можно понять, как глубоко ее почва взрыхлена революцией…»

— «Это очень печально — когда забывают друзей», — процитировал Леонов.

Консуэло встрепенулась, словно увидела хорошо знакомого человека.

— Вы помните «Маленького принца»? Да, да, вы художник, я забыла. — Глаза Консуэло повлажнели, но, вспомнив о присутствующих здесь респектабельных мужчинах, она мило и отвлеченно улыбнулась своим мыслям. — Это хорошо, когда художники приходят в авиацию.

— Меня авиация сделала художником, — стеснительно заметил Леонов. — Она и стала темой моего творчества.

— Скажите, для чего вы пишете? Я не обижаю вас этим вопросом? Я не спрашиваю о суммах ваших гонораров.

— Почему я пишу? Мне пишется. Я ищу способ самовыражения. Карандаш, кисть помогают мне познать человека, в том числе и себя, раскрыть духовный мир моих современников, проникнуть в мысли, чувства, сделать человека лучше…

— Что же побудило вас стать художником?

— Моя профессия!..

В декабре 1969 года тяжело заболел Павел Иванович Беляев, командир «Восхода-2». Все свободное время Алексей Архипович посвящает семье друга, командир а. бывает у него в больнице. Врачи предлагают делать операцию. Беляев соглашается. Он весел, разговорчив, просит не беспокоиться о его здоровье, скоро он покинет больницу.

Но самочувствие Павла Ивановича все ухудшалось.

Как помочь, что сделать?

Алексей Архипович встретился с одним из хирургов больницы, спросил о возможных способах помочь Павлу Ивановичу. Хирург поправил маленькие очки, в упор посмотрел на космонавта.

— Помощь не нужна.

— Как не нужна? Он ведь болен. Может быть, можно что-то взять из моего организма?

— Спасибо, Алексей Архипович. Я все хорошо понимаю, но мы мужчины и должны смотреть правде в глаза — помочь невозможно. Надо ждать худшего. Медицина не всесильна.

— Разрешите побывать у него.

— Пожалуйста.

Павел Иванович лежал в палате один. Леонов приоткрыл дверь, нарочно громко, чтобы и разбудить Беляева и заодно продемонстрировать оптимизм, выкрикнул:

— Можно, товарищ командир.

Павел Иванович повернул голову, увидел Леонова, улыбнулся.

— Можно, все можно второму пилоту.

Говорили о деле.

— Американцы все более открыто говорят о совместных

полетах в космосе…

Павел Иванович говорил тихо, но достаточно внятно, размышлял над каждым фактом, вникал в его суть:

— Помнишь, об этом мечтал Константин Эдуардович. В повести «Вне земли» он составил интернациональный экипаж — русский, американец, француз, англичанин, немец и итальянец.

Алексей Архипович, давая больному передышку, перебил его:

— А Фрэнк Борман ведь так и сказал в Звездном городке: «Ныне достижения в космосе американских и советских космонавтов стали достояниями народов, они вышли за национальные границы…» — Леонов говорил и. говорил, стараясь развлечь Павла Ивановича, а сам думал: «Как жаль, что человек еще не совершенен. Сколько бы он успел сделать, если бы не…»

— Леша! — Беляев неожиданно перебил Леонова. — Пока нет Тани, я хочу тебе сказать кое-что.

— Слушаю, командир, — с готовностью согласился Алексей Архипович, наклонился к голове Павла Ивановича и подумал о телепатии.

— Леша, мои дни сочтены. Болезнь прогрессирует. Видимо, я встречаю последний Новый год в своей жизни…

— Паша! — В энергичном порыве, так присущем Леонову, он встал и, размахивая руками: замолчи, дескать, не хочу слушать, — сказал: — Паша, как можно об этом говорить! В тебе болезненно заиграло госпитальное уединение. Мы еще с тобой полетим… — Какой был смысл так грубо врать! Он сделал вдох и услышал скрип двери: на пороге стояла улыбающаяся, порозовевшая на морозе Татьяна Филипповна, жена Беляева. Спасительное вторжение.

— Мне пора уходить? — спросил Леонов.

— Нет, это, наверное, я рано пришла.

Леонов знал Татьяну Филипповну не один год: умная, тактичная, обходительная, добрая, щедро несшая тепло и радость и в свой дом и дом друзей. Она являла собой истинный идеал женского обаяния, освещала скудное офицерское жилье семьи на дальневосточной службе, не потерялась она и в великолепном убранстве космической квартиры.

Татьяна Филипповна была наградой Павлу Ивановичу за его жизненное бескорыстие.

…Печальный, неотвратимый конец приближался. 10 января 1970 года Павел Иванович скончался. Ушел из жизни наставник и командир, свидетель и участник дерзновенного эксперимента — выхода в космос, — выдающийся летчик, душевный и умный человек. «…Образцом для подражания был для меня и Павел Беляев. У него я многому научился», — скажет Алексей

Архипович.

Эти годы были тяжелыми для Леонова по эмоциональному и душевному напряжению, по степени возрастающей служебной нагрузки. Расширилась и общественная активность.

Именно в этот период Леонов обращается к журналистике, в поисках путей поведать о пережитом, рассказать о товарищах, о неутомимых поисках в науке. Он выступает со статьями и публицистикой, пишет научные исследования. Продолжал заниматься он и другим, любимым искусством: живописью. Правда, космонавтика по–прежнему забирала все основное время. Профессия владела им сильно и всецело.

«За последние два с половиной года, — писал Леонов, — я сделал не так много: четыре картины маслом, несколько пастельных и десятка полтора живописных работ, что называется, «для души». У меня просто нет времени». Но… «Я знал, — скажет Леонов, — чего хотел в жизни».

…Как-то в Звездный городок приехали однополчане Алексея Архиповича. Говорили о новостях, о бывших сослуживцах, о тех, кто больше всего оставался в памяти: людях со счастливыми и неудачными судьбами. Ребята держали себя скованно.

Алексей Архипович расстроился, сказал им об этом.

— Вы такой известный космонавт…

— Вы! Да что я, чужой вам? Ведь я летчик и всему хорошему, что у меня есть, обязан полку, друзьям. А вы передо мной…

— Не обижайся, Леша, но мы все-таки робеем. Космонавты выше летчиков, и вовсе не потому, что их, то есть вас, мало, а потому, что от вас большего ждут. Вы не имеете права обмануть надежды людей.

Для музея части летчики попросили кое-что.

— Берите все, что надо, — сказал Леонов и показал на обилие сувениров в доме.

— Нам бы фотографии…

— Пожалуйста.

— Нам бы…

— Пожалуйста.

Загруженные и навьюченные подарками и «экспозиционным материалом», однополчане возвращались домой.

…Уже шла. активная работа по подготовке совместного эксперимента. Разрабатывалась программа, баллистики высчитывали орбиту, радио- и тележурналисты брали интервью.

Наука была ведущей силой в намечаемом мероприятии.

Движение аппаратов по орбите очень чувствительно к влиянию даже малейших отклонений. Например, если при выведении скорость превысит расчетную всего на! метр в секунду,

то в противоположной точке орбиты высота полета будет больше расчетной примерно на 3,5 километра. Кроме того, увеличится на 2 секунды период обращения по орбите, так что положение корабля через один виток будет отличаться от расчетного на 15 с лишним километров. Это отклонение будет нарастать пропорционально времени полета. В итоге к назначенному моменту встречи аппараты в действительности окажутся на очень большом удалении.

Стыковка кораблей должна состояться на круговой орбите. По соглашению между советскими и американскими специалистами решено считать Землю правильной сферой с радиусом 6.378.16 километра. Так удобнее для расчетов.

Алексей Леонов в своих интервью говорил:

— Последние годы были направлены на дальнейшее изучение космической техники, ее разработку, на модификацию корабля «Союз»… Я — заместитель начальника Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. Значит, моя задача — готовить космонавтов, проверять их и давать им заключения на полет. Для того чтобы иметь моральное право это делать, надо самому уметь все, по крайней мере быть не хуже тех, кого проверяешь. Я был инструктором на кораблях «Восток», «Восход», «Союз». Как это ни грустно, я уже стал космическим ветераном и за годы, отданные профессии космонавта, участвовал в работе практически по всем советским программам.

В другом интервью (а их было много, ибо интерес журналистов, а стало быть, и читателей к полету нарастал) будущие его участники заявляли:

А. Леонов: Наш полет должен оказаться полезным не только для двух стран — СССР и США, но и для всех, кто выйдет со временем на космическую дорогу. Мы рассматриваем полет как начало объединения усилий народов в изучении и освоении космоса при помощи пилотируемых аппаратов.

В. Кубасов: В известном соглашении между СССР и США о космосе в числе одной из главных целей — гуманная идея: поиск путей для оказания помощи кораблю или экипажу, попавшим в бедственное положение. Наш полет — это интернациональный полет, так как в нем участвуют представители двух государств. И надо думать, что в будущем международные экипажи станут обычным делом.

А. Леонов: На борту корабля «Союз» находится флаг Организации Объединенных Наций. ООН приняла ряд важных документов, определяющих космический правопорядок. Вручением этого флага ей мы еще раз продемонстрируем всему миру, что космос — это великая сфера деятельности землян,

принадлежащая всем. Космос будет служить только высоким идеалам человечества.

В. Кубасов: ООН называют «инструментом мира». По окончании полета вместе с американскими коллегами флаг, пронесенный над Землей первым международным экипажем, мы передадим этой авторитетной организации.

Для космонавтов был установлен четкий график тренировок, посещений КБ и заводов, изучения языка. Экипажи восемь часов были на службе и восемь часов работали дома.

В один из вечеров жена Алексея Архиповича Светлана, прервав занятия мужа, нежно сказала:

— Ты устал, Алеша. Сделаем сегодня перерыв.

Леонов улыбнулся, устало раскинул руки, смежил веки. Да, хорошо бы сейчас в лес, побродить с ружьем, порыбалить, посидеть у костра до синего утра, но…

— Мы обязательно погуляем, — сказал Алексей, — но не сейчас, потом… ну, скажем…

— После полета, — вкрадчиво сказала Светлана.

Алексей Архипович, уловив иронию, сказал:

— Может быть, и до полета.

Как-то в руках Леонова оказалось интересное сообщение.

В Центральном государственном военно–историческом архиве СССР хранятся материалы, датируемые 1877 — 1878 гг., под названием: «О приготовлении… для правительства Северо–Американских Соединенных Штатов употребляемых у нас спасательных ракет».

Оказывается, в 1877 году министерство иностранных дел России переслало в Российское общество подаяния помощи при кораблекрушениях «…ноту пребывающего здесь поверенного в делах Северо–Американских Штатов о желании его правительства приобрести спасательные ракеты, употребляемые нашим Обществом…»

В связи с американским заказом Николаевский завод обязался, не снижая предусмотренных темпов производства ракет для нужд армии и флота России, изготовить дополнительно за оставшиеся пять месяцев 1877 года 50 спасательных ракет, а в 1878 году — 150 ракет.

Да, история хранит тайны лишь до поры до времени…

Уже много месяцев между советскими и американскими учеными шли переговоры. После долгих лет «холодной войны», породившей недоверие, подозрительность, враждебность, научные раунды пока были малорезультативными.

Появились сомнения в целесообразности намечаемого «космического» контакта. На пути его встали и различные

подходы к техническим проблемам, несовместимость методики подготовки. Довлел груз прошлого, слабо преодолевался языковый барьер.

Благороднейшее всечеловеческое дело заходило в тупик.

Когда успешно завершится программа ЭПАС, зам. директора НАСА доктор Джордж Лоу скажет:

> «Свою радость я с удовольствием делю с выдающимися советскими учеными, которые отдали ЭПАС столько сил. В первую очередь я хотел бы назвать академиков Келдыша, Котельникова и Петрова, а также профессора Бушуева, от работы с которыми я получил истинное удовольствие. Потребуется еще немало времени, чтобы правильно оценить масштабы проведенной работы. Ее главный итог я вижу в том, что она распахнула перед нами двери в будущее. Я надеюсь, что сотрудничество только начинается и обе наши великие страны и впредь будут работать сообща в космосе…»

Осуществляя программу ЭПАС, советские и американские ученые совершили и нравственный и научный подвиг.

В один из дней, когда казалось, что все, что так долго обсуждалось, тщательно обговаривалось, может рухнуть, предложили обменяться делегациями космонавтов. В США побывали Константин Феоктистов, Георгий Береговой, Владимир Шаталов, Андриян Николаев, Виталий Севастьянов; СССР посетили Фрэнк Борман, Нейл Армстронг и другие.

Каждая сторона, как полпредов, делегировала своих лучших граждан, достойных представить страну и в космосе и на земле. Отношения потеплели.

Работа по ЭПАС теперь продвигалась успешнее. Предстояли встречи экипажей совместного полета.

Удастся ли им достичь психологической совместимости, взаимопонимания?

Люди НАСА (Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства) проходили сложный и многоступенчатый отбор. Это были истые янки, стопроцентные американцы, отвечающие всем требованиям современной жизни.

Первый набор ПАСА провело в 1959 году. НАСА требовало:

«Чтобы у будущих астронавтов были опыт военных летчиков, солидный налет на реактивных самолетах, инженерное образование, особые физические данные, которые соответствовали бы маленькой кабине космического корабля «Меркурий».

В распоряжение НАСА тогда поступили 500 человек. Все они подверглись строгим медицинским, психологическим и техническим экзаменам, с каждым были проведены индивидуальные беседы медиков и психиатров. В конце этой проверки осталось 110 кандидатов, но лишь 69 были допущены к дальнейшему конкурсу. Число будущих астронавтов, несомненно людей мужественных и самоотверженных, уменьшалось с поразительной быстротой: 69-55-27-18, и лишь семь из них стали первыми в США астронавтами. Это: С. Карпентер, Г. Купер, В. Гриссом, Д. Слейтон, Дж. Гленн, У. Ширра, А. Шеппард.

К совместному эксперименту была проведена огромная подготовительная работа, зрительно которую можно выразить, скажем, в таких цифрах.

С мая 1972 года по день полета состоялось более 20 встреч, 11 совместных испытаний всех видов, 6 тренировок экипажей и 6 — персонала центров управления полетом. Экипажи провели 700 часов в совместных тренировках, или 18 недель. Были нанесены четыре визита советских космонавтов в США и четыре визита американских астронавтов в СССР. Стороны выпустили более 1500 документов объемом от нескольких десятков до нескольких тысяч страниц.

И все-таки опасность непонимания, замедления программы, даже срыва еще существовала.

Директор Центра пилотируемых полетов имени Джонсона доктор Крафт потом скажет советским журналистам:

> «Когда ЭПАС только рождался, у нас, признаюсь, были серьезные сомнения по поводу успеха этой миссии. Многие технические принципы и методики их решения мешали нам не меньше, чем языковый барьер. Работу, на которую надо было затратить 10 минут, мы выполняли за день. Но со временем мы научились понимать друг друга и доверять друг другу. Мы почувствовали общую ответственность за начатое дело. Космонавтика — на виду у всего мира. Мы обязаны были добиться полного успеха».

Западная пресса была полна догадок.

«Американцы, — писали газеты, — шесть раз совершали полет в направлении Луны, 3 раза — в космической станции «Скайлэб» и один раз должны — для встречи на орбите с двумя космонавтами из Советского Союза. Удастся ли?»

И вот встреча международного экипажа. В составе первого экипажа США двое новичков. Командир — бригадный генерал авиации (кстати, самый молодой генерал в армии США) Томас

Стаффорд, высокий, седовласый, с большими умными и настороженными глазами под кустистыми бровями. Томасу — сорок пять трудных авиационных и космических лет жизни. У него 6200 часов налета.

Стаффорд окончил военно–морскую академию со степенью бакалавра наук. В бурные годы развития авиации он решает посвятить себя трудному и рискованному делу–испытанию авиационной техники. В школе летчиков–испытателей Томас убедился в своей глубокой привязанности к небу. Он был в лучшей спортивной форме (Томас занимается тяжелой атлетикой, плаванием, играет в ручной мяч), имел достаточно высокий профессиональный авторитет, когда узнал о наборе в астронавты.

Томас Стаффорд трижды побывает в космосе, напишет две книги по аэронавтике, станет заместителем начальника отдела подготовки экипажей, в феврале 1974 года будет утвержден командиром основного экипажа по проекту ЭПАС, но будет по–прежнему считать себя неудачником.

— Я уже решил, что злой рок преследует меня, — скажет он потом. — Но опустить руки — значило отказаться от профессии космонавта.

Стаффорд был трижды дублером по программе «Джемини», прежде чем в декабре 1965 года на корабле «Джемини-6» отправится в космос. Это была третья попытка руководства НАСА поднять корабль в небо.

Первоначально старт был назначен на 25 октября 1965 года. До запуска двигателей оставалось 42 минуты, когда выяснилось, что попытка вывести на орбиту ракету «Аджена–Д», с которой предполагалось осуществить встречу и стыковку, не удалась. Ракетоноситель и корабль были сняты со стартового комплекса и увезены в ангары.

12 декабря того же года были включены двигатели первой ступени, однако спустя 1,17 секунды (еще до отрыва ракеты от стартового стола) они выключились по сигналу системы обнаружения неисправностей. Создалась ситуация, при которой командир корабля Уолтер Ширра должен был выдернуть кольцо катапультирования. Но Ширра этого не сделал. Хладнокровие и осмысленность действий были именно тем необходимым, что должен был проявить экипаж в столь сложной ситуации.

«Джемини-6» стартовал лишь 15 декабря.

17 мая 1966 года Томас Стаффорд должен был лететь на «Джемини-9». Запуск не состоялся из-за потери связи с ракетой–мишенью, стартовавшей несколькими часами раньше.

Неудачи продолжали преследовать Стаффорда. Старт «Джемини-9» состоялся лишь 3 июня. И когда все тревоги,

казалось, были позади, а пилотируемый Томасом корабль почти вплотную приблизился к стыковочной мишени, стало ясно, что запланированная программа не может быть выполнена: носовой обтекатель от аппарата не отделился. От стыковки пришлось отказаться.

26 мая 1969 года Т. Стаффорд, Д. Янг и Ю. Сернан успешно совершили полет к Луне. Во время полета были выполнены все операции, за исключением посадки на Луну. Но и этот рейс Стаффорда не был лишен волнений. Находясь на низкой селеноцентрической орбите, астронавты имитировали взлет с Луны. Неожиданно в момент, когда произошло отделение посадочной ступени, взлетная кабина начала кувыркаться. В эти решающие секунды находчивость и мужество Стаффорда помогли избежать больших неприятностей. Он взял управление на себя и стабилизировал полет кабины.

Потом мы узнаем, что неудачи преследовали Стаффорда и при возвращении на Землю после выполнения международной программы ЭПАС.

Томас Стаффорд оптимист. Улыбка редко покидает его крупное лицо. Он искренне заражается смехом от шуток своего коллеги. Леонов поражал Стаффорда работоспособностью, умением владеть собой, переделывать в день кучу дел. Леонов тоже оптимист, он писал картины, когда уставал на тренировках. Писал много и, как находил Томас, хорошо. Он рисовал на листке бумаги и, если вдруг его творения исчезали, не обижался, а добродушно говорил: «Взяли, значит, нравится».

Он писал книги, когда считал, что наполнен мыслями, которые интересны читателю. У него 10 книг. И все это он делал легко, уверенно, увлеченно. Стаффорд оказывал Леонову все знаки внимания, был предупредителен, заботлив, тактичен. Члены его экипажа Вэнс Бранд и Дональд Слейтон были постоянно, круглые сутки рядом, также внимательные и работоспособные.

Итак, взаимопонимание налаживалось. Космонавты американские и русские пришлись друг другу по душе, они хотели летать вместе.

Этому радовались сторонники международных контактов, люди хорошо понимающие и научное и политическое значение совместных исследований в космосе.

Американская печать стала ареной борьбы за мнение простого американца.

«Каждый доллар, вложенный США в исследование космоса за последние десять лет, принес сегодня четыре доллара», — писали одни газеты.

«Одна минута пребывания на орбите Джона Гленна (первого астронавта США) стоила 1 миллион 680 тысяч долларов!» — кричали другие газеты.

«Каждая секунда пребывания на Луне обходится налогоплательщикам в 30 тыс. долларов», — возмущались противники ЭПАС.

«Затраты американского Национального управления по аэронавтике и исследованиям космического пространства в 3 раза меньше затрат американцев на спиртные напитки, в 2 раза меньше затрат на табачные изделия, меньше затрат на пари и тотализаторы…» — констатировали другие.

Впереди была встреча в Америке. Рабочий день со–гласован обоюдно: работать по 10–12 часов в сутки. Отдых лишь в воскресенье.

Технический барьер преодолевался легче, чем языковый.

«В космосе мы будем говорить по–русски, а они по-английски, — объяснил Стаффорд сенаторам. — Так мы будем лучше понимать друг друга. Поверьте мне, господа, учить русский язык с моим оклахомским акцентом было так трудно».

При согласовании программ для отдыха Стаффорд просил принять предложение — посетить его дом. Ответная учтивость. Томас потом скажет: «Встреча с советскими коллегами продляет занятия русским языком, практикум, что ли. И потом Алексей — такой прекрасный парень. Он похож на Гагарина».

У Стаффорда скромный небольшой дом с гаражом. Том охотно показывает дом, свои многочисленные сувениры, в том числе и московские подарки, представляет жену Фэй, дочерей. Фэй гостеприимна и радушно просит устраиваться. Встречи с советскими космонавтами в этом доме были неоднократны, и ей они доставили удовольствие. Пока готовятся угощения — смешанная русская и американская кухня, Том с гордостью показывает редкий набор ружей многих стран. В тот вечер в его коллекции появилось великолепное русское ружье.

Непременное условие вечера — говорить как в полете: советские космонавты — на английском, американские — на русском. Алексей Леонов предложил краткий терминологический словарь: «очень окэй», «пора обедать», «стыковка выполнена». Том поддержал идею и просил учесть его вклад в это международное дело: «наливай», «привет, Союз», «перекур на обед»…

Валерий Кубасов очаровывал хозяев своей молчаливостью, редкими и точными фразами. Математик виден с полета. Фразы ложились точно, как швы его космической сварки.

В середине обеда заговорили о войне. Ее помнили все, а Дональд Слейтон особенно хорошо — он участник войны.

Алексей Леонов рассказал об Иване Никитиче Кожедубе. Этого выдающегося летчика хорошо знали в США. Национальная гордость России — стал гордостью стран антигитлеровской коалиции.

Алексей Леонов тоже хорошо помнил Великую Отечественную войну. Он помнил слезы обессиленных в горе женщин, глаза осиротевших детей, вывезенных из блокадного Ленинграда и с Украины. Он помнил душные, смрадные теплушки, переполненные ранеными и неподвижными старцами.

Вспомнилось, как он работал в поле до изнеможения, убирая картофель, собирал колоски, возил сено, выискивал лекарственные травы. Это был его вклад в победу. Он не раз думал, что опоздал родиться, что все героическое совершилось. Высшее счастье землян — Победа, добыта без него, а более великого, героического на земле, как казалось ему, не могло быть.

И тогда, когда он приехал в училище военных летчиков и с благоговением переворачивал боевые донесения о подвигах выпускников, когда читал их письма, ставшие реликвией музея, он помнил о войне.

И, наконец, тогда, когда он впервые поднялся в воздух на самолете «Як-18» и когда получил ручку управления истребителем, ощутив себя и счастливым и всесильным в безбрежной лазури, и когда освоил удивительнейший реактивный самолет «МиГ-15», он понял, что небо стало родным, что он не сможет без него жить, что будет владеть им ради Победы, ради нетленной памяти войны.

Небо стало его домом, темой его творчества.

…Приближалось 15 июля 1975 года.

Корреспондент «Красной Звезды» Лев Нечаюк писал в те дни о Байконуре:

«Наш главный космодром еще очень «молод». Он так же, как Комсомольск, Магнитка или Братск, начинался с первого колышка, вбитого в седую от соли, выжженную землю, с первой палатки, с первого камня в фундаменте первого дома и с первого деревца, одолевшего безжалостную пустыню.

Современный космодром — это необычайно сложное, так сказать, многоотраслевое хозяйство, раскинувшееся на огромной территории. Здесь, посреди пустыни, вырос город с многочисленным населением, в котором есть все привычное и необходимое человеку.

А вокруг города возведены десятки предприятий, сооружений и установок, где собраны новейшие достижения науки, техники, индустрии».

Время отсчитывало своей неукротимый бег, оно работало напряженно, как мозг космонавта. Секунда была мгновением, но и вехой величайшего исторического события.

14 июля в 15 часов 20 минут руководитель смены в советском центре Вадим Кравец по прямому каналу связался с Хьюстоном и сообщил своему американскому коллеге Джону Темплу, что в советском центре объявлена суточная готовность.

Еще несколько часов и счет откроют секунды: 3… 2… 1… Старт!

12 часов 25 минут 15 июля 1975 года. К подножию ракеты подъезжает автобус. Распахивается дверь, выходит Алексей Леонов, за ним — Валерий Кубасов.

Командир корабля А. А. Леонов докладывает Государственной комиссии: «Экипаж готов к выполнению полета!»

Потом они оба в белоснежных скафандрах упругой походкой направляются к трапу.

Леонов поднялся на несколько ступеней, остановился, услышав чье-то шутливое пожелание, задорно бросил: «К черту!»

12 часов 30 минут. Они в лифте. Еще несколько минут — и экипаж занял свои места в «Союзе».

15 часов 00 минут. Ракета стоит на стартовой площадке одиноко, как памятник. Возле нее — никого.

15 часов 05 минут. Объявлена пятнадцатиминутная готовность.

15 часов 12 минут. Звучит команда: «Ключ на старт!»

Все. Теперь судьба ракеты передана автоматам.

15 часов 16 минут. Космонавты опустили стекла гермошлемов.

15 часов 17 минут. «Ключ на дренаж!»

15 часов 18 минут. «Протяжка два!»

Две минуты до старта… Полторы. Одна…

Отошла заправочная башня… Ничего теперь не связывает ракету с Землей…

15 часов 20 минут. Старт!

Обдав землю горячим выдохом могучих двигателей, ракета устремилась в просторы мироздания.

Мир хронометрировал время. Люди сверяли часы. Московские куранты начали единый отсчет времени.

В 19 часов 04 минуты 47 секунд произошла сцепка. Стыковка!

В 22 часа 19 минут 27 секунд произошло первое космическое рукопожатие Алексея Леонова и Томаса Стаффорда.

В 22 часа 24 минуты Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев поздравил космонавтов с выдающимся событием.

В приветствии говорилось:

«Со времени запуска первого искусственного спутника Земли и первого полета человека в космическое пространство космос стал ареной международного сотрудничества».

Обращаясь к экипажам космических кораблей «Союз» и «Аполлон», президент США Дж. Форд сказал:

«Нам потребовалось много лет, чтобы открыть эту дверь для полезного сотрудничества в космосе между нашими двумя странами. И я уверен в том, что не за горами тот день, когда такие космические полеты, которые станут возможными благодаря этому первому совместному полету, будут в какой-то мере обычным делом».

В Москве и Хьюстоне были организованы комитеты по подготовке космической пресс–конференции. В каждый комитет было избрано по пять человек. Им предстояло отобрать из всей массы вопросов наиболее интересные. За несколько часов до начала пресс–конференции список вопросов был готов.

Из 135 часов совместного космического рейса на интервью лишь 22 минуты.

Кубасову: Вы были первым сварщиком в космосе. Предвидите ли вы создание постоянной орбитальной станции усилиями всех заинтересованных стран и на принципах равной выгоды для всех наций?

Ответ: Действительно, во время полета на корабле «Союз-6» мне довелось проводить эксперименты по сварке в космосе. Вчера и сегодня мы участвовали в эксперименте «Универсальная печь»… Я думаю, что эта область — космическая металлургия имеет большое будущее…

Бранду и Леонову: Вы уже трое суток обходитесь без прессы. Какую новость вы хотели бы услышать от нас, журналистов?

Ответ: Только хорошие новости. Мы хотели бы услышать, что мирная жизнь наступила во всех районах земного шара.

Леонову: Где у себя на родине вы хотели бы посадить семена деревьев, предназначенные для обмена между вами?

Ответ: Я родился в Сибири. И в моем сознании самые красивые деревья — ель и сосна. Я бы хотел у себя в Сибири посадить ель и сосну.

Кубасову и Слейтону: У каждого из вас есть дети. Что вы хотели бы пожелать им, а также всем детям Земли из космоса?

Ответ: Счастья. Пожелать всем детям, чтобы их будущее всегда было мирным.

Стаффорду: Насколько, по вашему мнению, оправданы ввиду существующих на Земле проблем расходы на космические полеты?

Ответ: Польза от этих полетов гораздо больше, чем затраты.

Леонову: Могли бы вы передать на Землю набросок рисунка, который выражал бы главный смысл совместной миссии ваших кораблей в космосе?

Леонов показывает зарисовки, сделанные им в этом полете: Томас Стаффорд, Дональд Слейтон.

Кубасову: Может ли опыт, полученный вами в этом полете, составить вклад в будущее космическое сотрудничество между СССР и США, то есть извлекли вы из нынешнего полета что-либо, что пригодится будущим космонавтам и астронавтам?

Ответ: Я думаю, что в нашем полете самое ценное — это предшествовавшая ему работа. Мы встретились со многими неожиданностями, но нашли пути их преодоления. Это был первый полет, я думаю, он откроет дорогу для будущих совместных экспериментов.

Леонову: Как вы оцениваете комфорт в корабле «Аполлон» и как вам понравилась пища американских астронавтов?

Ответ: Я сегодня шесть часов провел на «Аполлоне». Мне приходилось бывать там и раньше. Сегодня я посмотрел его в космическом полете. Это отличный корабль.

Пища мне нравится. Конечно, это не та, что едят все люди. По как говорят философы, главное не то, что ты ешь, а с кем…

Стаффорду и Леонову: Какой полет в космос вы хотели бы совершить вместе?

Леонов: Я глубоко уверен, что мы находимся в самом начале большого космического пути человечества. Мне бы хотелось побывать в длительном полете, чтобы глазами художника взглянуть на Землю.

Стаффорд: Совершить полет на каком-нибудь новом аппарате…

Стаффорду и Леонову: Считаете ли вы, что возможности в организации спасательных операций, продемонстрированные этим полетом, сыграют важную роль в будущих космических полетах?

Ответ: В космическом полете возможны всякие неожиданности, в том числе и такие, что потребуют спасательных операций. Мы положили начало созданию технической основы для унификации стыковочных устройств. Это большой шаг в нужном направлении…

За время космической пресс–конференции космическая станция «СОЮЗ–АПОЛЛОН» проделала путь в 14 тысяч километров.

Поэт Михаил Вершинин в эти дни написал:

Иные времена!
И вы меня поймете:
Советская страна с Америкой
в полете!

Проект ЭПАС осуществлен. Воздав должное мужеству космонавтов, правительство наградило их высшими орденами.

Генерал-майор авиации дважды Герой Советского Союза Алексей Архипович Леонов вернулся к исполнению своих обязанностей заместителя начальника Центра подготовки космонавтов и включился в новую программу подготовки. Предстоят новые старты, новые программы. Надо быть готовым к более сложным полетам.

notes

Примечания

1

СКП — стартовый командный пункт.

2

ВПП — взлетно–посадочная полоса.

3

РУД — рычаг управления двигателем.

4

«Зет» — кодовое название участия в освободительной войне Китая.

5

КДП — командно–диспетчерский пункт.